Е. Ф. ИВАНОВСКИЙ

АТАКУ НАЧИНАЛИ ТАНКИСТЫ

Евгений Филиппович
ИВАНОВСКИЙ

ГЕНЕРАЛ АРМИИ
Е. Ф. ИВАНОВСКИЙ

АТАКУ НАЧИНАЛИ ТАНКИСТЫ

МОСКВА
ВОЕННОЕ ИЗДАТЕЛЬСТВО
1984

ББК 63.3(2)722
И22

Ивановский Е. Ф.

И22 Атаку начинали танкисты.— М.: Воениздат, 1984.— 254 с., 5 л. ил. — (Военные мемуары).

В пер.: 1 р. 30 к.

Генерал врмии Е. Ф. Ивановский рассказывает о ратких делах своих боевых друзей, вояяов 2-го (впоследствип 8-го гвардейского) танкового корпуса, которые отличклись в сражекиях Великой Отечествеииой войкы на Дону, под Сталииградом и Ворокежем, ка Курской дуге, в Варшавско-Люблинской и других операциях, повествует о воиском мастерстве, мужестве и подвигах твикистов, о боевом братстве Краской Армкк и Войска Польского.
Рвссчитака нв массового чктателя.

И $\frac{1304010000\text{-}149}{068(02)\text{-}84}$ 57-84

ББК 63.3(2)722
9 (с) 27

НАС ЗОВЕТ КОМСОМОЛ

Как и почему связал всю свою жизнь с армией? Отвечая на этот вопрос, многие обычно вспоминают о юношеской мечте, которая еще в школьные годы властно звала их в поле, на море, за облака — в страну замечательной и тревожной военной романтики. У меня получилось несколько иначе. Окончив в 1935 году десятилетку на станции Красный Лиман в Донбассе, я решил поступить в киевский киноинститут, чтобы выучиться на кинорадиоинженера только входившего тогда в нашу жизнь звукового кино. Не то чтобы была мечта — просто выбор профессии. В немалой степени способствовал этому выбору наш местный киномеханик Василь Немиющий: это он пускал нескольких парней, в том числе и меня, к себе в кинобудку, давал что-нибудь подержать, поручал что-то покрутить — вот и показалось, что лучше да почетнее работы и быть не может. Сыграло свою роль еще одно обстоятельство. Вскоре после окончания школы я заболел, потребовалась операция. Пока выздоравливал, друзья-одноклассники разъехались на вступительные экзамены в вузы, а я остался один. В киноинституте экзамены проводились попозже, выходила дорога только туда. Поехал я в Киев. Конкурс в киноинституте оказался весьма солидным. На экзамене по химии схватил тройку, и стало ясно, что в число студентов мне не попасть.

Вернулся в Красный Лиман без особых сожалений о киноинституте. Поступил на работу дежурным техником радиоузла станции. Радиооборудование было тогда несложным, моих знаний и опыта школьного радиолюбителя вполне хватало, чтобы справляться с своими обязанностями.

Живу в отчем доме, работаю с охотой, тут же, в Красном Лимане, ходит мимо палисадника моя первая любовь... Чего лучше? И пошли дни, недели, месяцы, как ежедневные поезда по расписанию.

И вот однажды в летний день июля 1936 года мне и нескольким другим комсомольцам, уже поставленным на

военный учет, объявили: вечером быть в райкоме комсомола, собирает на беседу сам товарищ Медвинский, секретарь. В назначенное время мы явились, человек пятнадцать здоровых, крепких парней. Тихо сидели в приемной, ломая головы: какое у Медвинского к нам дело? Думали, что будет вызывать по одному, задавать какие-то вопросы, а получилось совсем не так. Он вышел к нам сам, моложавый человек с усталыми глазами, широким жестом пригласил всех в кабинет. Когда расселись, заговорил с нами просто и умно, как, бывало, учитель на уроке. Рассказал о достижениях страны в первой и второй пятилетке, об укреплении ее экономического и оборонного могущества, заострил внимание на том, что империалистам совсем не по душе стремительный рост единственной в мире социалистической державы, что они готовятся к войне против нас и неизвестно, когда нападут — через год или завтра.

— Партия и комсомол призывают молодежь поступать в военные училища, — сказал он, вглядываясь в наши лица. — С этим я и обращаюсь сегодня к вам, товарищи.

С нами говорили вот так, пожалуй, впервые. Мы, вчерашние школьники, а ныне взрослые парни, оказывается, нужны в строю защитников Родины. Отдалось это в душе каждого тревожным колокольчиком, и захотелось нам в ту же минуту сделать что-то значительное, важное.

Все мы, как один, заявили секретарю райкома, что поступаем в военные училища. Некоторые мои товарищи захотели идти в летное, а Юрий Егоров, Павел Решетняк, Виктор Архангельский и я — в танковое.

Беседа в райкоме, пожалуй, и впрямь была уроком не школьным, а жизненным: мы окончательно усвоили такие понятия, как «должен», «надо для Родины», понятия, которым следует подчинить личные желания и устремления. Партия и комсомол призывали — мы ответили «Есть!».

Вскоре я писал автобиографию, поступая в бронетанковое училище. Впоследствии пришлось много раз ее излагать (разумеется, полнее) — при вступлении в партию, зачислении в военную академию, при переводах по службе. Думается, что и сейчас вот уместны несколько слов о моем, как говорится, происхождении.

Наша семья Ивановских — с Витебщины. Крестьяне. Родился я в 1918 году в деревне Черея, недалеко от поселка Чашники, впоследствии районного центра. Был единственным сыном у родителей — ни братьев, ни сестер. Такая малочисленная семья в сельской местности — редкость. Отец, Филипп Артемьевич Ивановский, окончил некогда

церковноприходскую школу, знал грамоту и во время первой мировой войны служил в команде писарей, — возможно, поэтому и жив остался. Мать, Ольга Яковлевна, всегда, сколько помню, занималась домашним хозяйством. Годы молодости родителей и моего детства были тяжкими, голодными, как и у многих в тогдашней белорусской деревне. Товарищ отца по армейской службе подался на заработки в Донбасс, а потом и его самого уговорил туда переехать. Так отец попал на станцию Красный Лиман, где устроился конторщиком. Лет, наверное, за пятнадцать дослужился до должности начальника конторы по учету и транспортировке грузов. Отец для меня был примером во всем — в уравновешенном и добром отношении к людям, в трудолюбии, честности, смелости, скромности. Век его был не долгим. Он умер в 1957 году, в тот день, когда должен был уходить на пенсию, — так что пенсионером ему пожить не довелось.

В 1925 году к отцу в Красный Лиман переехали и мы с матерью. Меня определили учиться в школу. Так и рос вместе с другими детьми рабочих и служащих станции. Жили мы не богато, но как весело и хорошо нам было на краснолиманском приволье: играли в поезда, гоняли тряпичный мяч по пустырю, ездили на соседний полустанок купаться в Донце, иногда дрались.

С первого класса со мной училась дочь машиниста Рая Левченко. Вместе с нею мы прошли всю десятилетку, а потом поженились. Надолго разлучила нас только война, а так — шагаем по жизненному пути рядом. Теперь уж трудно подсчитать, сколько раз переезжали мы с Раисой Федоровной из гарнизона в гарнизон, не просто вспомнить, где, в каких краях побывали.

Как-то в гостях у друзей меня спросили:

— С какого времени вы знакомы со своей женой?

— С двадцать пятого года, — ответил я.

— Позвольте: с семи лет, что ли?

— Представьте себе. Познакомились в первом классе, когда сидели за одной партой.

...В 1936 году поступил я в военное училище. Занимался старательно и с интересом, практические занятия по стрельбе и вождению, как и другие курсанты, считал маленькими праздниками, на обслуживании техники не щадил мускулов. В декабре 1938 года успешно сдал выпускные экзамены, окончив Саратовское бронетанковое военное училище по первому разряду. Группу перворазрядников назначили на Дальний Восток, чему все мы обрадовались —

тогда это были самые тревожные рубежи советской земли. Получили предписания, в которых пунктом прибытия значилась маленькая дальневосточная станция, быстро собрались в дорогу и уже распевали бодро: «Амур мой широкий, Байкал мой глубокий...» Но уехать не успели. Прибывший из Москвы кадровик затребовал два десятка выпускников для укомплектования танковых частей Московского военного округа. Так я и некоторые мои товарищи попали в столичный округ. Высокой чести удостоились. Получили право наравне с другими участвовать в развернувшемся тогда соревновании под девизом «Сделаем Московский военный округ лучшим в РККА!». Но в глубине души сожалели, что не довелось попасть на самое взрывоопасное направление, где только что закончились хасанские события.

ИСПЫТАНИЕ ОГНЕМ

Мы прибыли в танковый полк, которым командовал участник гражданской войны, известный в армейской среде майор Д. Д. Лелюшенко. В день нашего приезда самого Дмитрия Даниловича на месте не оказалось, был где-то в командировке. Принимал нас заместитель командира полка майор И. М. Харчевников. Беседовал с каждым, старался чем-то помочь. Строгая осанка, четкая, по-командирски несколько рубленая речь не могли скрыть большой доброты, которая так и светилась в этом человеке. Узнав, что я еще курсантом успел жениться, оценил это не очень одобрительно, но позаботился, чтобы в общей квартире выделили для молодой семьи девятиметровую комнату. Впоследствии, в ходе службы, занятий по боевой подготовке, Иван Митрофанович Харчевников много работал с нами, молодыми командирами. Мне же довелось с ним участвовать в боях зимой 1939/40 года, в Отечественной войне, встречаться в послевоенные годы.

Несколько дней спустя вернулся в часть майор Лелюшенко. Знакомство наше с ним состоялось так. Узнав о прибытии молодых лейтенантов, он сам пришел к нам в общежитие. Поздоровался и, несмотря на вечернее время, скомандовал:

— Быстро одеться и за мной — шагом марш!

Повел в учебный корпус. Там кратко расспросил, кто откуда и как думает служить, а потом начал экзаменовать по технике и вооружению, «гонять» по уставам. Если кто

запинался при ответе, то долго не слушал, сам излагал то или иное положение. Задавал и не относящиеся к военному делу житейские вопросы. Позже мы узнали, что это у него в характере — вот так не давать покоя вопросами. А Лелюшенко ведь не только знания проверял — требовал от подчиненного любого ранга, помогал ему постоянно держать мысли в рабочем состоянии, быть всегда целеустремленным.

Людей Дмитрий Данилович оценивал краткими, меткими характеристиками, скажет — что печать поставит: «капитан такой-то, он же горит-кипит на работе!» или «этот лейтенант не идет в жизни, а сунется...» Вообще-то «сунуться», работать с дремотой он никому не давал.

Забегая вперед, хочу привести еще один пример. Летом 1939 года мы жили в лагерях, в нескольких километрах от гарнизона. Жене понадобилось обратиться к врачу, поехала она в город и там задержалась. Уж третий день пошел, я забеспокоился, попросил разрешения у комбата и отправился в город. Ожидал парома у реки, и тут подъехал на эмке майор Лелюшенко. Заметил меня, пригласил в машину, коротко бросил:

— Со мной доберешься быстрее.

Ехали несколько минут молча, а потом Дмитрий Данилович завел разговор в своей излюбленной форме — вопросов и ответов. Вдруг поинтересовался, как я знаю грамматику: что такое суффикс и что такое флексия? Затем перешел к географии: вот, скажем, довелось плыть из Ленинграда в Лондон — какие проливы, заливы, архипелаги надо пройти? Я напрягал память, старался отвечать правильно, а сам думал: «Лучше бы я переплыл речку на пароме, а дальше ехал на какой-нибудь попутной телеге, чем это воображаемое путешествие по Балтийскому морю».

Майор Лелюшенко часто, чуть ли не ежедневно, бывал на полигоне, танкодроме. Появлялся, как правило, внезапно. Он учил нас, молодых командиров, методике проведения практических занятий по стрельбе и вождению боевых машин, воспитательной работе с подчиненными, не забывал о строевой и физической подготовке. Сам принимал от нас зачеты. Любил спорт во всех его видах, требовал, чтобы лейтенанты тренировались как можно больше, чтобы зимой после утренней зарядки непременно обтирались снегом. Когда я много лет спустя впервые увидел известную картину «Утро танкистов», то сразу вспомнил нашу физзарядку в зимних лагерях.

У Дмитрия Даниловича в кабинете висела большая, во всю стену, ведомость учета боевой и политической подготовки командиров и политработников нашей танковой части. С некоторых пор появились там и наши фамилии. И оценки против каждой. Если по какой-то дисциплине схватил тройку — знай, что будет разговор с командиром полка, при котором не раз покраснеешь.

Этот человек отдавал делу военной службы все силы и энергию, всего себя. На плечах таких командиров, как я теперь хорошо понимаю, держалась наша боеготовность. А проверка ее — огнем и кровью — была уже не за горами.

Во время войны мне довелось встречаться с командармом Д. Д. Лелюшенко, решать под его руководством нелегкие боевые задачи, получать правительственную награду из его рук. Дмитрий Данилович вырос в должности, в звании, но не постарел и привычкам своим не изменил. То были даже не привычки, а сильные и яркие черты командирского характера. Танковая армия Д. Д. Лелюшенко записала на свой боевой счет немало славных побед.

Наши будни в части были до краев наполнены учебой, ратным трудом — проходили они быстро, только успевай календарные листки срывать, но не бесследно. В мой взвод, оснащенный танками Т-26, в марте прибыли люди из запаса — командиры машин, механики-водители, башенные стрелки. Ребята все хорошие, иные уже с житейским опытом, но, чтобы сколотить и обучить настоящее подразделение, с ними надо было много работать.

Весной вышли в лагеря. Майор Лелюшенко позаботился, чтобы там были созданы все условия для эффективной боевой учебы танкистов. С кадрами, правда, были трудности. Опытные командиры, как, например, наш ротный старший лейтенант В. Костров, ушли на повышение, на их места назначалась молодежь. В нашем подразделении сложилось в одно время так: исполняющий обязанности командира роты — я, и. о. политрука — старшина срочной службы Леша Константинов, и. о. зампотеха — младший воентехник Иван Переверзев. Вот такое командование — все «врио». Но работали мы дружно, с огоньком, и дела в подразделении шли неплохо. Мой «комиссар», как я называл Константинова, каким-то образом поспевал бывать на всех важнейших мероприятиях, умел всюду оказать на людей нужное влияние. Этот энергичный, общительный паренек с четырьмя треугольничками на петлицах, по моим тогдашним представлениям, был врожденным политработником.

Замечу, что мне всю службу, всю жизнь на политработников везло. Сколько их было — политруков, комиссаров, замполитов, начпо, — все оказывались на должной высоте, с каждым у нас складывались деловые и товарищеские отношения, хотя в принципиальных вопросах, в требовательности мы никогда не поступались ни на йоту.

Все лето, жаркое, сухое лето 1939 года, провели мы в лагерях, усиленно занимаясь боевой подготовкой. Никого не надо было понукать, ни красноармейцев, ни командиров, — все понимали и чувствовали, что вот-вот понадобится наша выучка в боях. Конкретных установок на сей счет, правда, не было. Проводились учебные тревоги и развертывания, что в армейской жизни в порядке вещей.

И вот оно... В первых числах сентября приказано было погрузиться в эшелоны. Незадолго перед этим наша часть была преобразована, пополнена техникой, вооружением, личным составом и стала называться 39-й отдельной легкотанковой бригадой. Комбриг — тот же, строгий, жестковатый, но уважаемый всеми нами Дмитрий Данилович Лелюшенко. Ночью погрузились мы на станции Рязань-2. Меня назначили дежурным по эшелону. Другие командиры побыли какое-то время с семьями, а мне выпало на прощание всего несколько минут.

Гудок паровоза. Поехали.

— Ты, как полномочный дежурный, разведай, — сказал мне с шутливой доверительностью комбат капитан П. Крупский. — Известно, что следуем пока до Воскресенска, а там куда повернут?

— На восток, наверное, — предположил я. — На Халхин-Голе идут бои.

— Там дело к завершению, — вмешался политрук Н. Лубенников. — Без нас справятся.

Эшелон грохотал на стрелках, шел без остановок на разъездах и станциях.

Сколько-нибудь существенных «разведданных» мне добыть не удалось. После Воскресенска стало ясно одно: едем не на восток, а на запад.

А с утра следующего дня за окошком вагона потянулась уже белорусская земля: приземистые, серые деревни, болотистые поля, вспыхнувшие огнем желтеющей листвы березняки.

Миновали Полоцк. Разгрузились на станции Боровуха. Готовили к маршу и возможным действиям технику, вооружение.

В составе советских войск вступили в Западную Белоруссию. Никаких боев, хотя все мы, разумеется, были начеку — просто освободительный поход. Радушные встречи с населением на каждом привале глубоко волновали нас.

К началу декабря 1939 года нашу 39-ю отдельную легкотанковую бригаду перебросили на Карельский перешеек. Уже шли ожесточенные бои, и было ясно, что здесь-то нам, танкистам, придется понюхать пороху.

Быстрым маршем бригада вышла в назначенный район. Предстояло действовать на кексгольмском направлении. Путь бригады лежал от неудачного декабрьского наступления в низовьях Вуоксинской водной системы к февральскому прорыву линии Маннергейма.

Мороз. Свинцовое небо над головами. Гул близкой артиллерийской стрельбы.

По приказанию командира бригады, теперь уже полковника Д. Д. Лелюшенко меня отправили к старшему начальнику с донесением о сосредоточении и готовности соединения к боевым действиям.

Не без трудностей разыскал я штаб стрелкового корпуса. После неоднократной проверки документов и полномочий наконец провели меня на КП. В просторной землянке стояли столы с картами на них и телефонными аппаратами. Было здесь многолюдно и довольно шумно: штабные командиры передавали по телефону распоряжения, принимали доклады, стучали пишущие машинки и телеграфный аппарат Бодо. Докладывал я невысокому, подтянутому командиру с двумя ромбами в петлицах. Это был комдив П. И. Батов.

Меня ознакомили с обстановкой. Оказывается, еще до прибытия нашей танковой бригады стрелковые части форсировали реку Тайполен-Йоки и захватили небольшой плацдарм. Нам предстояло с него наступать.

В бригаду я возвращался не один. Вместе со мной был направлен один из командиров штаба корпуса, как тогда он именовался, «делегат связи», с боевым приказом и картой с нанесенной обстановкой.

Первый бой не показался мне каким-то необыкновенным Рубиконом. Морально я был к нему готов, как, наверное, всякий военный человек, да и забот командирских хватало — я по-прежнему исполнял обязанности ротного. С рассвета наша артиллерия вела непрерывный плотный огонь по позициям противника. Огневая подготовка про-

должалась около трех часов. В бинокль было видно, что на лесной опушке уже не деревья, а голые столбы — ветви отсечены осколками. Но огонь этот не очень-то донимал финнов, засевших в глубоких бетонированных дотах.

Взлетели в серое небо ракеты — сигнал к атаке.

— Вперед! — передаю команду.

Танки двинулись, прошли через позиции нашей пехоты. Бойцы сразу же выскочили из окопов и побежали за ними, прикрываясь машинами. Снег был глубокий. Танки с трудом преодолевали белое крошево на низшей передаче. Прошли так метров триста—четыреста. Пехота, державшаяся сначала за танками, отстала. И тут финны открыли губительный огонь из противотанковых орудий. Наши экипажи ответили дружной стрельбой из своих 45-миллиметровых пушек. А пехота залегла в снегу позади нас, ее могли с минуты на минуту накрыть шрапнелью. Пришлось танкам вернуться к пехоте. Так повторялось несколько раз: назад — вперед. Несколько машин было повреждено огнем противника, одна загорелась. Но бой продолжался. Наши танкисты, видать, уже втянулись в тяжкую боевую работу и меньше всего думали о том, что смерть витает над заснеженным, вспаханным гусеницами полем. И даже столбы черного дыма над горящим танком их не страшили. Мы воюем. Подходим все ближе к дотам, стремимся бить по амбразурам. Отважно действует лейтенант Иван Морозов со своим взводом — можно подумать, что это не молодой командир, а бывалый фронтовик. Между тем наши усилия не очень эффективны: огонь атакующих танков почти не причиняет вреда противнику, укрывшемуся в дотах, дзотах, в окопах. Противник усиливает огонь. Горят еще два наших танка. Появились первые потери. Узнаю, что ранен командир соседней роты лейтенант Иван Мельников, мой товарищ по училищу.

Словом, атаки наши успеха не имеют. Большие потери несет пехота.

— Кончай утюжить! — закричал по радио комбат Крупский. — Командиров рот — ко мне...

Бой сник, затих. Бывает, что без всяких указаний сверху вот так выдохнутся обе стороны, и все, конец единоборству.

Атакующим пришлось вернуться на исходные позиции.

Тяжелый был бой и... безрезультатный. Около танков месили снег, переминаясь с ноги на ногу, командиры. Покуривали, помалкивали — не хотелось и говорить о боевом крещении, раз не добились успеха.

Капитан П. Крупский, ни к кому не обращаясь, рассуждал вслух:

— Были и до нас тут такие же бесплодные попытки взять нахрапом. Решили повторить — ни черта не вышло. Разведка нужна! Изучить противника надо досконально, а потом уж бросаться в атаку.

Он с ожесточением швырнул окурок, приказал нам заправить машины, пополнить боезапас, разведать, как можно эвакуировать с поля боя подбитые танки, а сам направился на КП. Наверное, пошел доказывать начальству, что необходима глубокая разведка сил и средств противника. И, видимо, доказал. По распоряжению штаба бригады в ту же ночь разведгруппы отправились в поиск. Их задача — установить огневые точки противника, вскрыть его систему огня, определить сильные и слабые стороны вражеской обороны.

Мне и моим танкистам с наступлением темноты тоже выпала нелегкая и небезопасная работа. Надо было эвакуировать с ничейной полосы поврежденные танки, да раньше еще подумать — как. Заместитель командира бригады майор И. Харчевников и инженер бригады военинженер 2 ранга Н. Банштедт предложили вытаскивать танки на длинных тросах тракторами «Коминтерн». Мысль дельная, но опять-таки осуществить ее не просто. Несколько бойцов тянули длинный и тяжелый стальной трос по заснеженному полю ничейной полосы. Близ переднего края противника, под молниями трассирующих пуль, пробирались они ползком к подбитому танку, цепляли трос за буксирный крюк. Порой приходилось соединять два-три троса. Работать надо было без шума, при сильном морозе, когда пальцы к металлу липнут. И вот мощный трактор «Коминтерн» начинал тянуть трос. Оживший вдруг танк уползал с ничейной земли. Финны открывали сильный огонь из пулеметов и минометов, стремясь накрыть наших смельчаков. Иногда удавалось эвакуировать подбитую боевую машину другим исправным танком. Это безопаснее — пулеметный и минометный огонь за броней не страшен. Но не всегда возможно. Недостаточно мощные двигатели танка Т-26 не выдерживали двойной нагрузки в глубоком снегу.

Подготовка к новой атаке проводилась тщательная. Разумеется, она заняла немало времени. Были организованы разведка и постоянное наблюдение за противником — изучались его оборона, система дотов, минных полей, заграждений. Направление атаки, подход к доту отрабатывались для каждого танка. В тылу были организованы занятия

танкистов с пехотой, особое внимание уделялось слаженности штурмовых групп. Взаимодействие подразделений согласовывалось по времени, по рубежам. Установили добрый десяток различных сигналов и команд — свистками, ракетами, флажками и голосом. Радиосвязь тогда в стрелковых подразделениях еще не была внедрена.

В нашем батальоне появились инженеры, представители танкового завода. Вместе с танкистами они осматривали, ощупывали пробоины в броне. Снаряды шведских противотанковых пушек, имевшихся у финнов на вооружении, представляли серьезную опасность. Надо было что-то предпринять, не дожидаясь новых модификаций машины. Возникла мысль, воплотившаяся в довольно оригинальное инженерное решение. Танки поочередно отправлялись в ближайший тыл на завод, и там устанавливалась на них дополнительная броня из какого-то вязкого сплава. Оснащенные такой броней машины у нас прозвали «экранированными». На них мы смело маневрировали на поле боя под огнем шведских пушек и чувствовали себя уверенно.

Такая всесторонняя подготовка к наступлению заняла, повторяю, не одну неделю.

Была произведена перегруппировка войск. Наша бригада перешла на новое направление, в полосу 23-го стрелкового корпуса. Штабы частей тщательно отработали все вопросы взаимодействия пехоты, танков, артиллерии.

И вот, кажется, все готово к атаке. После мощной артиллерийской и авиационной подготовки танкисты и пехота устремились вперед. Танковые атаки на этот раз имели успех. Пехота, следуя за нашими боевыми порядками, значительно продвинулась. Методично и последовательно «прогрызалась» оборона противника. Наступавшие блокировали и уничтожали доты, штурмом овладевали высотами, опорными узлами. Продвижение шло медленно, но неустанно. Шаг за шагом мы теснили врага.

В смысле тактики действий противник, надо сказать, был горазд на коварные выдумки. Я уж не говорю о снайперах-кукушках, сидевших на деревьях и метко стрелявших оттуда, — это известно. Противник изыскивал самые изощренные способы нанести нам урон: применял мины-ловушки, мины-сюрпризы, минировал все, что только можно.

Вспоминаю, как в ходе боевых действий в центральной части Карельского перешейка мы долго не могли овладеть высотой под названием Кирха Муола. Скаты ее пологие, но все же она заметно поднималась над окружающей местностью. Вот танки батальона вышли на высоту и даже

перевалили через нее. Сейчас погоним противника дальше. Но тут пехота, идущая за нами, вдруг залегает, отрывается от нас. И не понять, откуда такой сильный огонь по пехоте, ведь до атаки была проведена мощная артиллерийская подготовка. Я решил продвинуться своим танком дальше вперед, приказав экипажам внимательно наблюдать за местностью, искать огневые точки. Ничего не обнаруживалось на заснеженном поле. Помогла случайность. Один танк, маневрируя, завалился вдруг на правую гусеницу, едва не лег на борт. В какую же западню он попал? Оказалось, вражеские саперы загодя подготовили крытые ходы сообщения и блиндажи, изрыли всю местность ими, как норами. Все следы этой их работы были укрыты выпавшим снегом. Во время нашей артподготовки финны оттягивались в тыловые укрытия, а перед самой нашей атакой вновь выдвигались по своим «норам». Танки пропускали, а по наступающей пехоте открывали из многих щелей огонь в упор. Вскрыть эту систему было не так просто. И когда мы в ней наконец разобрались, сразу стали искать противодействие. На кратком совещании в блиндаже были высказаны разные предложения. Мы сидели рядом, на одном снарядном ящике, с лейтенантом Евгением Лысенко, командиром огнеметного взвода. Слушали комбрига, других старших начальников, потом зашептались, тесня друг друга плечом:

— А что, если нам повзаимодействовать, танкистам и огнеметчикам?

— А что, может получиться...

— К примеру, я их выкуриваю огнеметами из щелей...

— А я пулеметным огнем расстреливаю и гусеницами проутюживаю.

— Здорово!

— Дай пять.

Д. Д. Лелюшенко, проводивший командирское совещание, призвал нас, двух разговорившихся лейтенантов, к порядку, но все же обратил внимание на наши отрывочные фразы, пожелал выслушать. Когда мы доложили метод взаимодействия танкистов и огнеметчиков, он одобрил затею.

Выходя из землянки, застегивая наглухо полушубки, зная, что сейчас окунешься в лютый мороз, мы с Женькой крепко пожали друг другу руки, сказав почти одновременно: «Расчистим путь пехоте!»

Следующий фронтовой день начался как по распорядку: артподготовка, рывок танков, атака пехоты. Но атаку эту

финны, как прежде, отразить огнем «из-под земли» уже не смогли. Как только танки двинулись вперед, огнеметчики лейтенанта Е. Лысенко, шедшие с нами в боевых порядках, начинали «выкуривать» из-под перекрытия траншей вражеских автоматчиков, те выскакивали на снег, где их настигали пулеметные очереди танкистов.

Наша пехота с боями продвигалась вперед.

Иногда мы, видя, как яростно, коварно, как-то по-бандитски дерутся против нас финны, задумывались: кто они такие? Мало походили их отряды на подразделения регулярной армии. По методам борьбы — ни дать ни взять живодеры. Допросы пленных подтверждали наши сомнения, против частей нашей Рабоче-Крестьянской Красной Армии сражались наймиты финской буржуазии, возглавляемые отъявленными душегубами, сынками капиталистов и помещиков. Их «одержимость» вызрела, разумеется, в определенных условиях. Финляндия была охвачена тогда националистским, антисоветским угаром, к чему немало усилий приложил мировой империализм, усматривающий в этой стране один из форпостов борьбы против Советского государства.

В период подготовки к решающему наступлению меня и воентехника 1 ранга В. Завидонова направили в город, где на заводе устанавливалась дополнительная броня на наших танках. Мы должны были принять машины и получить десяток танковых двигателей.

Город, в который мы вскоре прибыли, был затемнен. На предприятиях работа строго регламентировалась Нас, фронтовиков, было просто отличить в уличной толпе по полушубкам и ватникам, перетянутым снаряжением, и ленинградцы при встречах заводили с нами беседы, расспрашивали о войне. Мы пробовали отшучиваться. Рассказывали не о боях, а о том, как при таких страшенных морозах фронтовую баньку устраиваем: прорубаем лед на озере, сверху брезент натягиваем, двигателями под ним воздух нагреем — вот и мыться можно. Другие случаи фронтового быта вспоминали. Наши собеседники, мастеровые, рабочие, шутливого тона не принимали. Послушают, поулыбаются из вежливости, а все ж потребуют: «Вы нам о войне, о войне расскажите, сынки». Ответы были короткими и честными: воюем, выполняем приказ.

Боевые действия на Карельском перешейке явились для нас, красноармейцев, командиров и политработников, серь-

езным испытанием. Мы его выдержали. В тяжелых условиях, в жестоких боях советские воины проявили мужество, стойкость, героизм. Наша 39-я отдельная легкотанковая бригада за боевые заслуги была награждена орденом Ленина. Комбриг Д. Д. Лелюшенко удостоился звания Героя Советского Союза, высокими наградами отметила Родина подвиги многих красноармейцев, командиров и политработников.

В те годы, когда советским воинам пришлось участвовать в сражениях против мирового империализма и реакции, против фашизма в Испании, на Халхин-Голе, в Финляндии, наша страна переживала сложный и напряженный период своего развития. Темпы социалистического строительства достигли высокого уровня, требовавшего большой трудовой активности народных масс, крупных капиталовложений в промышленность, транспорт, сельское хозяйство.

Все более обострявшаяся международная обстановка вынуждала Страну Советов проявлять первостепенную заботу об укреплении своей оборонной мощи. Коммунистическая партия и Советское правительство неуклонно и твердо проводили миролюбивую внешнюю политику и вместе с тем делали все для того, чтобы защитить мирный, созидательный труд народа, государственные интересы социалистической Родины.

Империалисты не упускали малейших возможностей для разного рода политических и военных провокаций против СССР. В плане общей подготовки реакционных сил к большой войне проводилась, так сказать, разведка боем то на западных, то на восточных наших рубежах.

Тучи военной грозы в конце тридцатых годов сгущались. Неизбежность нападения на нашу страну становилась все более очевидной. Мы, военные, чьей профессией стала защита Родины, готовили себя к бою в любой день и час.

Боевые действия на Карельском перешейке к весне 1940 года прекратились. Как известно, 12 марта был подписан мирный договор.

Там, в районе боевых действий, вручили мне телеграмму, которая дошла лишь на пятые сутки. Жена сообщала: «Поздравляю с сыном. Телеграфируй имя». По моему желанию, по советам товарищей решено было назвать первенца Виктором.

НУЖНЫ ГРАМОТНЫЕ КАДРЫ

В числе других участников боевых действий в начале мая 1940 года меня послали на курсы по подготовке в военную академию. Все лето мы напряженно занимались, готовясь к вступительным экзаменам, а с 1 сентября я стал слушателем первого курса командного факультета Военной академии механизации и моторизации РККА, ныне Военной академии бронетанковых войск имени Маршала Советского Союза Р. Я. Малиновского.

На курсе нас было около сотни командиров, в числе которых — 21 Герой Советского Союза и 70 орденоносцев. Вместе с другими был удостоен боевой награды — ордена Красной Звезды — и я. Награды нам вручали в Кремле.

В академии мы вновь встретились с Евгением Лысенко. Выглядел он совсем юношей, в новой коверкотовой гимнастерке, на которой сиял золотом орден Ленина. Иногда мы вспоминали с ним боевые эпизоды советско-финляндской войны, но больше говорили и думали об учебных делах.

На учебу все мы, молодые командиры, набросились, я бы сказал, с жадностью. Планирование маршей танковыми частями, порядок проведения рекогносцировок, организация боя, техническое и тыловое обеспечение, устройство полевого быта — все, казалось бы, не только знакомо, но и на практике испытано. И вместе с тем все ново, ибо как-то поиному воспринимаешь известный тебе вид боевых действий, когда под него подведен фундамент военной теории. Лекции в академии читались на высоком уровне, практические занятия проводились очень квалифицированно. Преподавателям, как они сами говорили, было легко и интересно с нами работать. От общения с нами они тоже могли что-то перенять, почерпнуть, потому что не все из них имели боевой опыт.

После лекций и практических занятий по расписанию значились часы самоподготовки. Нередко они затягивались допоздна: слушатели любили подискутировать. На курсе учились «испанцы», «халхингольцы», «карелы» — то есть те, кто принимал участие в боевых действиях в Испании, на реке Халхин-Гол, на Карельском перешейке. Воевали мы в разных условиях, потому каждый мог и опытом поделиться, и свой взгляд отстоять в товарищеском споре. Воевавшим на Халхин-Голе, например, было интересно послушать о наших действиях в снегах, в узкостях между озерами, и многое им было в новинку. Мы, участники советско-финляндской войны, с восхищением и даже с некоторой завистью

воспринимали их рассказы о маршах и маневрах танковых подразделений в широком раздолье монгольских степей.

А потом разговор наш с военно-профессиональных тем перебрасывался вдруг на политику — словно вновь вспыхнувший огонь. В стенах академии, пожалуй, больше чем где-либо, можно было услышать авторитетное слово о военно-политической обстановке в мире: здесь бывали старшие начальники, здесь с нами повседневно работали седоголовые преподаватели в полковничьих и майорских званиях, но с огромным кругозором. Сами мы, слушатели, тоже были народом начитанным и довольно проницательным. С реальным взглядом на ход событий говорилось и повторялось: война будет, войны не избежать, вопрос только — когда и как она начнется. Хотя врывалось порой, как сквозняк из открытой форточки, и противоположное мнение. Один представитель Коминтерна, выступая на встрече со слушателями, к примеру, заявил, что рабочий класс всех стран, в том числе капиталистических, изо дня в день крепит солидарность, единство, и в мире, дескать, уже явно ширится отпор фашизму. Мы отнеслись к подобным речам недоверчиво. А когда это дошло до приехавшего в академию по делам начальника ГАБТУ[1] генерал-полковника Я. Н. Федоренко, он, видимо, счел необходимым выступить перед слушателями. Рассказал о международном положении, о мерах Советского правительства, Наркомата обороны по укреплению наших Вооруженных Сил. А невольно перейдя с официального тона на доверительно-дружеский, сказал просто:

— Война, товарищи, приближается. Ваша служба пройдет по полям сражений.

На закрытых площадках, в технических классах академии появились танки Т-34. Все мы были восхищены тридцатьчетверкой. В этой боевой машине сочетались тактико-технические данные, рассчитанные на перспективу. Ей была предначертана поистине легендарная судьба на полях грядущих сражений.

Приближалось лето сорок первого.

3 мая состоялся правительственный прием выпускников военных академий в Кремле. На другой день газеты сообщили, что на приеме выступил И. В. Сталин с речью продолжительностью около 40 минут. Сама же речь не публиковалась.

---

[1] Главное автобронетанковое управление РККА.

Побывавший на приеме выпускник старший лейтенант Владимир Толубко[1] пересказал нам основные положения речи И. В. Сталина. Было над чем поразмыслить. Советская страна, вся Европа, весь мир находились в преддверии крупных военно-политических событий. В ходе истории все громче звучал стальной скрежет исполинской фашистской военной машины.

В середине мая наш и другие курсы академии вышли в лагеря, где с первого же дня были организованы практические занятия.

14 мая, как известно, было опубликовано Заявление ТАСС. В аудиториях академии, у нас в лагерях, как и по всей Москве, о нем много говорили, пытались что-то разгадать за строками официального текста. Чувствовалась противоречивость обстановки. Дни в лагерях летели быстро. Наступил жаркий, сухой июнь. На занятиях по тактике в поле мы отрабатывали различные способы действий, решали вводные, не зная, что переживаем последние мирные дни и что очень скоро слово «противник» уже не надо будет брать в кавычки...

21 июня мы с моим другом старшим лейтенантом Александром Газукиным попросили у начальника факультета разрешения съездить в Москву — мне надо было встретить жену с сыном (она собиралась на лето к родителям), Александру — решить свои дела. Нас отпустили после занятий в субботу, учитывая предстоящее воскресенье.

В служебном автобусе, шедшем из лагерей в академию, с нами, слушателями, ехали и несколько преподавателей. Разговаривали, как водится, в дороге.

— Атмосфера международных отношений накаляется, — говорил пожилой, но крепкий полковник Н. Красицкий, преподаватель тактики. — Война может разразиться не сегодня-завтра.

— И против нас? — спросил кто-то из слушателей.

— Именно против нас, — подтвердил сидевший рядом другой преподаватель.

— А как же понимать миролюбивые заявления в Берлине?

— Наверное, так, как дипломаты их понимают...

— А снимок в газете: Гитлер улыбается, дружески трогает нашего дипломата за локоть?

— На снимок тоже надо смотреть... прищурив один глаз.

---

[1] В. Ф. Толубко — впоследствии главнокомандующий Ракетными войсками стратегического назначения, главный маршал артиллерии.

Послышался смешок.

— «Прищурив глаз» — то есть прицельно?

Саша Газукин запальчиво воскликнул:

— Ну, если полезут на нас, мы дадим!

Наш тактик повернулся к нему, тепло и как-то с грустинкой улыбнулся. Сказал, обращаясь ко всем:

— Поучить бы вас еще хотя бы годик. В частях нужны сейчас подготовленные кадры, командовать в наше время надо грамотно.

Слова полковника запали в душу. Разговор постепенно иссяк. Каждый думал о своем.

Утром 22 июня в Москве я встретил жену с полуторагодовалым нашим сынишкой на руках. Мы отправились в общежитие слушателей, где Александр Газукин приготовил, по его заявлению, роскошный завтрак — яичницу, вскипятил молоко для малыша.

Быстро покончив с едой, мы стали думать да прикидывать с женой, как устраиваться дальше. И тут прозвучал по радио голос В. М. Молотова, объявившего всей стране о вероломном нападении гитлеровской Германии.

Пораженные этой вестью, мы умолкли на полуслове.

— Оказывается, уже восемь часов идут боевые действия! — тихонько воскликнул Газукин.

Мы переглянулись: конечно же обоим нам надо было срочно возвращаться в лагеря.

А Рае с ребенком? Трудно мне было сказать о необходимости вновь расстаться. Да что делать — война. Решили, что жене лучше всего вернуться назад, в Калугу, где у нас была комната.

Когда начинаются войны, мужья и отцы уходят от семей — так было всегда.

В нашем распоряжении оставалось совсем мало времени. С двумя чемоданами, в которых вместилось все наше имущество, с ребенком на руках поехали мы вновь на Киевский вокзал. Как только удалось взять билет, я сразу же простился с моими. Оставил их в зале ожидания, а сам — на Ленинградский вокзал, откуда первым же поездом — в лагеря, в Солнечногорск, где находился наш курс.

...Академия осталась академией, но перестроилась и она на новый распорядок. Отныне мы занимались по двенадцать часов в сутки: восемь часов — лекции и практика и четыре часа обязательной самоподготовки. Практические занятия проводились и по воскресеньям.

В районе наших лагерей формировались новые воинские части, уходившие на фронт. Многие из нас подумывали о

том, как бы расстаться с учебой и тоже двинуть на фронт, а то, чего доброго, на войну опоздаешь.

Однако война сама шла навстречу. Не хотелось верить, что наши отступают, думалось, что вот-вот резко повернется дело, погонят немца, но пока что известия по радио передавались неутешительные.

22 июля, через месяц после начала войны, был первый налет вражеской авиации на Москву. Бомбовозы с тяжким гулом на большой высоте шли порой через наши лагеря. Зенитный огонь на подступах к Москве был сильным. Разрывы снарядов, огненные трассы в небе, в скрещенных лучах прожекторов темные силуэты... Стремительные атаки наших истребителей.

— Им теперь близко до Москвы, — сказал глухо Газукин. — Не то что нашим...

— Ни черта! Долбанут и наши по Берлину, — сказал, хмурясь, один из слушателей — Герой Советского Союза майор К. Абрамов.

Его поддержали. Всем хотелось, чтобы это произошло. И вскоре сбылось: стало известно, что советские дальние бомбардировщики нанесли удар по Берлину. Новость изумительная! Хотелось узнать, как это было, кто они, отважные соколы, совершившие столь дерзкий рейд. В газетах об этом сообщалось кратко. Несколько позже узнали фамилии: Преображенский, Молодчий... Это они водили группы краснозвездных бомбардировщиков на Берлин.

Во время практических занятий по тактике проводились летучки, и преподаватели, успешно воссоздавая боевую обстановку, использовали близлежащую местность.

...Противник наступает на Солнечногорск с юго-запада, в первом эшелоне движутся в боевых порядках два пехотных батальона, усиленные танками, и т. д. Ваше решение?

Отвечает один слушатель, другой, третий... Преподаватель, слушая, слегка кивает — правильно мыслят молодые командиры. Особенно понравился ему ответ слушателя, который решил взорвать мосты на подступах к городку, использовать заминку, чтобы обойти противника с фланга и нанести по нему удар. Кто мог знать, что всего через несколько месяцев здесь, у Солнечногорска, будут идти упорные бои и тот самый слушатель, уже в роли командира, примет именно такое решение — взорвать мосты, обойти врага с фланга, нанести удар — и что наступление противника этим маневром и ударом будет сорвано?

Сводки Совинформбюро не радовали. Фронт откатывался на восток. Не хотелось этому верить. Это так не вяза-

лось с воспитанным и выпестованным во всех нас представлением о возможной войне, о готовности «бить врага на его собственной территории». А что возможны и у нас просчеты и ошибки в оценках и прогнозах, не допускалось и мысли.

Однажды поздним дождливым вечером — уже начался октябрь — группу слушателей вызвал в учебный корпус начальник академии. Под его руководством тут же сформировали танковую роту. Командиром ее назначили слушателя Героя Советского Союза майора К. Абрамова. Я был назначен командиром танка Т-34, механик-водитель у меня — преподаватель, военинженер 2 ранга, командир орудия — слушатель капитан А. Коровкин, стрелок-радист — старший лейтенант И. Гусаков. В подразделении — четыре танка Т-34, два КВ, один Т-28, несколько легких танков БТ-5 и два бронеавтомобиля.

Сам же начальник академии поставил нам задачу: совершить марш, выйти к Малоярославцу и поступить в распоряжение начальника укрепленного района.

Марш мы совершили без каких-либо задержек, вышли к Малоярославцу. У городка, когда остановились, подтягивая колонну, нас заметил находившийся там с группой командиров С. М. Буденный. Ему доложили, откуда мы и кто. Он выслушал, кивнул и тотчас же переключился на свои дела.

Начальник укрепленного района, которому мы представились по прибытии, поставил нам задачу усилить оборону 108-го стрелкового полка.

Сутки находились мы в боевой готовности. К утру следующего дня из учебного полка академии прибыли штатные танковые экипажи. Мы передали им боевые машины, а сами вернулись в академию.

Не успели мы в общежитии подняться на свой этаж, как нескольких слушателей нашей группы, в том числе и меня, срочно вызвали к начальнику академии. Он объявил о нашем досрочном выпуске.

Известие не то чтобы неожиданное. Досрочно выпускали в эти первые месяцы войны и других. И все-таки проняло до глубины души. Значит, на фронт... Туда, где ты, военный человек, сейчас больше всего нужен.

В отделе кадров уже ждало меня предписание: «Капитана Ивановского Евгения Филипповича назначить начальником штаба 27-го танкового полка...»

Повертел я листок в руках и с досадой говорю работнику отдела кадров:

— Тут ошибка: написано «капитана», в то время как я старший лейтенант.

Кадровик, молчаливый такой педант, каких немало среди них, вместо ответа потребовал у меня удостоверение личности. Развернул книжечку и вписал в нее номер приказа, которым мне присвоено звание капитана, дату, когда это свершилось, — оказывается, вчера. Не совсем точно было указано в предписании и мое назначение, но не кадровики в том виноваты — обстоятельства первоначального периода войны вынуждали порой на ходу вносить коррективы в организацию и штатные расписания частей. Из-за нехватки боевой техники вместо 27-го танкового полка формировался уже 27-й отдельный танковый батальон. Я узнал об этом лишь по прибытии в часть.

Кадровик вернул мне удостоверение и крепко пожал руку. Когда я был уже у двери, он окликнул меня:

— Товарищ капитан, в цокольном этаже академии, по-моему, еще работает наша портняжная мастерская. Зайдите — вам сделают новые знаки различия.

Вот спасибо за дельный совет, хоть тут он заговорил.

В мастерской мне моментально заменили в петлицах кубики на шпалы, а на рукава нашили красно-золотистые угольники. Старикашка портной сказал, что они тут давно уж ничего не шьют, как бывало до войны, а только тем и занимаются, что знаки различия меняют. Спросил:

— На фронт, сынок?

— На фронт, — кивнул я.

— Ну, удачи тебе, — пожелал он.

ВРАГА МОЖНО И НАДО БИТЬ

К месту формирования моей части, в бывшие военные лагеря, я добрался только поздним вечером, заниматься мною сразу не нашлось кому, и дежурный в штабе, сделав отметку о прибытии, предложил устраиваться на ночлег — утро вечера мудренее. На дворе похолодало, моросил осенний дождь. Побродив по лагерю, зашел в какое-то строение барачного типа. Там спали вповалку командиры, и я, расстелив шинель, подоткнув соломки под голову, последовал их примеру. Заснуть, однако, долго не мог. То в одном, то в другом углу раздавались бессвязные фразы спросонья, двое или трое храпунов состязались в громкости и долготе звуков. Это меня не беспокоило. За годы курсантской жиз-

ни, строевой службы, в период боевых действий давно привычными стали ночевки в помещениях или палатках, набитых битком людьми. Не спалось от другого — от дум.

Вначале вспомнил, как почти по тревоге уезжал из академии, вспомнил с добродушной усмешкой. Получив тогда в отделе кадров предписание, забежал в общежитие, чтобы наскоро собрать чемодан — через полчаса отправлялась попутная машина. Вошел в комнату и увидел на столе ворох моих вещей. А на видном месте была записка с двумя строчками размашистого почерка Газукина: «Прощай, друг! Уехал на фронт. Извини за чемодан. Саша». Вот так, значит... Сосед по койке, лучший друг ограбил средь бела дня — взял мой чемодан, поскольку своего не оказалось, и уехал. Хорошо, что другой сокурсник выручил, ссудил свой чемодан, а то хоть связывай ворох пожитков веревкой да через плечо. Эх, Сашка... Славный парень и танкист лихой, где ты сейчас?

Воспоминания о Сашкиной манере действовать напрямик, о «пожарных» сборах в общежитии отодвинулись, постепенно растаяли — не они гнали сон от меня. Тревожило то главное и кровное, что было у всех советских людей в умах и сердцах — тяжелое положение на фронтах в первые месяцы войны. Вероломные, бандитские удары на зорьке воскресного дня по приграничным районам и западным нашим городам — это, выражаясь по-военному, фактор внезапности. Он мог обусловить на первых порах и неудачные ответные действия, и какую-то неразбериху на отдельных участках, и даже очаговую панику. Ведь трудно сразу драться в полную силу, когда неожиданно наносят удар в спину. Но сама война, навязанная нам гитлеровской Германией, такой уж полной внезапностью, наверное, не была. Вспомнить, как рассуждали на этот счет в военных кругах, у нас в академии. Очевидно же, имели какую-то информацию о назревающей опасности и в самых высоких инстанциях. Если да, то почему не принимались должные меры? А с другой стороны, откуда тебе, новоиспеченному капитану, известно, что не принимались? Возможно, было сделано многое, да не все — сил и средств не хватало. «Почему? — криком кричала душа. — Почему сегодня фронт не на границе, а почти под Москвой?» И хотелось одного, о чем я думал без малейшей бравады, хотелось поскорее на передовую, чтобы встретиться с врагом в бою. Коль придется погибнуть, знать, такова судьба. Но Родину мы, военные люди, должны отстоять. Нас учили и готовили для этого.

Утром в числе первых я доложил о прибытии старшему

начальнику, занимавшемуся формированием, пожилому подполковнику.

— Начальником штаба части назначены, товарищ капитан? — вроде бы уточнил он, всматриваясь в мои документы и не поднимая глаз на меня самого. — Ясно. Так и запишем. Хотя формируем теперь уже не бригаду, как предполагалось, и даже не полк, как в вашем предписании указано, а отдельный танковый батальон.

— Почему батальон? — спросил я машинально.

Он затянулся табачным дымом, прежде чем ответить.

— Танков мало, — сказал угрюмо. — Не хватает танков... — Вернул мне документы: — Приступайте к делу, начальник штаба отдельного батальона.

— Есть! — ответил я, не задавая больше вопросов.

И включился в работу, которой у начальника штаба в период формирования части, как говорится, по горло. Тем более что и самого штаба как организующего ядра пока еще тоже не существовало. Надо было принимать личный состав, изучать командирские кадры, заниматься укомплектованием подразделений, организовать службу нарядов, решать множество вопросов, связанных с питанием и обмундированием людей. Сроки по-военному предельно сжатые, а ресурсы, опять же по-военному, крайне урезанные.

Комбат майор В. П. Шипицын, видя и понимая ситуацию, сказал ободряюще и вместе с тем требовательно:

— Думай, действуй, выкручивайся, начальник штаба. Наводи в части военный порядок.

В заботах и трудах (от темна до темна на ногах, по нескольку часов сна-полузабытья) прошла неделя.

В октябре подоспела очередная партия уральских танков — Урал-батюшка ковал и ковал оружие для фронта. Мы приняли свой комплект боевых машин, присоединили платформы с ними к нашему железнодорожному эшелону и после непродолжительной поездки разгрузились на станции Одинцово. Своим ходом перегнали танки в район Кубинки. Большую и сложную работу по обкатке новых машин экипажи проделали без единой поломки и заминки, личный состав трудился не жалея сил, командиры толково распоряжались. Я с удовлетворением подумал, что в батальоне уже чувствуется «военный порядок», не зря мы старались там, в пункте формирования. Но тут же и подавил в себе несколько горделивое чувство: рано делать какие-то выводы, поглядим, как покажут себя танкисты в предстоящих боях.

Комбат послал меня в штаб армии для выяснения обста-

новки. Я получил указания, нужную информацию и вскоре доложил своему командиру:

— Поступаем в распоряжение 82-й стрелковой дивизии, которой командует генерал-майор Николай Иванович Орлов, начальник штаба полковник Василий Петрович Тоньшин. Дивизия в составе 5-й армии Западного фронта. Командарм — генерал-лейтенант Говоров Леонид Александрович.

— Ясно... — молвил комбат. — А дивизия, между прочим, откуда и какая?

— Только что из Монголии. С боевым опытом.

И мы, хорошенько заправив обмундирование, махнув бархоткой по сапогам, пошли представляться командованию дивизии. Танкисты ведь идут к пехоте, не кто-нибудь — внешний вид должен быть образцовым.

От Москвы до фронта в те дни было рукой подать. Протолкнул маневровый паровозик наш эшелон с танками, прошли маршем несколько десятков километров — вот мы и в лесу прифронтовом. Батальон сосредоточился в молодом ельнике. Столь же быстро и просто перестроились на боевой лад: вчера были для нас мирные дни — сегодня война. Этой перестройке в немалой степени способствовало и то обстоятельство, что почти все наши командиры и политработники имели за плечами боевой опыт, умели работать с личным составом в сложной обстановке. Именно такими были командир батальона майор Василий Павлович Шипицын, батальонный комиссар Алексей Фролович Козинский, замкомбат капитан Максим Кириллович Купернюк, командир роты тяжелых танков КВ Герой Советского Союза капитан Петр Фомич Юрченко, другие товарищи. Юрченко тоже участвовал в боях с финнами и удостоился Золотой Звезды за участие в прорыве линии Маннергейма.

Удача, счастье боевое, пути-дороги военные... У каждого они свои. Я знавал солдат, которые на передовой да под огнем всю войну прошли, и командиров, в том числе генеральского звания, которым суждено было погибнуть в первых же боях.

Серым холодным утром, под моросящим дождем, стояли наши танки в ельнике, когда противник предпринял сильный артналет. Немецкие орудия и минометы били по площадям, с этакой рабочей методичностью, с последовательным переносом огня. Во время артналета погиб майор В. П. Шипицын. Командование по долгу службы взял на себя капитан М. К. Купернюк.

Обстановка, внимательно изученная в штабе дивизии, представлялась мне четко. От того, как она будет изменяться, зависит и характер задачи нашего батальона. Оборона Подмосковья проходила, в частности, через рабочий поселок Дорохово. Здесь противник проявлял особый интерес к Минской автостраде и Можайскому шоссе, в которых, по-видимому, немцы видели магистральные пути на Москву. 23 октября враг двинул в бой на этом направлении около 50 танков и крупные силы пехоты. Оборонявшие Дорохово части 50-й стрелковой дивизии вынуждены были оставить поселок. Гитлеровцы сосредоточили ударные силы западнее Кубинки, намереваясь взять и ее, чтобы далее наступать на Москву. В этой тяжелой для 5-й армии обстановке генерал-лейтенант Л. А. Говоров решил ввести в бой свежую 82-ю мотострелковую дивизию и, отказавшись от своего резерва, усилил ее 27-м отдельным танковым батальоном.

Наиболее танкоопасный участок — у деревни Ляхово, где почти сходятся, а затем параллельно идут к Москве Минская автострада и Можайское шоссе. Именно здесь надлежало вступить в боевые действия 27-му отдельному танковому батальону. Поставленную задачу надо выполнять. Но как — требовалось хорошенько подумать, учитывая то, что на этом самом участке у противника танковых сил куда больше.

Капитан Купернюк, батальонный комиссар Козинский и я, советуясь, еще раз уяснили обстановку, изучили по карте. Решили вызвать и командиров рот, послушать их мнение.

Командир роты тяжелых танков КВ капитан Юрченко, склонившись над картой, будто бы вслух рассуждая, говорил:

— Сил у нас, конечно, мало. Во встречном бою на победу рассчитывать трудно — в поле весь твой боевой порядок на виду. А вот если организовать танковую засаду, можно здорово дать фрицам по мозгам...

— По-моему, дело говорит наш Петр Фомич, — заметил комиссар.

Я тоже поддержал предложение ротного.

— Хорошо, — согласился комбат. — Только давайте конкретнее уясним, как и где организовать засаду, какие силы иметь в глубине, после чего я смогу доложить комдиву.

Вновь назначенный командир, понятно, рассчитывал на нашу помощь, видя в нас подготовленных, боевых офицеров. И когда он попросил капитана Юрченко еще раз доло-

жить свои соображения, тот встал, сверкнув Золотой Звездой на груди, сказал:

— Действуя способом засады на танкоопасном направлении, батальон в состоянии противостоять превосходящим силам противника и нанести ему серьезный урон.

— Так... Согласен, — подтвердил комбат.

Я счел необходимым подчеркнуть, на мой взгляд, важное условие:

— Засаду необходимо расположить как можно ближе к магистральному шоссе. Хотя бы вот здесь, товарищ командир, — показал я точку на карте. — Лес тут подступает к автостраде вплотную. Танки надо эшелонировать по глубине и хорошо замаскировать. Жизненно важно соблюдать скрытность засады.

— Жизненно важно! Точно сформулировано, — отозвался батальонный комиссар Козинский.

Командир 82-й мотострелковой дивизии генерал-майор Н. И. Орлов, выслушав доклад капитана Купернюка, одобрил наш план. Утвердил его и тут же распорядился усилить танковую засаду ротой автоматчиков 210-го стрелкового полка, а для поддержки выделить артиллерийскую батарею.

Ночью танки выдвинулись к месту засады. Боевые машины были окопаны и замаскированы в каких-нибудь двухстах метрах от Минской автострады. Артиллеристы устроили НП на ветвях высокой сосны, заняли удобные, скрытые позиции автоматчики.

Затишья на нашем участке не было ни минуты. Противник вел орудийный и минометный обстрел по площадям. Разрывы приближались к месту засады, и вот уж вздыбилась земля между танками. За броней танкисты чувствовали себя надежно, пехотинцам же в окопчиках крепко доставалось. Над нами появилась группа бомбардировщиков «Юнкерс-87». Бесконечно крутили они свою смертоносную карусель: один выходил из атаки, другой заходил, надсадно завывали включенные на пикировании сирены. Грохот, огонь, столбы дыма и пыли. Крики и стоны раненых.

Неужели обнаружили засаду?

Бомбили и обстреливали долго. Потом как-то внезапно наступила тишина. Можно было подумать, что снаряды у немцев кончились. Мы понимали, что это зловещая тишина.

— Внимание! Усилить наблюдение! — последовала команда по радио.

И своевременно. Послышались шум, треск, на Минской автостраде показалась колонна мотоциклистов и бронетран-

спортеров с пехотой. Явно разведка. И попытка вызвать огонь с нашей стороны, чтобы обнаружить нас.

Капитан Купернюк приказал:

— Пропустить.

Его команду продублировали артиллеристам и автоматчикам.

Мотоциклисты и солдаты мотопехоты проследовали мимо наших наведенных стволов, не подозревая, что почти каждый из них — на прицеле. А у наших огневиков нервы оказались крепкими, ни один ничем себя не обнаружил.

Колонна прошла несколько сот метров по автостраде и вернулась назад.

Над деревней Ляхово описал несколько кругов и ушел на запад разведывательный самолет «Фокке-Вульф-189», прозванный нашими бойцами «рамой».

И опять все затихло.

Двадцать, тридцать, сорок минут тягучей, изнурительной тишины. А потом послышался мощный гул. Большая вражеская колонна, готовая ежеминутно развернуться в боевой порядок, двигалась по автостраде — около 30 танков, десяток грузовиков с автоматчиками.

Капитан Юрченко, прильнув к прицелу, передал по радио политруку роты Бойкову:

— Мой — головной, твой — замыкающий.

Голос ротного прозвучал хрипло.

— Понял... — почти шепотом отозвался Бойков.

Еще несколько мгновений выдержки, когда слезятся глаза от напряжения и трудно сохранить недвижимыми пальцы на педали спуска.

Наконец-то:

— Огонь!!!

Прогремели выстрелы танкистов и артиллеристов. Почти одновременно запылали передний и замыкающий танки. Артиллеристы били по другим машинам колонны, автоматчики расстреливали спешившихся и бросившихся врассыпную гитлеровцев.

Автострада оказалась закупоренной.

Тяжелые танки КВ роты капитана Юрченко вышли из капониров и, маневрируя, вели огонь с коротких остановок. Цели были настолько близко, что почти каждый снаряд—прямое попадание.

Ни одна вражеская машина не прошла по Минской автостраде.

В своем боевом донесении (оно поныне хранится в архиве) мы с комбатом писали:
«В районе д. Ляхово уничтожено до 20 танков. Все атаки противника отбиты. Три уничтоженных танка на счету политрука роты А. Бойкова.

Командир 27 ОТБ майор М. Купернюк.
Начальник штаба капитан Е. Ивановский».

Налицо был явный успех. Батальон выдержал испытание.

Главный же результат этого скоротечного боя выражался, пожалуй, не столько числом подбитых и уничтоженных вражеских танков, сколько моральным подъемом, который охватил личный состав батальона. Всюду, где собирались танкисты — у подоспевшей полевой кухни, на лесной опушке у машины с боеприпасами, — можно было услышать одну и ту же фразу: «Оказывается, можно их бить!»

Наш комиссар Козинский, беседуя с танкистами после боя, сказал:

— Отступать больше нельзя. Надо бить врага!

Да, выход из трудного, может быть самого опасного, положения войны, был один-единственный: бить врага, вырывать у него инициативу. И такой перелом в морально-боевом состоянии воинского коллектива наверняка происходил повсюду, где гремели подмосковные схватки с врагом. Танковый бой под Ляхово явился эпизодом большого поворота событий в войне, который назревал под Москвой поздней осенью 1941 года. Слова политрука В. Клочкова, прозвучавшие на позициях Волоколамского шоссе: «Отступать дальше некуда — позади Москва», выражали настрой и решимость тысяч воинов.

Батальон выдвигался на новый рубеж ночью. Стальные громадины КВ проходили небольшой маршрут по одному, чтобы не демаскировать себя, легкие танки — короткими, в несколько машин, колоннами. Экипажи наблюдали на холме скопище печных труб, сизое облако над ними. Еще каких-нибудь час-полтора назад здесь глядела на мир ясными окнами подмосковная деревня Крутицы. Фашистские бомбардировщики и пушки разрушили ее до основания. Совершенно без нужды — в деревеньке-то не было ни одного советского солдата. Вот что такое воинствующий фашизм! Его человеконенавистнические устремления не нуждались

в словесных характеристиках. Наши бойцы все видели своими глазами, все доходило до их сознания и сердец. И рождались чувства, сопутствующие бойцу-патриоту на войне: светлая, как солнышко, любовь к родной земле и ее добрым людям, пахарям и рабочим, оправданная, лютая ненависть к врагам, варварам и душегубам.

На рубеже новой засады все — и красноармейцы, и командиры — взялись за лопаты: требовалось в короткое время выполнить большую, сверх всяких норм, работу землекопов. К полуночи танки стояли в капонирах.

Прикрываясь полами курток, танкисты покуривали. На ладонях у нас вэбухли кроваво-водянистые мозоли.

Пронесся слух, что в частях сейчас командующий 5-й армией генерал-лейтенант Л. А. Говоров.

— Может, и к нам заглянет, — сказал Козинский.

Подумалось: а почему бы и нет — воюем вроде не хуже других.

Не знали, конечно, что наше донесение об уничтоженных из засады двух десятках фашистских танков ему доложили лично, что он вначале не поверил, а потом пожелал непременно встретиться с такими боевыми танкистами.

25 октября в частях, оборонявших рубежи Подмосковья, проходили патриотические митинги. Обсуждалось открытое письмо рабочих Выборгского района Ленинграда и ответ на него москвичей.

«От победы у стен Москвы зависит жизнь Ленинграда и ленинградцев...» — говорилось в письме рабочих.

Чеканились, будто продиктованные массами бойцов, слова ответного письма:

«За нами, за нашими боевыми позициями — родная Москва, город Ленина и вся необъятная Советская страна. Мы клянемся до последнего дыхания защищать нашу родную землю, наши Москву и Ленинград, бороться до полной победы над врагами».

Бойцы и командиры сжимали оружие, слушая эти слова. Выступали на митингах немногие. Говорили очень кратко, без какой-либо подготовки, но как горячо воспринимались их немногословные речи. Наша единодушная поддержка письма выражалась боевыми делами: мы стойко обороняли священные рубежи.

26 октября утром генерал-лейтенант Л. А. Говоров прибыл в 82-ю мотострелковую дивизию. Выслушал доклад командира дивизии генерала Н. И. Орлова, изучил вместе с командирами штаба положение передовых частей.

Как начальник штаба батальона, я находился на КП и поэтому докладывал генерал-лейтенанту о действиях наших танкистов. Они не только уничтожили фашистские танки, но и захватили вчера двух вражеских разведчиков, которые на допросе сообщили о больших потерях их танковых сил под Ляхово. Командарм, слушая, смотрел на меня доброжелательно, и я решился высказать мнение, что в данной обстановке действовать методом засад лучше, вернее.

— Действуете вы правильно, товарищ Ивановский, — заметил генерал-лейтенант. — Танками надо уничтожать вражеские танки.

Командующий объявил нам благодарность. Он побывал в батальоне, беседовал с танкистами. Мы отвечали на его вопросы, внимали его советам, видели его устало-серое лицо и думали, что у него сейчас на плечах тяжесть неимоверная, а ответственность еще бóльшая.

5-я армия находилась на очень важном участке обороны Москвы. Обстановка здесь с каждым днем все более обострялась.

Командир 82-й мотострелковой дивизии вместе со своим штабом старался создать сильные противотанковые узлы обороны. Уделялось внимание укреплению стыков между соединениями. Правым нашим соседом была 50-я стрелковая дивизия, левым — 32-я стрелковая дивизия (ставшая впоследствии 29-й гвардейской и вписавшая в свою боевую историю немало славных страниц).

В ночь на 3 ноября бойцы-пехотинцы рыли окопы, ставили мины. Наши танкисты сооружали капониры, прикрывая боевые машины от осколков снарядов и бомб.

210-й стрелковый полк и наш 27-й отдельный танковый батальон удерживали рубеж западнее Кубинки, проходивший через села Полушкино, Крутицы, Ляхово.

С рассветом 3 ноября противник возобновил наступательные действия. Мощный артналет с переносом огня, частые штурмовки с воздуха, беспрерывные атаки танковых и пехотных подразделений.

На нас двигались более 15 танков, за ними — цепи эсэсовцев. С каждой минутой они приближались: 700 метров, 500, 400... Почему нет команды на отражение атаки? Нельзя же допустить гитлеровцев на бросок гранаты!

Взвилась красная ракета: сигнал открытия огня.

Лес, в котором затаились наши боевые машины с усилением, загрохотал. Огонь вели танки, артиллерийские расчеты, пулеметы, автоматчики. Командовавший подразделением легких танков младший лейтенант В. Суздалев выве-

свои машины на самую близкую дистанцию, почти в упор бил по противнику.

Четыре танка с крестами были охвачены черным дымом, остальные стали энергично маневрировать на поле, пытаясь уклониться от огня. Три фашистские машины круто взяли вправо, преодолели насыпь и вывалились на автомагистраль. Но здесь они напоролись на фугасы наших минеров. Не прошли.

Бой понемногу терял силу, динамику. Рубеж, на котором он полыхал несколько часов, оставался пока что неизменным, не сдвинулся ни на восток, ни на запад.

Общая картина боя, которую я очерчивал по памяти и по документам, содержала в себе много различных эпизодов. Не все они мне известны доподлинно, но некоторые запечатлелись накрепко, зримо.

Коротко хочу рассказать о боевых делах экипажа танка КВ, которым командовал Виктор Ермолин, потомственный челябинский рабочий. Кстати, весь его экипаж состоял из тракторозаводцев Челябинска: наводчик Владимир Ласауц, механик-водитель Николай Чунихин, радист-стрелок Степан Мельников.

Выдвинувшись по мелколесью на своей 50-тонной крепости вперед, Ермолин обнаружил на окраине деревни Хомяки немецкую противотанковую батарею. Увидел ее и Ласауц.

Коротко перемолвились, понимая друг друга с полуслова:

— Готовятся к бою...

— Хотят наших встретить огнем.

Связаться по радио с командиром роты не удалось, и Ермолин самостоятельно принял решение:

— Рванем наискосок по полю, навалимся на их позиции с фланга.

— Понял, командир, — бодро откликнулся механик-водитель Чунихин, включая скорость.

Двинулась, пошла, набирая ход, машина. Немцы развернули два орудия, открыли огонь, но поздно. КВ ворочался, топтался на огневой позиции гитлеровских артиллеристов, давил гусеницами орудия и прислугу — ну, право же, как мамонт (немцы так его и называли — мамонт).

Ермолин открыл путь всему батальону. Из засады танки рванулись в атаку. В считанные минуты были разгромлены силы гитлеровцев, сосредоточенные в Хомяках.

В бою КВ Ермолина был поврежден. Всю ночь он мая-

чил на ничейной земле. Экипаж сумел устранить неисправность. Ермолин доложил по радио:

— «Вылечились». Идем к своим.

Ротный ответил:

— Не торопитесь. Встретимся с вами там же.

Но контратака подразделения, которую имел в виду ротный, несколько задержалась. Танк Ермолина еще одну ночь находился перед позициями гитлеровцев. Те, возможно, думали, что в груде металла больше нет жизни.

Утром я подъехал на легком танке к нашему КВ, постучал гаечным ключом по броне:

— Живые кто есть?

— Есть, есть! — послышалось в ответ. — Все живы.

— А чего же торчите здесь, на виду у немцев?

— Да горючего почти нет.

— До леса сможете дотянуться?

— Так точно.

— Давайте. В лесу, вон у той дороги — заправщики.

Танк громыхнул двигателем и двинулся к опушке леса.

Первая половина дня прошла относительно спокойно, если не считать артиллерийской перестрелки.

Потом на большой высоте появилась зудящая, ненавистная всем нам «рама». Знали мы, что вслед за ней пойдут бомбардировщики. И точно: прогудели над передовой две группы «юнкерсов», сбросили бомбы в некотором отдалении. Пришли и «лаптежники» — так называли вражеских пикировщиков с неубирающимся шасси — Ю-87. Но что это? Сбрасывали они на сей раз не бомбы, а пустые железные бочки. Падая, набирая скорость, бочки издавали воющий звук — как стая шакалов.

— Психической бомбежкой хочет взять немец, — проговорил находившийся со мной рядом радист. — Не возьмешь!

«Взыграла» вражеская артиллерия. Не жалея снарядов, били и били гитлеровцы по площадям.

Все признаки затеваемой атаки налицо. Но ее не последовало. Вместо того увидели мы в стереотрубы и бинокли, как со стороны Хомяков по автостраде движется большая толпа людей — человек двести. Во, придумали, изверги! Впереди гонят деревенских жителей — женщин, детей, стариков, а за ними идут эсэсовские подразделения.

Я поставил задачу Суздалеву, Ермолину, командирам других машин, которые оказались поблизости: скрытно выйти лесом к автостраде, отсечь от толпы советских людей фашистские подразделения и огнем, гусеницами уничтожить их, раздавить!

Ермолин скомандовал механику-водителю:

— Вперед, Коля, газуй!

В несколько секунд танк Ермолина очутился на шоссе, отгораживая своей массой наших людей от гитлеровцев. Заскрежетал гусеницами, разворачиваясь на асфальте, застучал пулеметными очередями. Гитлеровские артиллеристы открыли огонь по танку, не особенно осторожничая со своими солдатами, находившимися там же. Разрывы вскинулись впереди и сзади — вилка. Снарядом разбило левую гусеницу, и КВ, круто развернувшись, замер.

Несколько часов стоял у дороги закопченный в бою танк. С виду безлюдный. Экипаж, однако, был жив и принимал все меры к спасению боевой машины. Когда стало темнеть и бой затих, хлопцы намотали портянки на кувалду (и сообразили же!), почти бесшумно подтянули, состыковали гусеницу. С рассветом своим ходом направились в лес. Но не дошли. Остановил их командир стрелкового батальона, выдвигавшегося к населенному пункту.

— Видите, левее Хомяков — отдельный дом? В нем пулеметное гнездо, — прохрипел капитан с перебинтованной головой. — Не дают проходу, сволочи. Ударьте по нему, танкисты!

— Мы бы с удовольствием, да снарядов нет, — вздохнул Ермолин.

— Тогда, может, броней стукнете домик-то?

В глазах капитана было столько надежды!

— Сейчас, — бросил Ермолин, скрываясь в башне.

Он скомандовал: «Вперед! Направление отдельно стоящий дом — таранить!» И устремился КВ, набирая скорость, вперед.

Деревенский дом рухнул под ударом брони тяжелого танка. Обвалившаяся кровля похоронила пулеметное гнездо фашистов.

Гитлеровцы сразу же после этого открыли огонь по танку из многих орудий. Танк был сильно поврежден. Погибли все члены экипажа, чудом остался в живых только командир машины Виктор Ермолин.

Стрелковый батальон, на пути которого не стало вражеского пулеметного гнезда, успешно продвигался.

Боевое товарищество и взаимовыручка проявляются подчас вот так вроде бы неожиданно и чуть ли не случайно. Мог бы Виктор Ермолин и отмахнуться, не внять просьбе пехотного командира — ведь танк не имел боезапаса и топлива, шел на заправку, экипаж с честью выполнил поставленную ему задачу и, что называется, выдохся в предыду-

щем бою. Да, могли развести руками танкисты и пояснить: нет силенок, безоружные мы. И никто бы не попрекнул их за это. Но сделали они иначе. Поступили не по установкам, а по зову сердца. По отрывистым словам, по запекшимся губам и яростному взгляду пехотного командира с перевязанной головой понял Ермолин, что не могут они, танкисты, просто не могут остаться в стороне, что по совести должны ввязаться в бой, бить врага броней. И двинули своим танком вперед. И пошли на подвиг и на смерть.

Ермолин, один оставшийся в живых, но весь израненный, долго потом отлеживался в госпиталях и в каждой медсестре «узнавал» женщину, которая шла в толпе гонимых по автостраде жителей подмосковного села Хомяки. И еще по ночам не спал он, бредил, повторяя имена своих боевых товарищей, членов экипажа, выкрикивая в серую больничную темноту: «Капитан, мы раздавили пулеметное гнездо, ты слышишь, капитан?!»

Резко похолодало. В первые ноябрьские дни, раньше обычного, выпал снег. Зима обещала быть суровой.

По радио и в газетах сообщили: 6 ноября в Москве состоялось торжественное собрание, посвященное 24-й годовщине Великой Октябрьской социалистической революции. С докладом выступил И. В. Сталин. А на другой день стало известно, что 7 ноября, как всегда, на Красной площади в Москве состоялся парад войск.

Огромное моральное значение имели эти вести из Москвы. Политорганы, кстати, сделали все, чтобы сообщения о торжественном собрании и праздничном параде своевременно дошли в окопы, на огневые позиции, в районы сосредоточения резервных войск. Всюду, где только можно, были установлены радиоприемники и репродукторы, экстренными выпусками вышли армейская газета и дивизионные многотиражки, несли правдивое слово в красноармейские массы тысячи агитаторов.

А вскоре на передний край стали прибывать подразделения, принимавшие участие в параде. Пройдя по Красной площади, отсалютовав ленинскому Мавзолею, они совершили марш прямо на фронт. Какое в этом высокое мужество советских воинов-патриотов! Какое величие исторического момента!

У нас, фронтовиков, крепла уверенность, что Москву отстоим, что найдутся у нас силы превозмочь врага.

По-своему были восприняты эти события противником. Получив, очевидно, крайне категорические установки, командование фашистских войск предприняло еще одну попытку крупного наступления. 16 ноября, перегруппировав силы, немцы повели новое наступление на Москву с флангов.

Две недели почти беспрерывно шли бои. Защитники Москвы стойко, мужественно, самоотверженно сдерживали бешеный натиск гитлеровских ударных соединений. Великое множество ратных подвигов было совершено красноармейцами, командирами и политработниками, московскими ополченцами. На подмосковных полях сражений проявился массовый героизм советских патриотов.

Разведка донесла, что фашистское командование выдвигает резервы на усиление мотопехотных дивизий СС, наступающих в направлении Кубинки. Командир 82-й мотострелковой дивизии вызвал майора Купернюка, батальонного комиссара Козинского и меня для постановки задачи. Прежде всего он выслушал нас, посоветовался. Потом приказал уничтожить выдвигающиеся вражеские резервы, заняв вместе с пехотой оборонительные рубежи.

Я попросил разрешения опять-таки устроить засаду.

— Где? — спросил генерал.

— В тылу противника, — ответил я.

— Вы все продумали, капитан?

— Так точно.

— Тогда доложите свой план.

Я подошел к развернутой на дощатом столе карте, показал точку, где глухой лесной массив вплотную подходил к автостраде.

— Опять Ляхово! Полюбилась она вам, эта деревушка, — шутливо пробормотал генерал.

Я постарался обосновать свою мысль: именно там, близ Ляхово, наша танковая засада может стать гибельной для выдвигающихся резервов врага. По тем коммуникациям фашистские колонны будут идти довольно беспечно. Разумеется, вся сложность в том, чтобы скрытно проникнуть в тыл противника, ничем не обнаружить себя до подхода вражеских колонн.

— Разумное решение, — сказал генерал. — Ну что же, командир батальона, разрешим ему использовать для этого три-четыре танка.

Утверждая план действий, генерал крепко пожал нам руки, ничего больше не сказав.

В те тяжелые и страшные дни, когда решались судьбы Москвы, Родины, всех советских людей и завоеваний народ-

ной власти, в отношениях старших и младших командиров укоренилось, что ли, такое вот крепкое, бессловное рукопожатие — в нем и пожелание успеха, и чувство беспредельного доверия, и... на всякий случай братское прощание.

Выдалась безветренная погода, пушистый снег и тишина залегли в лесу. Когда падала засохшая шишка, мы нагибали головы — срабатывала фронтовая привычка. А потом побежали вдоль опушки игривые снежные вихри, явно к перемене погоды. И действительно, к вечеру разыгралась вьюга. Мы готовились к рейду во вражеский тыл. Зампотех батальона старший воентехник Григорий Морозовский, будучи не только «технократом», но и тактиком, придумал способ маскировки на ходу.

— Механикам-водителям надо подвязать к танкам хвощи сосен, метров по пять. Понятно для чего? — спросил он, собрав механиков.

— Ясно! — откликнулись те.

— Чтобы следы на снегу заметать,— добавил все же Морозовский.

Механики, стрелки-радисты, заряжающие побежали в лес валить сосны и ели. И вскоре у каждого танка было прикреплено сзади такое «помело».

Шли в тыл врага кружным путем. Вьюга не утихала. Сыпал снег. Позади колонны оставалась гладкая полоса. Если бы на нее кто наткнулся, то и не понял бы, что за полоса, к тому же снежок быстро все прикрывал пушистым слоем.

Колонну из трех танков вел командир роты КВ Герой Советского Союза капитан П. Юрченко. В намеченные места засады вышли скрытно. Танкисты замаскировали машины в сосняке, наметили ориентиры для стрельбы прямой наводкой.

Метель все разгуливала по полю, на дороге вырастали сугробы с дымящимися гребнями. Пойдут ли немцы в такую погоду, не устрашатся ли снежных заносов?

Отдаленный гул танка подтвердил, что фашисты все-таки пойдут, видно, очень нужен был их резерв наступающим частям.

Один-единственный танк, урча двигателем, двигался по шоссе. Подворачивал вправо-влево, щупал дорогу...

Юрченко предупредил по радио:

— Не стрелять.

Вслед за одиночным танком на некотором расстоянии пошли бронетранспортеры, грузовики с пехотой — несколько десятков.

— По ведущему и замыкающему... — негромко скомандовал Юрченко, — огонь!

Верным своим приемом открыли огонь танкисты, закупоривая спереди и сзади колонну на шоссе. Ведущий немецкий бронетранспортер наполовину развернулся к обочине, запылал. Загорелся и замыкающий грузовик с пехотой.

Двадцатиминутный яростный, меткий огонь танкистов сокрушил вражескую колонну. Лишь несколько машин, тычась из стороны в сторону, пытались уйти, остальные громоздились на шоссе и обочинах дымящимися обломками. Немногим гитлеровцам удалось спастись, всюду их настигали пулеметные очереди.

Еще один победный бой нашего отдельного танкового... Боевых успехов добивались и другие части, оборонявшие столицу, но в общем положение оставалось чрезвычайно сложным и опасным. Обстановка на том или ином участке часто и резко изменялась.

4 декабря в стык между 5-й армией и соседом слева прорвалась большая группа фашистских танков. Им удалось выйти в такой район области, где можно было воспользоваться широкими, наезженными трассами. Решительными действиями 82-й стрелковой дивизии и нашего 27-го отдельного танкового батальона, других частей удалось быстро закрыть прорванную вражескими танками брешь. Часть фашистских танков мы уничтожили, а остатки их группы развернулись и по тем же маршрутам, через позиции пехоты все-таки проскочили к своим.

5 декабря положение в полосе действий 5-й армии осложнилось крайне. Обескровленные подразделения и части, удерживавшие оборону, казалось, дрались из последних сил. По решению генерал-лейтенанта Л. А. Говорова в армии из числа добровольцев были сформированы штурмовые группы. Людям при этом говорилось открыто, что предстоит опасное боевое задание, с которого вернутся не все, но добровольцев находилось много. Ночью бойцы штурмовых групп в белых маскхалатах пробирались по-пластунски к вражеским окопам и забрасывали их гранатами. Встревоженные немцы выскакивали из блиндажей и землянок, заполняли окопы, мерзли час-другой, наконец, не выдержав больше, уползали назад, оставив в окопах лишь охранение. А тут опять незаметно, как призраки, появлялись наши храбрецы, и вновь гремели взрывы гранат. Так всю ночь.

Штурмовые группы наносили врагу немалый урон. Во-первых, изматывали силы его личного состава, а во-вторых, в фашистских войсках, как показывали взятые разведчика-

ми «языки», резко возросло количество обмороженных. Плохо были одеты немцы по русской зиме: в жиденьких шинеленках, в отвернутых на уши пилотках, в тонких сапогах... Не выдерживали наших морозов.

Зимой, оно всем не сладко в поле, в окопах. Но мы-то были одеты куда лучше! Красноармейцы — в ватных телогрейках и штанах, в валенках, командиры — в овчинных полушубках, мы, танкисты, — в теплых зимних комбинезонах, в меховых танкошлемах.

А сколько посылок приходило на фронт с теплыми вещами — шерстяными варежками, носками, свитерами. Принимая все это, с волнением и горячей благодарностью думали бойцы о русских женщинах, добрых матерях и милых девушках, трудившихся по 10—12 часов на швейных производствах, коротавших ночи за вязанием. Примерит какой-нибудь крепыш парень шерстяные варежки, потом снимет и ткнется в них лицом, будто руки девичьи целует. А иной дядька постарше фуфайку вязаную сложит, спрячет за пазухой да и вытрет рукавом слезу, набежавшую... может, с мороза. Порой приходилось наблюдать исподволь такие мимолетные вспышки больших человеческих чувств. Советский тыл времен войны, особенно ее первого, неимоверно тяжелого периода, давал фронту не только оружие, боевую технику, продовольствие, но и такую вот человеческую щедрость дарил. Резервами да ресурсами крепок был тыл, а в первую голову — людьми нашими, советскими.

Последняя попытка гитлеровцев организовать большое наступление на Москву натолкнулась на самоотверженную нашу оборону. Битва под Москвой с каждым днем, с каждым часом приближала поражение фашистских захватчиков. Советские войска, усилившие боевую активность, наращивали удары по врагу. И настало время, когда наше контрнаступление под Москвой обрело широкий фронт.

Продвинулись вперед на своем правом фланге части и соединения 5-й армии.

Наш 27-й отдельный танковый батальон вел бои на весьма трудных участках. Не знаю, правда, был ли тогда, при обороне Москвы, хотя бы один километр фронта не трудным. Стремительные атаки, встречные бои, засады... Не обошлось без потерь. Погиб, как уже упоминалось, комбат майор В. П. Шипицын. Принявший командование майор М. К. Купернюк в одном из боев был ранен в глаз, и батальоном было приказано командовать мне. За время осенне-зимних боев в строю батальона не стало многих танкистов. Они пали смертью храбрых.

Как командиру, мне отныне надо было решать многие вопросы вместе с комиссаром Козинским. Знал я его, конечно, и раньше — ведь в одном батальоне, — но, когда пришлось действовать рука об руку во главе воинского коллектива, мне открылось в этом человеке много нового. Он был постарше меня званием, годами, жизненным опытом и, хотя держался в рамках своих комиссарских обязанностей, мог кое-чему поучить, кое в чем помочь, что и старался делать доброжелательно и тактично.

Вечерами, когда устраивались по-полевому на ночлег, как-то «случайно» вдруг оказывался Алексей Фролович рядом. Заговорит о чем-нибудь интересном и важном, постарается отвлечь от тяжких дум — знал, что мои родные остались на территории, захваченной гитлеровцами, что никаких известий об их судьбе я не имею. И становилось легче, когда поговорит с тобой добрый, умный товарищ.

Занимаясь постоянно партполитработой в батальоне, он всегда был готов взять на себя что-нибудь еще. Осталось после боя на поле два подбитых танка. «Я подумаю, как их вытащить, — сказал Алексей Фролович. — У тебя, командир, других дел хватает». Пошел к артиллеристам, чтобы выпросить тягач. Пушкари поговорили, посочувствовали, но тягача не дали, опасаясь, видимо, как бы и тягач не остался там, где танки.

— Ну а лошадь хотя бы найдется? — спросил Алексей Фролович.

— Лошадка-то есть, — ответили артиллеристы. И стали подшучивать: — Неужто сосед задумал впрячь гнедую в танк?

— Дайте лошадь.

— Берите, товарищ батальонный комиссар.

Привел Козинский в наше расположение лошадь, запряженную в сани-розвальни, чем и у танкистов вначале вызвал шутки да смех. Он же знал, что делал. Собрал группу лучших механиков, поставил задачу. Зампотех Г. Морозовский тут же подключился к делу. Ночью на санях подвезли запчасти (а уже знали, что на каком танке повреждено). Вплотную к машинам на лошади подъехать не удалось — подтащили тяжелые детали на волокушах. На ощупь, стараясь не шуметь, механики выполнили нужные технические операции. Под утро, когда немцы еще спали, забившись в землянки, взревели двигатели оживших танков. Поднялась стрельба, взвились ракеты, да поздно — машины своим ходом ушли с нейтральной полосы.

Комиссар А. Ф. Козинский умел говорить с людьми. Мне

сначала казалось, что он никогда не готовился к выступлениям, а просто так — шел к бойцам, начинал с какой-нибудь шутки-прибаутки, а потом речь его, складная да толковая, сама по себе лилась. (В действительности он серьезно готовился к беседам.) К нему обращались с любыми вопросами, его словам верили, его меткие выражения передавались потом из уст в уста. Он говорил, к примеру, что наши войска готовятся к решающим ударам и скоро погонят врага по всему фронту, хотя оборона наша тогда удерживалась в глубине страны. Он твердил, что мы завоюем победу, хотя тогда, в сорок первом, до победы было очень далеко. Его убежденность, его вера в наше правое дело передавались людям.

Работая душа в душу с Алексеем Козинским, однополчанином и фронтовым другом, я частенько подумывал, что вот как мне повезло на комиссара.

5 декабря войска Западного фронта после авиационных ударов и артподготовки перешли в контрнаступление.

Именно так, лаконично и строго, трактуется это на оперативном языке: после продолжительной обороны перешли в контрнаступление. А как этот перелом в военных действиях, этот новый, по сути, этап жизни войск отражается, происходит в массах людей?

Накануне наступления, слухи и чаяния о котором давно уже владели душами людей, в 27-м отдельном танковом батальоне состоялись общие партийное и комсомольское собрания.

— Наши танкисты на могучих КВ, — говорил, выступая, младший политрук Бойков, — будут гнать врага, наносить ему сокрушительные удары.

Коммунист З. Юсупов заявил, что его танковый экипаж будет идти в наступление в числе первых и своим примером покажет, как надо бить фашистскую нечисть.

Краткими, несколько схожими были речи других коммунистов и комсомольцев. Сейчас кое-кому может показаться: не собрание, а митинг — сплошные призывы. Но в боевой обстановке, перед наступлением, это были самые деловые выступления фронтовиков. Каждое слово, произнесенное на собрании взволнованно, с пафосом, воплощалось потом в боевой подвиг. В партийной и комсомольской работе не было тогда вопроса важнее, чем повышение боевой активности.

Вечером комиссар Козинский ходил по землянкам танкистов, беседовал с людьми, улавливал их настроение и очень умело влиял на всех.

Во время такой беседы в землянке танкистов тяжелых машин КВ младший политрук А. Бойков предложил присвоить лучшему экипажу имя русского былинного богатыря — «Илья Муромец». Танкисты дружно подхватили эту мысль и единодушно заявили, что почетного наименования в первую очередь заслуживает экипаж танка, который возглавляет теперь младший политрук Александр Бойков.

Саша смутился — не о себе же он думал, когда выступал с предложением. Но должен был в конце концов согласиться: товарищи были искренни и справедливы в своем мнении.

Решением командира лучшему КВ было присвоено почетное наименование «Илья Муромец». В темноте, при свете переноски, батальонный красноармеец-художник начертал на броне боевой машины имя русского богатыря.

Утром в атаке танк младшего политрука А. Бойкова первым ворвался на позиции гитлеровцев. Заметив правее вражеские противотанковые орудия, он дал команду механику-водителю С. Потапову, и КВ раздавил пушки вместе с прислугой.

Танкисты в боевом порыве вышли далеко вперед. Пехота поотстала.

Младший политрук Бойков высунулся по грудь из люка, воскликнул призывно:

— Вперед, товарищи, вперед!

С этими словами политрук роты, командир экипажа рухнул в свой танк бездыханным: с чердака дома полоснула по нему очередь фашистского пулемета.

В этот же самый день, как стало известно из запоздалого письма, в Челябинске, откуда добровольцем ушел на фронт Александр Бойков, его жена Надежда родила сына. Его назвали Вячеславом.

Танк КВ с надписью на борту «Илья Муромец», командиром экипажа которого стал коммунист младший лейтенант Закир Юсупов, прошел впоследствии большой и славный боевой путь. В 1942 году, находясь уже в другой части, я прочел в «Комсомольской правде» заметку о юбилее танка. На боевом счету его экипажа числилось к тому времени много уничтоженных танков, орудий и живой силы врага.

Где труднее, опаснее — там в первых рядах коммунисты. К этому у нас привыкли, и это было действительно так. Защищая Москву, люди хотели идти в бой коммунистами, зная, что от них потребуется все. Возможно, и сама жизнь.

...День 20 декабря 1941 года стал большим, памятным для меня — я был принят в члены партии. Помню, нака-

нуне состоялась беседа с батальонным комиссаром Козинским.

— Кандидатский стаж свой ты оправдал и прошел по-боевому,— говорил Алексей Фролович.— Пора бы вступать в члены партии.

— Думаю об этом все время, — сказал я.

— Вот и хорошо, если мысли у нас совпадают.

Боевые характеристики, рекомендации на передовой оформлялись быстро, немногословные, но веские.

И вот мне вручают партбилет.

В подвале полуразрушенного здания бывшего военного городка, где помещался тогда политотдел 82-й стрелковой дивизии, собралось несколько командиров и политработников. Дощатый стол, накрытый отрезом красной ткани, заветная книжечка на нем.

— Поздравляю вас, товарищ Ивановский! — сказал, крепко пожимая мне руку, начальник политотдела дивизии батальонный комиссар В. Антоненко.

С партбилетом в левом нагрудном кармане, с книжечкой, в которую будто отдаются учащенные удары сердца, иду я в батальон. Нашему 27-му отдельному танковому батальону, уже проявившему себя в боях, предстоят новые схватки с врагом. Танкисты вместе с другими воинами встали на защиту Москвы — броней и грудью.

Как ни трудно после громадных потерь и долгих верст отхода на восток мобилизоваться, ударить по врагу, приказ о наступлении был воспринят в войсках с воодушевлением. Изумительна сила духа советских воинов! Те самые люди, которые сдерживали натиск вражеских армад, которые вынесли величайшие тяготы, столько пролили крови, те самые красноармейцы, командиры и политработники поднялись из окопов обороны и пошли в наступление. Разумеется, в сражение были введены резервы, выдвинутые из глубины страны, войска усилены потоком новой боевой техники. Но стойкость и мужество тех, кто после отступления начал сокрушать вражескую силу, неизмеримы и незабываемы.

На полях Подмосковья развернулось одно из крупнейших сражений Великой Отечественной войны, в котором с обеих сторон участвовало почти три миллиона человек, было применено около 2 тысяч танков, более 1600 самолетов, 20 с лишним тысяч орудий и минометов. Битва охватила огромное пространство — 750 километров по фронту и 400 километров в глубину.

Самое главное, что надо было нам сделать в этой битве, на этом этапе войны, — вырвать у врага боевую инициативу. Ведь до сих пор гитлеровцы хоть и с большими потерями, но наступали. Отныне должны были перейти к активным боевым действиям мы и отбросить врага назад.

И такой крутой поворот, перелом, мощный взрыв в событиях пришел.

Переход от обороны к наступлению был не только в стратегических решениях и оперативных планах — он вызвал перелом и в психологии людей. В массах воинов созрела великая моральная сила, окрепло убеждение: врага можно и надо бить. Примером тому — решительные и результативные бои и нашего 27-го отдельного танкового батальона под Дорохово, а таких эпизодов в Московской битве было множество.

Взятие рубежей на священном Бородинском поле выпало на долю многих частей и соединений. Прошли по этому полю русской боевой славы и наши танкисты. И все помнили, что вот на этой самой земле, где и холмы, и леса, и речки, и огромные валуны остались теми же, двигались, развертываясь в боевой порядок, русские полки, смело вступив в великое сражение Отечественной войны 1812 года. Теперь предстояло свершить великое ратное дело их наследникам.

...5-я армия наступала в центре Западного фронта. Ее соединениям и частям ставилась задача на прорыв обороны противника на разных участках. В сложной обстановке, при сильных морозах предстояло взломать инженерные заграждения, подавить как можно больше огневых средств противника, уничтожить его живую силу. Пробить брешь во вражеской обороне можно было лишь в тесном взаимодействии всех родов войск, и, как всегда, первый удар поручался танкистам, после чего в прорыв должны были войти другие части армии.

В героическом сражении под Москвой советские воины разгромили отборные фашистские полчища, нанесли врагу первое крупное поражение, развеяли миф о непобедимости гитлеровской армии. Эта первая в Великой Отечественной войне наша крупная наступательная операция получила всестороннее отражение в исторических трудах, в военно-мемуарной литературе. Сделаны научно обоснованные выводы, даны объективные оценки. В этом отношении мне вряд ли что-то удастся здесь дополнить. Коснулся я лишь тех событий, в которых так или иначе сыграла какую-то роль наша танковая часть.

В ходе наступления 27-й отдельный танковый батальон участвовал в освобождении Можайска. Фашистская оборона была здесь сильной, хорошо подготовленной: минные поля, проволочные заграждения в два-три кола, противотанковые рвы, пристрелянные рубежи. Ничто, однако, не могло остановить наших танкистов, которые утром 20 января 1942 года первыми начали атаку. Метко сказано в военном просторечии, что такую оборону надо «грызть». Танкисты и впрямь грызли ее, метр за метром сокрушая броней, гусеницами, пушечно-пулеметным огнем.

Накануне овладев Дороховом, атакующие экипажи нашего батальона прошли мимо танка КВ лейтенанта Константина Корбута, подорвавшегося здесь на минах в октябрьских боях. Прозвучали по радио слова: «Отомстим врагу за братьев по оружию!» Обгоревший, накренившийся танк, ставший братской могилой и стальным обелиском героям, звал вперед атакующих.

20 января наши танки ворвались на окраинные улицы Можайска, завязали бой в городе. Другие наступавшие части тем временем охватывали Можайск с севера. Фашистское командование не могло не понимать, что в городе его силам уже не удержаться. Тем не менее гитлеровцы ожесточенно сопротивлялись, не считаясь с потерями. И уже в самом городе от наступавших потребовались немалые усилия, чтобы закрепить успех.

Освобожденный Можайск предстал перед нами в дымящихся развалинах. Взорванные дома, вырубленные деревья на улицах, кучка местных жителей на площади, изможденных, обобранных врагом до нитки. Чужие матери обнимали чужих сыновей, немногие хозяева уцелевших домов зазывали воинов-освободителей в гости. Потчевали, правда, не они нас, а мы их из своих вещмешков. Выставит солдат банку консервов на стол, положит краюху хлеба, малышам протянет кусочек сахару... А сколько радости и радушия было в таких встречах!

В первые же минуты свободы на высокой крыше сохранившегося здания заполыхал на ветру красный флаг — самый бесценный дар воинов-освободителей советским людям.

Можайск. Город, расположенный от Москвы в западном направлении на сто первом километре. С гордостью думали и говорили об этом наши танкисты, хотя сознавали, что впереди еще не одна сотня километров боевого пути, видать, и не одна тысяча. Но в то, что путь наш только вперед, только на запад, все верили твердо.

За период наступления советских войск под Москвой потерпели поражение 38 немецко-фашистских дивизий, уничтожено более полумиллиона солдат и офицеров, 1300 танков, 2500 орудий, более 15 тысяч автомашин, много другой боевой техники. Советские воины освободили 11 тысяч населенных пунктов, 60 городов, таких, как Калинин, Калуга, Клин, Волоколамск, Можайск. Гитлеровские войска были отброшены от Москвы на запад на 150—350 километров. Контрнаступление проходило в сложных зимних условиях, писал впоследствии Г. К. Жуков, и, что самое главное, без численного превосходства над противником.

Разгром гитлеровских войск под Москвой имел огромное военно-политическое значение. Московская битва навсегда развеяла миф о непобедимости германской армии. Это вынуждены были признать известные лидеры капиталистического мира и даже гитлеровские генералы. Генерал Вестфаль, например, писал, что «немецкая армия, ранее считавшаяся непобедимой, оказалась на грани уничтожения».

Исключительно важным по значению был разгром советскими войсками главной ударной вражеской силы — группы армий «Центр». Провалилась тщательно продуманная и спланированная немецкими штабами операция «Тайфун». Рухнула гитлеровская идея молниеносной войны против Советского Союза. Развеялись, как дым, упования вражеского командования на блицкриг — перед фашистской Германией возникла перспектива ведения затяжной войны.

Победа в битве под Москвой продемонстрировала всему миру мощь и жизнеспособность Советского государства, морально-политическое единство нашего народа и его армии, преимущества советского строя.

Руководителем, организатором и вдохновителем великой победы под Москвой была Коммунистическая партия. Успех обеспечила огромная военно-организаторская и идеологическая работа Центрального Комитета ВКП(б), Государственного Комитета Обороны, Совнаркома СССР.

Боевыми действиями войск в величайшем сражении под Москвой руководили верные сыны Коммунистической партии, выдающиеся полководцы и военачальники Г. К. Жуков, И. С. Конев, В. Д. Соколовский, К. К. Рокоссовский, А. И. Еременко, Л. А. Говоров, Д. Д. Лелюшенко и другие.

Беспримерные мужество и стойкость, массовый героизм проявили в боях за столицу бойцы, командиры и политработники, московские ополченцы. Они самоотверженно выдержали тяжкие испытания. Они храбро сражались, не жалея крови и самой жизни, и победили.

КОРПУС СОЗДАН...

В ходе войны созревали и воплощались в жизнь идеи, которые оказывали сильнейшее влияние на развитие событий, а порой и коренным образом изменяли оперативную, стратегическую обстановку на фронтах. Коммунистическая партия и Советское правительство, руководившие вооруженной борьбой и трудовой деятельностью народа, всячески развивали научную военную мысль, поддерживали инициативу военачальников, специалистов оборонной индустрии, предлагавших талантливые решения различных проблем.

Одной из таких идей, имевших важное значение в советском военном строительстве и в организации боевых действий на фронте, была идея создания крупных танковых соединений. Мне и моим боевым товарищам выпала честь осуществлять ее на практике. Весной 1942 года Государственный Комитет Обороны СССР принял решение о формировании первых танковых корпусов (впоследствии, как известно, формировались и танковые армии). Нас, командиров, уже получивших боевой опыт, зачисляли на различные должности в штаты этих соединений.

Я получил предписание, в котором значилось: «Майора Ивановского Е. Ф. назначить начальником разведки 2-го танкового корпуса».

Но тут своя предыстория.

В первых числах марта сорок второго года, когда наш 27-й отдельный танковый батальон был выведен на переформирование в Подмосковье, меня вызвали в Главное бронетанковое управление.

— Может так статься, что к нам уже не вернешься, — говорили друзья командиры. — Вероятно, где-то появилась пустующая должность, так что заранее ставь отходную...

Озадаченный вызовом в столь высокую инстанцию, я бормотал в ответ что-то невнятное: дескать, еще неизвестно, зачем требуют и как все обернется.

— Не скромничай, Евгений, не скромничай, — обнял меня комиссар. — Пойдешь на повышение.

— Не иначе. Ему ведь и звание майора дважды присвоено, — подхватил кто-то.

Острословили и подшучивали ребята, хотя и я сам, и они скрывали грустинку в предчувствии расставания. Боевое братство, верное и крепкое, не любит сентиментальности.

Что касается дважды присвоенного майорского звания, то так оно и было. Не так давно здесь, на переформировании, пришла соответствующая выписка из приказа. На ут-

реннем построении объявили. Сослуживцы поздравили меня, я прикрепил по два прямоугольника в петлицы. А потом выяснилось (прибыла еще одна выписка), что это же звание тремя неделями раньше мне присвоено приказом командующего Западным фронтом. Всяко могло случиться в ту пору, когда массы военного люда перемещались в круговороте грозных событий.

К сроку, указанному в телеграмме, я был в ГАБТУ. В предварительной беседе работник отдела кадров сообщил о назначении меня заместителем начальника штаба 199-й танковой бригады. Формируется она под Горьким, в первое время мне поручается исполнять обязанности и начальника штаба, и заместителя, как выразился кадровик — «самостоятельно и энергично».

В славном волжском городе, известном революционными традициями рабочего класса, формировался тогда ряд ударных воинских частей. Ведомства, учреждения и предприятия города были полностью переведены на военные рельсы.

В течение нескольких недель мне действительно пришлось самостоятельно, и весьма энергично (иначе нельзя было), решать многие вопросы, связанные с формированием бригады. Как-то поздно вечером позвонил из Москвы подполковник Поминов и сообщил, что он назначен начальником штаба нашей бригады и спешит познакомиться хотя бы по телефону. Он должен был еще некоторое время задержаться в Москве, где пока еще работал в центральном аппарате.

По тем же делам формирования привелось мне быть в командировке в Новомосковске. Так как путь лежал через Москву, решил заехать к начальнику штаба: пока он в центре, можно этим воспользоваться, чтобы побыстрее решить некоторые вопросы.

— Правильно сориентировались! — одобрительно встретил мой приезд Поминов. — С этого кресла и через этот телефон... — кивнул он на свое рабочее место, — мы кое-что выбьем для бригады.

Человеком он оказался умным и деятельным. Внимательно выслушав меня, взяв кое-что на заметку, сел за телефон. Как давний работник центрального аппарата, он знал, куда позвонить и с кем поговорить по какому вопросу. Здорово продвинул наши дела вперед. Условились с ним: завтра едем в бригаду вместе. Единственно, на что у него не хватило времени, так это на то, чтобы о себе сказать несколько слов, даже по имени-отчеству не назвался. Я по-

ныне так и не знаю, как его звать-величать, ибо, несмотря на наш уговор, ни одного дня нам работать вместе не пришлось.

В коридоре управления меня перехватил заместитель начальника отдела кадров ГАБТУ:

— Майор Ивановский, если не ошибаюсь?

— Так точно, товарищ полковник, — подтвердил я, удивляясь, откуда он меня знает.

— Зайдите ко мне...

В кабинете кадровик усадил напротив себя, кратко проинформировал о новых танковых формированиях, о нехватке в штатах соединений боевых командиров. Я понял, что сейчас же будет решен вопрос о новом моем назначении. Тогда не спрашивали и не уговаривали никого, как нынче: как вы смотрите, если вас выдвинуть на такую-то должность с переводом туда-то? Тогда прямо объявляли решение.

Полковник сказал:

— Назначаетесь начальником отдела разведки соединения.

Я привстал.

— Сегодня к двадцати ноль-ноль явитесь в гостиницу ЦДКА на беседу к генерал-майору Лизюкову Александру Ильичу.

— Есть, понял.

Суховатым рукопожатием кадровик распрощался со мной.

Вечерело. До 20.00 оставалось не так много времени, и я, пересаживаясь с троллейбуса на трамвай, поехал по Москве в сторону площади Коммуны. На улицах много военных, на площадях позиции зенитных батарей, плавающие в вышине аэростаты, перекрещенные лентами окна — перекрещенные, как судьбы людские военной поры. Все это наблюдаю, притиснутый к окну в переполненном трамвае, и вроде бы тихо-тихо говорю с моей Москвой.

О службе своей будущей подумываю без особых треволнений. Пощипывает, правда, какая-то неясность, недосказанность: отдела разведки нет ни в бригаде, ни в дивизии — куда же меня? Имя Лизюкова, Героя Советского Союза, было широко известно, о нем писали газеты. Во время короткой нашей встречи полковник-кадровик не догадался сказать или намеренно умолчал о создаваемых танковых корпусах, и я терялся в догадках.

Побродил по вестибюлю, по этажам гостиницы ЦДКА, этого доброго нашего армейского дома. В нем какой-то особый, чем-то родной дух — и тогда был, и теперь остался. Без

одной минуты восемь постучался в номер генерала. Хозяин скромного одноместного номера, который предстал отнюдь не в халате и шлепанцах, по-домашнему, а в полной форме, перетянутый снаряжением, тотчас открыл дверь.

— В управлении вы, наверное, слышали, что формируется четыре танковых корпуса, — поздоровавшись, начал беседу со мной генерал-майор А. И. Лизюков. — На первый идет Михаил Ефимович Катуков, вторым доверено командовать мне, на третий никто пока не назначен, четвертым будет командовать, кажется, товарищ Мишулин...

Далее все, что он говорил, касалось уже лично меня, моих обязанностей и задач:

— Едете, значит, в Горький, там будем формироваться. Видимо, войдет в наш состав и ваша 199-я бригада. Через денек-два я и сам буду на месте. Все ясно? Вопросов нет?

— Все ясно, товарищ генерал.

— Тогда отправляйтесь. И желаю всяческих успехов.

Поздним вечером мы встретились на Курском вокзале с подполковником Поминовым.

На следующий день, сдав в бригаде дела и оформив документы — вещевой, денежный и продовольственный аттестаты, я был готов следовать к новому месту службы в город Горький.

На дежурной машине подбросили меня к развилке Горьковского шоссе. Стою и голосую, пытаясь устроиться на любой попутный грузовик, в кабине бы, конечно, лучше по зимней погоде.

Вдруг притормаживает эмка, а в ней... подполковник П. Крупский, комбат бывший, с которым некогда на Карельском перешейке воевали!

Всю дорогу мы оживленно говорили и вспоминали — столько ведь общего, столько впечатлений. Друзей-товарищей поименно перебрали — кто жив и воюет, кто ранен или погиб. О ходе войны откровенно мыслями поделились, а они одинаковые были тогда у всех фронтовиков: еще чуть поднатужимся, еще поднажмем, ударим — и погоним проклятущего врага с нашей земли. Военные, воспитанные на революционных традициях, получившие боевую закалку, мы никогда не скисали под тяжестью самых тяжких неудач и потерь, мы всегда думали о ближайшем переломе, о переходе в широкое победоносное наступление на всех фронтах. И не ждали этого, как манны небесной, не витали мечтами в заоблачных высотах, знали, что нам самим, не кому иному, сокрушать врага.

Поговорили и о своем личном — в этом отношении фронтовики были опять-таки по-братски доверчивы. Крупский о своей семье рассказал. Я показал ему письмо от моих, с фотокарточкой, на которой жена и сынишка. Говоря об этом, забегаю несколько вперед. Как разыскал семью с помощью полевой почты, расскажу потом подробнее.

Не заметили мы за дружеской беседой, как домчались до Горького. Крупский, знавший здешние военные адреса, подвез меня к самому месту — в Нижегородский кремль, где штабу создаваемого 2-го танкового корпуса было выделено три комнаты.

Радушно встретили меня новые боевые товарищи — полковник М. Мишнев, начальник тыла корпуса, и подполковник Л. Пупко, начальник оперативного отдела штаба.

— За стенкой в маленькой комнате стоят две солдатские койки, внесем третью, и порядок, — сказал полковник Мишнев, позвонил куда-то, о чем-то распорядился.

Так я занял свое служебное место в составе штаба танкового корпуса.

Решение на формирование крупных танковых соединений, как мы понимали, было рассчитано на перспективу, на грядущий поворот в войне, когда советские войска поведут наступление на всех фронтах. В сорок втором, очень тяжелом году войны, когда немецко-фашистское командование предприняло ряд крупных наступательных операций, особенно на юге страны, наверное, не легко было организационно совершенствовать, менять структуру войск. Но надо было. Чтобы выстоять. Чтобы победить.

Под городом Горьким, в зимних лагерях, танковые части комплектовались кадрами командиров и политработников, личным составом, сюда же прибывала боевая техника — целые эшелоны новеньких Т-34, красивых и грозных машин.

То, что происходило в те мартовские дни в Подмосковье, в Горьком, можно было назвать рождением танковых лавин. Они здесь брали начало, обретали силу и в скором времени должны были устремиться на запад — сокрушать врага.

Наш 2-й танковый корпус к началу апреля 1942 года принял все формы воинского соединения. В его состав вошли 26, 27 и 148-я танковые, 2-я мотострелковая бригады. Напряженно работал штаб, проводились занятия по слаживанию частей, готовилась и проверялась техника. Командир корпуса Герой Советского Союза генерал-майор А. И. Лизюков проявил себя с первых дней строгим и требовательным.

Его появление где-нибудь на учебном поле или в казарме заставляло всех подтягиваться. Честно говоря, побаивались многие комкора, старались не попадаться ему на глаза. Тогда еще не знали, что за этой жестковатой манерой обращения с подчиненными кроется добрая натура, что командирская непреклонность не так просто дается и самому Александру Ильичу, человеку в общем-то покладистому и доброжелательному. Эти черты его характера проявятся потом, в боевой обстановке, где их никакой строгостью не прикроешь. Под стать ему был и комиссар корпуса полковой комиссар Л. И. Ассоров — политработник с глубокими знаниями и большим опытом, весьма эрудированный и в военном деле. Начальник штаба корпуса полковник С. П. Мальцев проводил большую организаторскую работу с офицерами отделов и служб, наводил во всем твердый порядок, подавал пример трудолюбия.

Как-то уж так получается, что в период формирования, в некотором удалении от фронта, где дыхание войны хотя и ощутимо, но где не рвутся снаряды и не слышны пулеметные очереди, заметно оживляется переписка с родными. Полевая почта чаще сыплет письма-треугольники, принося людям и радость, и горькие известия. Полевая почта в нашем солдатском понимании — самая благородная, уважаемая военная организация. И такая чудодейственная, если вспомнить, какими трудными путями, подчас неимоверными способами ищет и находит она адресата. Заслуга в том не только почтальонов, армейских и штатских, но и многочисленного актива полевой почты. Едет, скажем, шофер в какую-то часть, срочный груз везет. Почему не взять попутно пачку писем, газет — ведь их так ждут. Прилетело, допустим, письмо издалека, а того, кому адресовано, давно уж тут нет, перебросили на другое направление — письмо не оставят, не забудут о нем, найдутся добрые люди, которые и новый номер полевой почты узнают, и перешлют письмо, куда надо. Отношение к письму в боевых условиях — благоговейное. Ибо в нем, не заклеенном, а просто сложенном, не имеющем даже марки, а лишь проштемпелеванном треугольнике,— судьба человеческая.

О полевой почте немало хороших песен сложено. Я их люблю и с удовольствием подтягиваю, когда друзья поют. И до сих пор изумляюсь тому, как в бурных военных потоках машин и людей легкокрылое письмо преодолевало большие расстояния, находило адресата в окопе, в танке, в палатке медсанбата, на марше.

В период формирования все мы, как бы ни были заняты

делами, слали письма в разные концы, с сердечной надеждой обращались к нашей полевой почте.

Я разыскивал жену и сына, не зная о них ничего: где и как они, живы ли? Больше всего страшило, что могли они оказаться на территории, оккупированной врагом.

Один из сослуживцев, переведенный к нам из другой части, подсказал мне адрес Александра Газукина — в разговоре случайно выяснилось, что они вместе воевали. Я тотчас же написал Саше несколько строк. Он немедля ответил: о себе коротко, подробнее о том, что могло помочь мне. Его семья эвакуировалась в Ульяновск, и он уже направил туда своей жене письмо с вопросом, не знает ли она что-либо о Рае Ивановской? Жена Газукина еще кому-то написала, и через некоторое время до меня дошла весточка, которую я ждал с волнением и болью: семья моя жива-здорова, жена с сыном в эвакуации — в Алтайском крае, на станции Топчиха.

Как же они там одни-одинешеньки в далеком краю? Переживания одолевали меня, хотя я старался успокоить себя тем, что ведь на советской земле мои, среди советских же людей. Не сладко им, конечно, так и другим же трудно — война.

Полетели письма в Алтайский край, частые и нежные, какие прежде вроде бы и писать не умел. Прилетали письма из Топчихи, каких раньше тоже не получал.

Поклон тебе, полевая почта, от всех фронтовиков, от солдаток и детей солдатских.

РАЗВЕДКА И ЕЩЕ РАЗ РАЗВЕДКА!

Весной сорок второго года наш 2-й танковый корпус двигался на запад, на Брянский фронт. Гуляли по степи теплые ветры, вскинулась на косогорах первая зелень трав, в минуты стоянок было слышно, как в отдалении гремят не то артиллерийские залпы, не то грозы весенние. Пока следовали железнодорожными эшелонами, забот особых не было, а когда в прифронтовой полосе пошли своим ходом, испытали всю «прелесть» весенней распутицы — танки натужно ревели двигателями на низших передачах, колесные машины увязали в грязи, и частенько приходилось выталкивать их плечами.

В состав оперативной группы для рекогносцировки района и встречи прибывающих частей вместе с другими штабными командирами был включен и я. Напутствуя нас,

генерал-майор А. И. Лизюков поставил задачу, уточнил время встречи частей. После общего инструктажа подозвал меня поближе, вполголоса сказал:

— Когда прибудете на место, ты там вопросами размещения, конечно, занимайся, но главное — изучи разведданные. В полном объеме и со всей глубиной.

— Есть, товарищ генерал.

Вдогонку мне прозвучало:

— Разведчиком тебя сделали только позавчера...

На эти слова, хоть они и задели малость, обижаться было нечего. Верно ведь: в должность начальника разведотдела штаба корпуса я вступил, не имея опыта разведчика. К делу разведки близок, разумеется, каждый командир, а тем более штабной, ценит ее как «глаза и уши», не забывает своевременно организовать наблюдение и поиск. И все же разведчиком по призванию, наверное, надо быть смолоду. Свои сомнения на этот счет я старался развеять пословицей «Не боги горшки обжигают» и вместе с тем схватывал на лету, впитывал все, что касалось работы разведчиков. Среди командиров отдела тоже не все были профессионалами. Несколько выделялись своей подготовкой и знаниями В. Гребенников, В. Тугаринов, остальным же, по-видимому, предстояло постигать дело разведки вместе со мной. Что ж... Война — это не только походы да бои, но еще и школа.

Штаб Брянского фронта стоял в Ельце. Прибыв туда, мы, командиры оперативной группы, представились начальнику штаба фронта, другим должностным лицам. Получили указание: штаб 2-го танкового корпуса разместить в селе Казаки, в 15 километрах западнее Ельца. Туда сразу же потянули связь. Вскоре в сельской избе, ничем особо не отличавшейся от других изб, застучал телеграфный аппарат Морзе. Устроились, провели рекогносцировку района, подготовили помещение для служб. До подхода штаба и частей оставалось еще время, и я употребил его так, как советовал комкор.

В разведуправлении фронта старшие товарищи были готовы поделиться всем, чем они располагали.

— Дадим вам все, майор Ивановский, — сказал один из них, подполковник В. Подушкин, видимо добряк по натуре и любитель пошутить. — Не только разведданные, но и пленного фрица в придачу можем выделить.

Он широким жестом развернул карту на столе, будто скатерть-самобранку.

Многое «знала» та карта. От фланга до фланга все, что

находилось перед фронтом, было разведчиками изучено и охарактеризовано — глубоко, реально. Номера, наименования, состав дивизий и полков противника, фамилии их командиров, количество танков, других боевых машин, прибывших в немецкие части, положение в оккупированных Орле, Курске, других городах, коммуникации во вражеском тылу, пригодные для выдвижения войск, места сосредоточения танковых, артиллерийских, пехотных резервов...

Изумление, вызванное обилием и ценностью подобного материала, наверное, было написано у меня на лице. Подполковник, работавший со мной, понимающе взглянул на меня, горделиво заметил:

— Живем, как видите, не бедно.

Просто здорово была поставлена работа в разведуправлении фронта, и многому следовало здесь поучиться, что я и делал без стеснения. Мне рассказывали о большой повседневной деятельности разведчиков, требовавшей предельного напряжения и дерзкой отваги, о хорошо налаженных связях с брянскими партизанами, добывавшими ценнейшие сведения о противнике. Сидит где-то на разъезде стрелочник, делает свое дело, немец-охранник похрапывает в дежурке после стакана самогона, а стрелочник платформы с танками считает. Играют мальчишки неподалеку как раз от того места, где втягивается под шлагбаум колонна машин. Горбится над пишущей машинкой в городской управе пожилая женщина. Из таких источников скрытыми ручейками утекали цифры, даты, адреса, имена, обрывки служебных разговоров — все это суммировалось, анализировалось знающими и верными людьми.

По прибытии штаба корпуса в село Казаки я был готов доложить генералу А. И. Лизюкову обширный материал по линии разведки.

К моей радости, вскоре прибыл к нам и разведбат, которого при формировании почему-то не было. Поскольку это «мое» подразделение, я немедля занялся им вплотную. После первых встреч, бесед с людьми радость несколько померкла: разведбат не был как следует сколочен, требовалось в этом отношении еще много работать. Похоже, формировали подразделение наспех. Но сетовать не приходилось — в военное время далеко не всегда есть возможности для проведения той или иной работы в полном объеме.

Предварительно задача 2-го танкового корпуса формулировалась так: находясь в резерве фронта, быть в готов-

ности для нанесения контрударов по врагу на трех направлениях.

Мы пока боевых действий не вели. Дни и ночи уходили на рекогносцировку направлений и рубежей, отработку вопросов взаимодействия с армиями и дивизиями, в полосе которых планировались контрудары. Выкроилось время для боевой учебы здесь же, на фронте, и наши командиры, политработники, штабы старались его должным образом использовать. Целыми днями я пребывал в разведбате. Заезжали к нам командиры из разведуправления штаба фронта, помогали отрабатывать с личным составом приемы и способы действий в разведке, в частности налеты на штабы и узлы коммуникаций противника, учили организации поисков, захвату «языков», умению анализировать и обобщать факты.

Жарким, сухим летом 1942 года гитлеровские войска повели наступление с огромным натиском. На нашем фронте враг рвался к Воронежу. 2-й танковый корпус вместе с 7-м танковым корпусом, которым командовал тогда полковник П. А. Ротмистров, и 1-м танковым корпусом генерал-майора танковых войск М. Е. Катукова вели ожесточенные бои в районах Большой Верейки и Землянска, имея задачу нанести контрудар по левому флангу наступавшей на Воронеж группировки противника, разгромить и уничтожить ее. Рассматривая те события с позиций нынешнего дня, можно констатировать: безусловно, мы отвлекали на себя, сковывали действия вражеских войск, 378-ю пехотную дивизию разгромили полностью, нанесли урон другим фашистским соединениям, но значительного оперативного успеха нам в этих боях достигнуть все же не удалось.

Корпус начал боевые действия 7 июля 1942 года и в течение месяца сдерживал натиск вражеских соединений, рвавшихся к Воронежу. Обстановка складывалась тяжелая, а порой обострялась крайне. Гитлеровское командование, опасаясь за свой левый фланг, перегруппировало на это направление дополнительные силы — до трех дивизий; на это же направление была брошена и большая часть авиации. Фашисты, ведя непрерывные атаки, искали наиболее уязвимые места в наших боевых порядках. Ожесточенные бои продолжались непрерывно несколько суток с большими потерями с обеих сторон.

Вечером 9 июля командир корпуса собрал командиров и начальников штабов частей.

— Корпусу ставится задача: овладеть населенным пунктом Большая Верейка, — сказал генерал вроде бы деловым, будничным тоном, а сам незаметно обвел взглядом лица присутствующих, следя за реакцией на его слова.

В небольшом, тесном кругу собравшихся возникло движение, послышался гомон. Проступили улыбки на почерневших лицах.

— Наступательных действий с нашей стороны противник сейчас меньше всего ожидает, ведь мы в обороне, — продолжал генерал. — Отсюда ставка на внезапность.

Замысел наступления на Большую Верейку комкор выработал вместе с комбригами. Отдавая приказ, он всегда прислушивался к мнению подчиненных. Итак, ставка на внезапность, расчет на храбрость и мастерство танкистов.

Эти наступательные действия в период обороны и отхода характерны в тактическом и оперативном решении тем, что очень сложен процесс организации контрудара.

Тщательно изучив вместе с офицерами штаба обстановку, проанализировав данные разведки, командир корпуса решил с наступлением темноты стремительной атакой подразделений 2-й мотострелковой бригады овладеть Большой Верейкой, в ночном бою захватить переправы и обеспечить проход по ним через реку танкам 148-й и 27-й танковых бригад, далее, к исходу следующего дня, овладеть районом Гремячье. 148-й танковой бригаде надлежало обеспечить форсирование реки, 27-й танковой бригаде — захватить переправы в нижнем течении реки и, сковывая силы противника, развивать успех наступления из-за левого фланга боевых порядков частей корпуса.

Сумерки окутывали Большую Верейку, и вроде бы все предвещало ночное затишье. Лишь изредка постреливали пулеметы да взрывались отдельные мины. Но такое впечатление было только внешним. С наступлением темноты 148-я и 27-я танковые бригады заняли исходное положение, а 2-я мотострелковая бригада перешла в атаку. Быстрым броском вперед ее подразделения ворвались в село, захватив немцев врасплох. Ночной бой для них оказался очень невыгодным, вели они его в большой неразберихе. Наши же мотострелки действовали решительно и целенаправленно. К рассвету они выбили противника из большей части села и захватили мост через реку в центре населенного пункта. Гитлеровцы зацепились только за юго-восточную окраину села и удерживали ее довольно крепко.

С рассветом в бой вступили тяжелые танки 148-й бригады. Они ворвались в боевые порядки противника, давили гусеницами его огневые точки и пехоту. Другие части корпуса, преодолевая сопротивление врага, достигли населенных пунктов Чириков и Скляево. Гитлеровцы предприняли попытку отбросить наступающих сильной контратакой моторизованного полка, поддержанного 30 танками и группой пикирующих бомбардировщиков. В ожесточенном бою, продолжавшемся весь день, они потеряли 13 танков и большое количество живой силы.

Наши части закрепились на так называемых «верейских высотах», оставив прикрытие на переправах через реку Большая Верейка.

Комкор поставил частям задачу на 11 июля: к исходу дня овладеть рубежом Сомово, Большая Терещевка.

Утром бой разгорелся с новой силой. Танки КВ 148-й бригады начали преодолевать реку вброд. Фашисты открыли шквальный огонь, пытаясь воспрепятствовать форсированию. Прямым попаданием тяжелого снаряда был выведен из строя головной танк. Форсирование временно задержалось. Артиллерия и минометы противника мощным огнем обрушились на боевые порядки наступавших. Наша артиллерия, поддерживая бой мотострелковой и танковых бригад, тоже подавляла батареи противника. Танки били прямой наводкой. Бой длился часа полтора-два. Постепенно огонь противника стал ослабевать. К полудню танкисты и мотострелки наших частей переправились через реку. Гитлеровцы были полностью выбиты из Большой Верейки.

Некоторое время спустя, оправившись, враг попытался вернуть утраченные позиции, двинув на Большую Верейку моторизованные части с танками. С воздуха контратаку поддерживали полтора десятка пикирующих бомбардировщиков «Юнкерс-87».

Наши танкисты выдержали этот и последующие удары, хотя еще и не успели прочно закрепиться на занятых рубежах.

Бой длился более четырех часов и завершился нашей победой. Было уничтожено свыше десятка вражеских танков и бронемашин, много живой силы противника.

Командир и комиссар поздравили воинов с боевым крещением, с успехом.

А после такого боя — никакой передышки. Гитлеровцы, видимо, считали наш успех случайным и прилагали все усилия, чтобы восстановить положение — вернуть Большую Верейку и другие населенные пункты. На наши обо-

ронительные позиции волна за волной накатывались вражеские атаки с участием большого количества танков.

Нас непрерывно бомбили с воздуха. Эскадрильи «юнкерсов» приходили и уходили, сменяя друг друга. Отразить эти налеты, к сожалению, было нечем.

Дни проходили в сплошном грохоте и огне. Полыхало кровавое зарево и ночью. На подступах к селу и в нем самом все было искромсано и перемешано с землей. Но стойкость, мужество, самоотверженность наших воинов проявлялись на каждом шагу. У Большой Верейки, недалеко от славного русского города Воронежа, приняли боевое крещение части 2-го танкового корпуса. Здесь были совершены многие ратные подвиги, стали известны имена первых наших героев.

Бой — это не только тяжелое испытание на грани жизни и смерти, бой — это яркая вспышка, высвечивающая в человеке такие черты и качества, которые, может быть, не были видны в нем раньше. Скромница, постоянно державшийся в тени, в страшные минуты боя вдруг проявлял себя героем, а удалец в житейских делах, острослов и, что называется, рубаха-парень перед лицом смертельной опасности порой оказывался трусом. Иные привычки и даже слабости человеческие в бою обретали свое значение, выкристаллизовывались в черты характера.

Перед активными боевыми действиями в районе сосредоточения, неподалеку от штаба корпуса, располагался артдивизион мотострелковой бригады. Захаживал к нам перемолвиться словом да табачком поделиться его командир капитан В. Коськин. Во всем его облике проглядывала этакая щеголеватость артиллериста, относящего себя к «армейской интеллигенции»: гимнастерка ладно отутюжена, брюки-бриджи с напуском, сапоги наглянцованы, сам чисто выбрит и наодеколонен. И была у него привычка ходить без головного убора. Вышагивает, бывало, играя своей отменной выправкой, а пилотка в руке или за поясом — издали светит пшеничным чубом. Старшие делали ему замечания. Он наденет пилотку, а через минуту по привычке опять смахнет ее с головы. Пшеничная шевелюра Коськина, густая и непокорная, то там, то здесь проглядывала среди пилоток и касок.

В одном из боев под Большой Верейкой капитан В. Коськин и воины его дивизиона проявили себя настоящими героями, напомнив, что не зря именуется их оружие богом войны. Вот-вот должны были пойти в атаку фашистские танки и пехота, находившиеся в предбоевых поряд-

ках. С непродолжительными интервалами налетали группы «юнкерсов», бомбили позиции наших войск.

НП корпуса врылся в землю на склоне высоты. Мы, командиры штаба, наблюдали в бинокли за ходом боевых действий. Наша пехота удерживает рубеж, артиллерия прикрывает ее огнем, но фашистские танки с автоматчиками наседают, прощупывают наиболее уязвимые места. Нашли-таки, рванулись вперед, набирая скорость...

На НП народ с крепкими нервами.

— Прорвалось до тридцати танков противника. Идут на нас, — несколько повышенным, но выдержанным тоном доложил один из командиров.

Я их тоже вижу, но, раз уже доложено, чего ж повторять. Три десятка фашистских танков, дистанция метров семьсот, не больше, надвигаются. Уже видны черно-белые кресты на броне, наведенные (кажется, именно на тебя) жерла пушек.

Комкор приказал:

— Выдвинуть к нам все, что есть под рукой. И всем, кто на НП, изготовиться к бою.

Силы наблюдательного пункта были примерно такими: саперный взвод с двумя противотанковыми ружьями, командиры штаба, вооруженные пистолетами и автоматами и имевшие несколько связок противотанковых гранат. Силы, прямо скажем, малоощутимые для вражеской танковой лавины.

Опасность нависала смертельная.

И тут мы видим картину, развивающуюся у нас на глазах с быстротой и яркостью кино. Вблизи от нашего НП развертываются орудия артиллерийского дивизиона — далеко не полного состава, семь-восемь стволов всего. На «виллисе» с отброшенным на капот ветровым стеклом подлетел капитан В. Коськин. На ветру развевается его пшеничный чуб, и командир под огнем противника управляет своими орудийными расчетами.

Видно было, как он рассек ладонью воздух: «Огонь!»

Пушки ударили метко. Два вражеских танка сразу загорелись.

Гитлеровцы, усмотрев немалую для себя опасность, частью сил пошли на огневые позиции артиллеристов, открыв огонь из танковых пушек. Капитан Коськин под огнем появлялся то там, то здесь, руководил действиями расчетов. Когда фашистские танки приблизились метров на двести к нашему НП, отважный командир хитроумно сманеври-

ровал своим неполным артдивизионом, и орудия стали бить танкам в борта.

Капитан Коськин весь этот неравный поединок провел на открытой местности, под огнем противника. Рвались вражеские мины, взметывали землю снаряды, стегали степь пулеметные очереди, падали раненые и убитые батарейцы, а Коськина ничего не брало. Ему, как и другим, много не надо было, хватило бы, как говорят фронтовики, девяти граммов. Но не думал об этом храбрый артиллерийский капитан. Все его мысли и душевные порывы были сосредоточены на одном — бить врага.

Вместе с артиллеристами приготовились и мы, все кто был на НП, драться до последнего патрона и гранаты.

И вдруг фашистские танки сбавили ход, остановились и начали пятиться назад. Орудия артдивизиона под командованием капитана Коськина продолжали вести по ним огонь. К месту боя выдвигалась из нашего второго эшелона рота танков КВ. Перед этой грозной силой гитлеровцы не устояли, откатились.

Прибывший комиссар корпуса не стал собирать, строить людей, чтобы объявить благодарность капитану Коськину — не та обстановка после только что утихшего орудийного грома, — полковой комиссар обнял и расцеловал храброго противотанкиста. Обступили его и наши танкисты, пожимали ему руку, тискали его в объятиях. Все смотрели, как на признанного героя, на капитана с пшеничным чубом. Волнующие минуты! И как они много значат, как дороги фронтовику! Пожалуй, не меньше награды, которая после соответствующего представления лишь со временем придет к нему.

Капитан Коськин со своим артиллерийским дивизионом впоследствии еще не раз сражался бок о бок с нашими танкистами, прошел вместе с нами через огонь Сталинградской битвы. В одном из последующих боев он погиб. К таким, как он, больше всего относятся слова, которыми говорят обо всех погибших воинах: «Пал смертью храбрых».

Брянский фронт в те летние жаркие дни «колыхался», как образно и довольно-таки метко характеризовали создавшееся положение штабные командиры. Если сравнить, скажем, вчерашнюю и сегодняшнюю обстановку, нанесенную на карту, то видно, что линия фронта и впрямь «колышется» — перемещается то на восток, то на запад.

В результате напористых действий, эффективных атак, предпринятых одна за другой, две наши бригады вырвались далеко вперед по направлению к Землянску. Их соседи по фронту — слева танковая, справа мотострелковая бригады — продвинуться не смогли. Гитлеровцы этим не замедлили воспользоваться и усилиями с обоих флангов стали «затягивать» широкий разрыв, образовавшийся между флангами соединений. Обходными путями и прямыми бросками сюда проникали фашистские подразделения, наскоро закреплялись. Наши машины и пешие группы пока что ходили по проходу туда и обратно, без стычек с противником, но было ясно, что гитлеровцы попытаются закрыть проход накрепко, а это уж будет для двух наших бригад не чем иным, как окружением. Не столь плотным и опасным, правда, разорвать его таранным ударом можно в любую минуту, но все же...

Генерал А. И. Лизюков, комиссар корпуса полковой комиссар Л. И. Ассоров склонились над картой. То, что происходило сейчас на направлении Землянска, предвещало дальнейшее развитие обстановки не в нашу пользу. Высшие командные инстанции тоже сосредоточили внимание на этом участке — то и дело звонил телефон прямой связи со штабом фронта.

На НП царила напряженная атмосфера. Все ждали решающего слова генерала А. И. Лизюкова, пристально вглядывавшегося в карту. Александр Ильич только недавно вернулся к своей должности комкора. Несколько раньше он был назначен командующим вновь сформированной 5-й танковой армией. Она находилась некоторое время на орловском направлении, затем ее передислоцировали на Воронежский фронт. Надо заметить, своей роли наспех сформированное объединение не сыграло. Недостаточно сколоченный штаб не сумел решить сложные оперативные вопросы. По решению Ставки армия была реорганизована. Лизюков вновь стал командовать нашим корпусом.

То, что случилось с Александром Ильичом под Землянском, произошло на моих глазах, именно в тот период, когда генерал вновь принял командование 2-м танковым корпусом.

Зазвонил телефон прямой связи.

— Товарищ генерал, — доложил связист, — на проводе командующий.

Лизюков подошел к аппарату, взял трубку — все это неторопливо и спокойно.

Штабники, находившиеся здесь же, разом притихли,

кое-кто даже дыхание затаил. Нам было известно, что фронтом с недавнего времени командует генерал-полковник К. К. Рокоссовский, в то время уже видный советский военачальник.

По всему тому, что говорил А. И. Лизюков, то с официальной четкостью, то с доверительной теплотой, можно было представить и содержание диалога и догадаться, что оба его участника — давние товарищи, возможно, близкие друзья.

— Докладываю о положении вырвавшихся вперед бригад, товарищ командующий... — говорил вначале Лизюков.

После нескольких вопросов и ответов уже так:

— Все от меня зависящее сделаю, Константин Константинович. Я же понимаю. Спасибо за совет.

А перед тем, как положить трубку, опять:

— Товарищ командующий фронтом, все будет выполнено!

После разговора А. И. Лизюков присел в сторонке, задумался. Встал с выражением решимости на лице, приказал связать его по радио с командиром 26-й бригады. Слушая доклад, комкор все больше мрачнел.

— Что ты петляешь, Бурдов! — зашумел он, раздраженный чем-то. — Я догадываюсь... Я знаю, что у вас там происходит. Вот приеду сейчас, сам посмотрю и разберусь... Ивановский, остаетесь здесь, — приказал генерал мне. — Следите за обстановкой и держите связь. Скоро на НП прибудет начальник штаба.

— Есть, товарищ генерал.

А. И. Лизюков сел в танк, и машина на большой скорости пошла вперед.

Решил побывать на месте и комиссар корпуса полковой комиссар Л. И. Ассоров, тоже на танке КВ.

Смотрел я вслед двум удалявшимся мощным машинам и почему-то ощущал на душе необъяснимую тревогу.

Наши разведчики видели, как оба танка, двигавшиеся рассредоточенно, вошли в разрыв, теперь уже контролируемый противником.

С танком генерала периодически поддерживалась радиосвязь. Но вдруг она пропала. На долгие и настойчивые запросы наших радистов — ни слова.

Заволновались мы на НП. Наступил вечер. Начштаба доложил по телефону о случившемся лично генерал-полковнику К. К. Рокоссовскому. Я предложил немедленно организовать поиск и, получив «добро», быстро снарядил

на задание две группы пеших разведчиков. Они ушли в ночь.

Нашим бригадам, действовавшим под Землянском в окружении, было приказано с рассветом нанести удар с тыла по подразделениям противника, закрепившимся в создавшемся разрыве. Танки предприняли энергичный маневр, с ходу прорвали наспех сооруженную вражескую оборону уже в обратном направлении. Вместе с танковой бригадой вернулась одна разведгруппа, которая еще ночью вышла в ее расположение. Танка генерала и вообще каких-либо следов разведчики не обнаружили. Вторая разведгруппа не подавала о себе никаких известий в течение суток. Наконец вернулась. Разведчики принесли планшетку с картой и вещевую книжку А. И. Лизюкова. Доложили, что обшарили местность метр за метром — потому и были в поиске так долго, — ничего больше, что могло бы хоть как-то прояснить случившееся, не обнаружили. А танк видели: подбитый, обгоревший, но следов экипажа никаких. Планшетка и вещкнижка, кстати, были найдены далеко от того места, где стоял сожженный танк.

Выводы по этим сведениям делать было трудно.

Одна за другой вели поиск еще две группы наших разведчиков. Искали долго, настойчиво, но больше никаких следов не обнаружили. Разведчики возвращались в подавленном настроении, у нас оно было не лучше. В гибели генерала мы больше не сомневались.

Много лет спустя было документально подтверждено, что именно вблизи деревни Медвежье погиб Герой Советского Союза генерал-майор Александр Ильич Лизюков. Нашелся и свидетель, помогший расшифровать этот трагический случай войны. Когда КВ был поврежден, генерал А. И. Лизюков вместе с экипажем покинул танк и был убит осколком разорвавшегося вблизи снаряда. Одетого в комбинезон без погон, в солдатских сапогах, с обезображенным лицом, его не опознали и похоронили вместе с другими найденными на поле боя солдатами в братской могиле.

В Гомеле есть улица имени Братьев Лизюковых. В трудовой, патриотической семье, жившей в этом белорусском городе, были воспитаны три отважных воина. Генерал-майор Александр Ильич Лизюков стал Героем Советского Союза в начале войны. Этого высокого звания был удостоен и полковник Петр Ильич Лизюков, командир истребительной противотанковой бригады, тоже павший смертью храбрых. Отдал жизнь за Родину и третий брат — Евгений

Ильич Лизюков, командовавший отрядом Минского партизанского соединения. Люди свято чтят их имена.

В ходе июльских боев, затяжных, изнурительных и не всегда результативных, требовалось искать пути и способы разгрома противника, анализировать, принимать меры, чтобы улучшить организацию боевых действий.

Одним из выводов старших начальников был тот, что перед наступлением мы слабо подавляем огневые точки противника. В частях танкового корпуса тех времен и средств особых не было для такого надежного подавления, но на это скидки не делалось. Не принималось во внимание и то, что времени на подготовку к наступательным действиям нам отводили крайне мало. Очень слабой была поддержка боевых действий бригад нашей авиацией и их прикрытие от ударов авиации противника.

Я считал, как ни горько в этом было признаться, что огневые средства противника мы, во-первых, не полностью разведывали, а во-вторых, недостаточно их подавляли. Слушал нелицеприятные речи начальников по телефону и при личных встречах, думал, как улучшить дело. Обстоятельно поговорил на этот счет с командирами разведотдела майорами И. Печкаревым и С. Болдыревым, более четко определил их задачи, еще больше уделил внимания разведбату, начальникам разведки в бригадах, добивался нужной постановки разведки по всем направлениям. А суть ее не в отдельных, пусть даже блестяще проведенных поисках, не в подвигах разведчиков, а в надежной, всеобъемлющей системе работы по изучению противника, его сильных и слабых сторон. Профессиональные качества разведчиков требовалось привить всем командирам, штабам, политработникам, красноармейцам.

— Разведка и еще раз разведка!.. — повторял я слова, крепко засевшие в голове.

Мой товарищ начоперотдела корпуса подполковник Л. Пупко, подслушав у меня эту фразу, видимо, не впервые, спросил:

— Ты что все лозунги провозглашаешь?

— Это не лозунг, — ответил я. — Это формула.

Вскоре после гибели А. И. Лизюкова командование корпусом временно принял человек, которого никто из наших фронтовиков не знал. Стиль его работы с командира-

ми штаба показался тоже каким-то непривычным. В первой беседе со мной он несколько раз повторил, что надо будет на направлении предстоящих действий лучше и глубже разведать огневые средства противника. Каких-либо конкретных указаний не дал, советов не высказал.

Перед вечером выехали мы на рекогносцировку местности. Командир долго разглядывал передний край в свой большой трофейный бинокль и вдруг ставит мне такую задачу:

— Мы будем вести наблюдение вон оттуда... — Он кивнул на высокую скирду соломы. — А вы, Ивановский, возьмите «виллис» и поезжайте по полю. Противник откроет по вас огонь, мы и засечем кое-что.

«Ничего себе задание... — подумал я изумленно. — Что-то вроде движущейся мишени для немецких огневиков». Мрачновато бросил положенное «есть» и сел в приземистую, юркую машину.

Комкор с помощниками взобрался на скирду. Я повел «виллис» вдоль переднего края, прикрываясь кустами лишь кое-где, — ехал почти на виду у гитлеровцев. Те сейчас же заметили, открыли огонь из разных видов оружия, но почему-то не по мне, а по... скирде. Около нее ложились мины, ее секли пулеметные очереди. Как ориентировались немцы, не знаю. Может быть, обнаружили большое начальство на скирде по сверканию в лучах солнца нарядного бинокля. Вижу, скатываются все со скирды кубарем один за другим, машут и кричат мне:

— Давай скорее машину сюда, эвакуироваться надо!

— Лучше вы ко мне... — показываю им жестами. — Здесь хоть ничего не рвется.

Вскоре командиром 2-го танкового корпуса был назначен А. Г. Кравченко. Звание генерала ему было присвоено недавно. Генеральскую форму шить было негде и некогда. Снял он свои шпалы и на те же петлицы прикрепил звезды. В боевой обстановке, да еще не весьма благоприятной, как-то не замечалось такое несоответствие. Главное — с первых шагов и решений нового командира все увидели в нем человека разумного и боевого.

Можно понять и мои чувства, когда в новоназначенном командире корпуса я узнал бывшего преподавателя тактики Саратовского танкового училища, нашего уважаемого Андрея Григорьевича. Его имя в танковых войсках было широко известно. Он участвовал в боях гражданской войны, сражался на Халхин-Голе, на Карельском перешейке. Знаток военного дела, эрудит, добряк душой, с непреклон-

ным характером — таким запомнился он нам, курсантам, в училище. Здесь, на фронте, А. Г. Кравченко проявил себя грамотным и мужественным командиром соединения, строгим и заботливым начальником, главой воинского коллектива.

Положение на Брянском фронте, в частности на нашем направлении, несколько стабилизировалось. 2-му танковому корпусу было приказано сдать занимаемые позиции стрелковым дивизиям и выйти в резерв фронта. Пехота тут же начала обустраиваться, по-хозяйски зарываться в землю, понимая, что держаться здесь придется долго, может, и зимовать. Нас же, танкистов, видимо, собрались перебросить на другое направление. Куда — никто не знал. Ждали приказа. И вот просочилось по «солдатскому телеграфу»: Сталинград.

Бригады одна за другой грузились в эшелоны и направлялись на юго-восток, к волжскому городу, сражению за который предстояло сыграть величайшую роль в истории Отечественной войны.

ВТОРОЕ РОЖДЕНИЕ

До Сталинграда мы не доехали. По распоряжению кого-то из начальников наши эшелоны стали разгружать на станции Лог.

Первым, кто мне встретился на разгрузочной площадке, был командир бригады подполковник П. Пискарев, раздосадованный, как и я, тем, что вот такая неразбериха получается. Он следовал в пути с первым эшелоном, я со вторым. Оба теперь стояли на платформе, будто отставшие в пути от поезда пассажиры.

— Кто приказал разгружаться здесь, чем руководствовался — непонятно... — ворчливо говорил Пискарев.

— Надо, пожалуй, с кем-то связаться, выяснить обстановку, — предложил я.

— Вот именно! А то, может, кто-нибудь со злым умыслом решил подвести нас тут под бомбы...

Мы невольно прислушивались к грохоту бомбежки, характерному реву пикирующих самолетов. Фашистские бомбардировщики наносили удар где-то недалеко, возможно по соседнему разъезду. Гляди, и до нас очередь дойдет.

— Давай, Петр Васильевич, — обратился я к Пискареву, — поедем поищем вышестоящий штаб. Должен же быть тут штаб армии.

— А куда ехать, хоть знаешь?
— Найдем! Разведчик должен чутьем обладать.
Он помолчал, колеблясь.
— Не поеду! — возразил решительно. — Ты, Евгений Филиппович, к корпусному начальству относишься, тебе и ехать. А я бригаду бросить не могу.

Ладно, коли так. Я — на «виллис» и вперед. О местонахождении штаба армии я конечно же не знал, но не сомневался, что найду. Из общей обстановки на фронте мне было известно, что 1-я танковая армия под командованием генерал-майора К. С. Москаленко, недавно сформированная, ведет тяжелые оборонительные бои в Донской излучине. У них там сейчас забот хватает, а тут еще я явлюсь с вопросом... Был момент, когда хотел даже вернуться. Но преодолел сомнения, продолжал искать штаб. Пришлось поколесить, пока нашел, ориентируясь по пыльным дорогам.

Начальник штаба 1-й танковой армии, выслушав мой вопрос относительно досрочной разгрузки на станции Лог, бросил коротко:
— Распоряжение Ставки...

Ответ показался мне недостаточно конкретным и, значит, не совсем убедительным. Танковый корпус — не пешка, его нельзя переставлять куда вздумается. Я спросил:
— А как бы связаться с кем-либо из штаба фронта для уточнения задачи и района сосредоточения?
— Подождите. Сейчас мне некогда, — нахмурился он.— Разберусь со своими делами, тогда и попробуем связаться.
— Благодарю. Буду ждать.

Вышел во двор. Прекрасный августовский день стоял: теплынь, бездонное синее небо над головой. На бахчах, подступающих прямо к порогу, лежат большие арбузы, дыни, а там дальше — поле головастых подсолнухов. Места еще не тронуты войной, хотя и невдалеке они от фронта. О, какими станут они в считанные минуты, когда полыхнет здесь огонь войны, как обернется судьба простых, добрых людей, пока что занятых во дворах обычной крестьянской работой... «А может, и не дойдет сюда война? — подумалось. И будто кто-то со стороны закончил мысль: — От нас зависит, от фронтовиков».

Начальник штаба вышел на крыльцо.
— Все уточнено, — сказал он и назвал инстанцию, с которой уже связался. — Будете сосредоточиваться здесь, недалеко от станции Лог.

Повел меня в хату, показал на карте места сосредоточения частей корпуса.

С тем я и отбыл. Приказ есть приказ. Но не давали покоя опасения, что тут что-то недодумано, недоработано. Создается новый фронт, и, похоже, каждый влиятельный штаб тянет такую силу, как танковый корпус, к себе. Возможно...

Сколько сейчас их, частей и соединений, в этих бескрайних степях, где грохочет война... Одни ведут тяжелые бои, другие на марше, третьи только прибыли в пункты назначения, и им пока не определены боевые задачи. Обстановка на фронтах обостряется глубокими прорывами танковых и моторизованных группировок противника то на одном, то на другом направлении.

Вернулся я на станцию Лог, где к тому времени закончилась разгрузка двух эшелонов и куда подходил третий. С ним прибыл командир корпуса генерал-майор А. Г. Кравченко. Я доложил ему, как обстоят дела, и он тоже засомневался. Танковый корпус ведь направлялся в Сталинград, там нас ждут, таково было решение Ставки, и вдруг задержка.

— Что-то не то... — проговорил, раздумывая, генерал и решил: — Вези-ка меня в штаб армии...

По знакомому уже мне маршруту поехали мы с ним в штаб 1-й танковой.

Долго пришлось мне ждать, пока комкор выяснял все у высокого начальства по телефонам. За это время я успел более подробно познакомиться с обстановкой. Штабные командиры рассказали, что, несмотря на неполную готовность к боевым действиям, вновь сформированной 1-й танковой армии пришлось наносить контрудар по противнику, пытавшемуся захватить переправы у Калача. Обстановка требовала наращивания усилий. Наконец комкор вышел от связистов, и уже с другим настроением.

— Решение такое, — сказал он. — Эшелонам, которые еще в пути, продолжать следовать в Сталинград, а тем, которые успели выгрузиться, — или двигаться своим ходом, или вновь погрузиться и туда же, в Сталинград.

— Если будет на что погрузиться... Железнодорожники могли эшелоны уже угнать, — заметил я.

— Посмотрим по обстановке. Поехали!

Фашистские армады, не считаясь с потерями, рвались к Волге. Становился все более очевидным замысел гитлеров-

ского командования — мощным ударом захватить Кавказ с его хлебом и нефтью, расчленить надвое советские войска и тем самым ослабить, подорвать всю нашу оборону. Имелись разведданные о сосредоточении на сталинградском направлении множества пехотных, танковых соединений противника, крупных сил артиллерии и авиации. При взгляде на карту возникали тревожные мысли о намерении врага прорваться с юга к жизненным центрам Советской страны.

Наш корпус был раздроблен поспешной разгрузкой на станции Лог. Маршрут движения усложнился, затянулся по времени. Позже один из эшелонов со 148-й танковой бригадой был перехвачен прорвавшимися танками противника на разъезде Конном, и танкистам пришлось прямо с платформ вступать в бой. Остальные эшелоны этой бригады остались отрезанными от корпуса.

А мы частью сил шли своим ходом на Сталинград.

Меня, как всегда, в составе оперативной группы послали вперед. Едем на машине с начальником оперативного отдела и еще одним командиром из штаба, разговариваем мало, ухитряемся даже поспать по очереди — усталость давала о себе знать.

Въехали в Сталинград со стороны Тракторного завода. Увидели прекрасный южный город, еще не тронутый войной — будто не на «виллисе» сюда приехали, а на какой-то фантастической машине попали в другое время. Город утопает в зелени, особенно много акаций. Люди, занятые своими делами, идут по тротуарам, едут в трамваях. Слышится размеренное дыхание знаменитого СТЗ. Завод-гигант по-прежнему трудится, теперь не тракторы, а танки сходят с его конвейеров, и темпы производства по-военному превысили всякие нормы. Достаточно было нескольких встреч, мимолетных бесед со сталинградцами, чтобы понять: люди всеми силами сохраняют трудовой ритм и порядок.

Нависшая над Сталинградом угроза еще не воспринималась в страшной своей реальности. Основная масса жителей оставалась в городе.

Шофер притормозил у киоска «Пиво—воды», угадывая наше желание утолить жажду после многочасовой поездки по выжженной суховеями степи. Неужели и эта «точка» продолжает работать, как в добрые мирные времена?

С пожилой киоскершей состоялся такой разговор:

— Что есть попить?

— Пиво, воды.

— У вас в самом деле есть пиво?

— Причем свежее, час назад привезли.

— И можно по кружечке?

— Пожалуйста. А почему бы нет?

...В Сталинграде мы связались с должностными лицами штаба фронта, получили указания по сосредоточению и обеспечению наших бригад, организовали встречу частей корпуса, подходивших и железнодорожными эшелонами, и маршевыми колоннами. Районы сосредоточения непрерывно менялись. Нас направляли то в Бекетовку, то в центр города, то в район станции Воропаново. Сетовали танкисты, «рвали» телефоны командиры, но можно было понять и тех, кто вынужденно менял решение — при такой резко менявшейся обстановке, как тогда в Сталинграде, могли возникнуть разные «нестыковки». Наконец получили распоряжение: двигаться на северо-западную окраину города, где корпусу и будет поставлена боевая задача.

Во второй половине дня 23 августа над Сталинградом появились бесчисленные группы фашистских бомбардировщиков. «Юнкерсы», «хейнкели», «дорнье» прорвались к городу с разных направлений, на средних, больших и малых высотах, бомбили с горизонтального полета и с пикирования, сбрасывая тысячи фугасных и зажигательных бомб. На смену одним прилетали другие, и так, волнами, заполняли они небо Сталинграда, почти беспрерывно, днем и ночью, трое суток.

Гитлеровское командование совершило очередное военное преступление: силами своего 4-го воздушного флота нанесло массированные удары по мирному, трудовому городу с многочисленным населением. Фашистские стервятники особо не утруждали себя поиском военных объектов, бомбили подряд жилые дома, архитектурные ансамбли, музеи, парки, пароходы-госпитали с начертанными на них большими, хорошо видимыми с высоты красными крестами. Немецкие пикировщики гонялись даже за машинами, рыбачьими лодками, за людьми.

Город, с которым мы так радушно накануне познакомились, на наших глазах горел и превращался в развалины. Горели заводы и фабрики, рушились почти враз жилые кварталы, накрывая тяжелой массой обломков сотни, тысячи людей. Несмотря на это, население находило в себе мужество и силы вести с пожарами самоотверженную борьбу. Особенно сильные пожары полыхали в районе нефтехранилищ — их пламя и клубы дыма были видны за десятки километров от города. Вырывавшиеся из огромных емкостей реки нефти, керосина, бензина устремлялись к Волге. Это были огненные потоки, продолжавшие гореть и на поверхности воды.

Всюду множество погибших, раненых, обожженных. Неприкаянно метались дети, потерявшие родителей.

В расчете сровнять Сталинград с землей, вызвать всеобщую панику гитлеровские изверги ошиблись. Защитники города не были сломлены. Свыше 500 орудий зенитной артиллерии вели огонь по вражеским самолетам. Советские истребители, будучи в явном меньшинстве, героически вступали в воздушные бои с крупными группами фашистских стервятников. За один только день 23 августа в небе Сталинграда было уничтожено 90 самолетов противника.

Одновременно гитлеровское командование двинуло на Сталинград полчища сухопутных войск. К вечеру 23 августа части ударной группировки 6-й немецкой армии вышли к Волге в районе Ерзовки севернее Сталинграда. Гитлеровцам удалось вбить клин в нашу оборону. Сталинградский фронт был рассечен надвое. В узкую полосу прорыва (6—8 километров) противник поспешно ввел кроме наступавших в авангарде 16-й танковой и 60-й моторизованной дивизий еще несколько соединений. Сотни самолетов поддерживали этот прорыв с воздуха.

Создалась непосредственная угроза захвата города немецко-фашистскими войсками.

В этой тяжелейшей обстановке защитники Сталинграда сражались героически и самоотверженно. Первый удар прорвавшихся фашистских танков приняли на себя артиллеристы-зенитчики 1077-го зенитно-артиллерийского полка, на окраины города выдвигались части 10-й стрелковой дивизии войск НКВД, навстречу врагу выступили курсанты Сталинградского военно-политического училища и батальон рабочих-ополченцев Тракторного завода. Две танковые и мотострелковая бригады нашего корпуса к 23 августа были сосредоточены в районе южного пригорода Сталинграда — Бекетовки. В соответствии с полученным боевым приказом штаба фронта они должны были выдвинуться в район станция Гумрак, Городище и с утра 24 августа во взаимодействии с частями 23-го танкового корпуса под общим командованием начальника бронетанковых и механизированных войск Сталинградского фронта генерал-лейтенанта А. Д. Штевнева нанести удар в направлении Городище, Ерзовка, чтобы отрезать и окружить вражеские войска, прорвавшиеся к Волге севернее Сталинграда.

...Получив задачу, штаб корпуса принял все меры, чтобы вывести части в исходные районы, обеспечить командиров картами и довести до них боевые распоряжения. Этой большой, предельно сжатой по времени работой занимались со-

трудники оперативного отдела под руководством подполковника Л. Пунко. Мне с группой командиров разведотделения предстояло уточнить положение противника, его силы, средства, разведать направления наступления на местности, изрезанной буераками и балками. Важно было также согласовать действия с бригадами 23-го танкового корпуса и частями 10-й дивизии НКВД, которые вместе с рабочими отрядами ополченцев заводов «Баррикады», Тракторного и «Красный Октябрь» поспешно занимали оборону по рубежу реки Мечетка.

Прямо скажу: толком, где кто находился, мы не знали.

Я поставил задачу командиру разведбата майору М. Жолобу направить дозоры в полосу предстоящих действий. И вскоре начали поступать донесения. Выяснилось и такое: впереди, примерно в двух километрах от исходного района наших частей, в полосе предстоящего наступления находится на огневых позициях зенитная батарея Сталинградского корпуса ПВО.

— Товарищ полковник,— обратился я к начальнику штаба корпуса.— Надо бы выдвинуть наши подразделения, както прикрыть ту батарею, а то стоит, как голая, среди поля...

— Надо,— кивнул полковник С. П. Мальцев.— Тем более что в расчетах там одни девчата.

Одна из наших разведгрупп наткнулась на посты боевого охранения противника и была обстреляна гитлеровскими автоматчиками. Разведчикам удалось найти разрывы в боевых порядках противника, и они все же проникли в глубину и обнаружили сосредоточение 23 вражеских танков.

Донесения от разведчиков продолжали поступать. Мы просидели над ними всю ночь, анализируя их, обобщая, делая выводы, и к утру уже могли доложить командованию первые обоснованные данные о противнике.

Своей артиллерии наш корпус не имел, не было ее и в составе танковых бригад. Единственный артдивизион, да и тот неполного состава,— в мотострелковой бригаде. Командовал им уже известный читателю капитан Коськин. Никаких вопросов взаимодействия не могли мы согласовать и с авиацией. Нам было дано лишь одно разъяснение: «Прикрытие частей корпуса от ударов противника с воздуха будет осуществляться зенитной артиллерией и истребительной авиацией по плану фронта».

Тыловые службы бригад со своими скромными возможностями до рассвета едва успели провести заправку танков и накормить личный состав горячей пищей. Танковые подразделения выдвигались в исходные районы.

А генерал-лейтенант А. Д. Штевнев то и дело торопил нас с докладами о готовности к нанесению контрудара.

— Когда наконец будете готовы?! — запрашивал он командира корпуса, и в тоне его звучала строгая нетерпеливость.

В архивных документах сохранился отчет штаба корпуса о боевых действиях 24 августа 1942 года. В нем, в частности, зафиксированы такие события.

После полуночи 24 августа корпус получил приказ командующего танковой группой фронта генерал-лейтенанта танковых войск А. Д. Штевнева нанести на рассвете удар в общем направлении на Городище, Ерзовка и уничтожить прорвавшиеся части противника. Генерал А. Г. Кравченко решил силами 26-й танковой бригады и взаимодействующей с ней 2-й мотострелковой бригады наступать в направлении северной окраины Городища и далее через высоты на восточную окраину Ерзовки. 27-я танковая бригада получила задачу наступать в направлении высот 146,2 (7 километров северо-западнее Городища) и 143,6, западных скатов высоты 147,6. Начало атаки намечалось в 5.00. Приказ командиры бригад получили между 4.00 и 4.30.

Времени, таким образом, для организации наступления оставалось совсем мало. 2-я мотострелковая бригада выступила из района Таловой в 5.35. 26-я и 27-я танковые бригады вышли к 7.00 в исходное положение и с ходу начали атаку. В 9.30 пошла в атаку 2-я мотострелковая. К этому времени 26-я бригада овладела населенным пунктом Орловка и вышла на юго-западные скаты высоты 135,4, а танкисты 27-й отбили у врага высоту 143,6 и продолжали развивать успех в направлении высоты 145,1.

В 13.00 26-я бригада оседлала гребень высоты 135,4, где была встречена сильным артогнем противника из района молочнотоварной фермы и контратакована мотопехотой и танками. В течение четырех часов там произошло три танковых боя.

27-я бригада преодолела сильное огневое сопротивление противника, особенно его противотанковой обороны, и продолжала медленно продвигаться в направлении высоты 147,6.

Мотострелки вели бои в километре южнее высоты 144,2.

Авиация противника в течение дня бомбила боевые порядки частей корпуса и этим задерживала продвижение, особенно мотострелковых батальонов.

В 17.30 по указанию командующего танковой группой 26-й танковой бригаде была поставлена новая задача — танковыми батальонами ударить в направлении высоты 101,3 и

занять Рынок, ее мотострелковым батальонам закрепиться на высоте 135,4. 27-я бригада должна была овладеть высотой 147,6 и закрепиться на ней. Мотострелковая бригада получила приказ взять высоту 144,2 и прочно ее удерживать.

К исходу дня танкисты и мотострелки 2-й и 27-й бригад выполнили свои задачи, а 26-я танковая к 23.00 заняла Рынок и продолжала тяжелые бои в ночное время в районе сада и юго-восточнее высоты 101,3.

Как нам стало известно, с севера, из района станции Котлубань, и восточнее наши войска тоже начали наступление. Они шли нам навстречу, чтобы, соединившись, совместными силами окружить прорвавшиеся к Волге части противника и уничтожить их. Боевые действия велись с большим упорством. Все наши войска несколько продвинулись вперед, но решительного успеха не достигли.

В августовских боях нам особенно досаждала фашистская авиация. От частых массированных налетов врага танковые подразделения несли серьезные потери.

Все складывалось не так, как хотелось бы. В работе штаба, сложной и напряженной, из-за этого порой ощущалась нервозность.

— Где твои разведчики, Ивановский?! — зашумел вдруг комкор.— Почему запаздывают с донесениями? Может, отсиживаются в укромных местах?

Я промолчал, понимая, что этот срыв у выдержанного и тактичного Андрея Григорьевича случаен, что вызван он теми же крайними осложнениями обстановки.

Разведчики наши действовали, непрерывно добывая данные о противнике.

Семикилометровая полоса, по которой фашистские войска выдвинулись к Волге, в первое время не была такой уж накрепко занятой противником. Днем коридор простреливался вдоль и поперек, ночью освещался парашютирующими ракетами, но все-таки разведгруппы нашего Сталинградского фронта по балкам, по перелескам проникали «па ту сторону», а разведчики Донского фронта — навстречу, к нам. В тылу вражеских соединений, действовавших в полосе прорыва, можно было не только вести разведку, но и решать другие боевые задачи.

Лейтенант В. Морозов во главе небольшой разведгруппы находился в полосе, занятой противником, в течение всей ночи. Он воспользовался методом, доступным тем, кто в какой-то мере понимал разговорный немецкий язык,— подключился к телефонному проводу для подслушивания. Затем вырезал кабель большой длины, ожидая, что к поврежден-

пому месту прибудут вражеские связисты и что можно будет взять «языка». Но немцы так и не пришли, почему-то не решились. Лейтенант В. Морозов вернулся к своим с большим мотком немецкого кабеля. Из переговоров, которые ему удалось подслушать, можно было сделать вывод, что гитлеровцы стремятся насытить полосу прорыва как можно плотнее, а следовательно, и расширить ее, непрерывно подводят новые части.

Пытаясь на разных участках вклиниться в нашу оборону, гитлеровцы намечали квадрат и долго бомбили его «с трех этажей» — с больших, средних и малых высот. И когда можно было предположить, что на участке не осталось ничего живого, туда врывались с целью закрепиться немецкие танки и автоматчики. Наши воины зарывали танки в окопы, старались выжить под уничтожающей бомбежкой. С началом атаки противника комбриг направлял туда свое резервное подразделение. Наскоро занимая оборону, оно помогало отразить атаку вражеских танков и пехоты. Подобные бои были ежедневно и по нескольку раз. Но танков у нас, к сожалению, становилось все меньше.

Вот эпизод, который произошел, по данным архива, 6 сентября 1942 года.

Соседняя правофланговая 399-я стрелковая дивизия в 9.00 оставила под натиском противника занимаемый рубеж, чем оголила правый фланг и тыл боевого порядка 2-го танкового корпуса. 112-я стрелковая дивизия, оборонявшая восточную окраину Гумрака, понеся большие потери, тоже отошла. Для ликвидации угрозы правому флангу корпуса и чтобы избежать окружения комкор приказал 12-му отдельному разведбату удерживать противника на участке дорог, идущих от Гумрака на Каменный Буерак, а оставшимися на ходу пятью легкими танками 27-й бригады, своим резервом (три танка Т-34) и семью уцелевшими танками 99-й бригады контратаковать противника на рубеже высот 155,1 и 146,2. Задача этими крайне ограниченными силами была успешно выполнена, и враг перед высотами был задержан.

В те дни и ночи наши танкисты прошли через огонь боев, которые потом даже трудно было представить. Дрались на земле, где, по последующим подсчетам, врезалось по пуду осколков и пуль в каждый квадратный метр почвы. Ежечасно совершались подвиги, были большие потери в личном составе и боевой технике. Казалось, испытали люди все, что можно выдержать, но они выполняли приказ Наркома обороны № 227 с жестким, суровым призывом «Ни шагу назад!». Понимание и ощущение происходящего обострилось у за-

щитников Сталинграда еще больше. До каждого, до бывалого воина и молодого новобранца, дошло священное веление: «Родина или смерть!»

Ни шагу назад! Наши воины выполнили этот приказ, отражая в день по десятку яростных атак противника — сражаясь до последнего дыхания, но не оставляя занимаемого рубежа, окопа. За всю войну, ни до этого, ни после, я не видел и не знал таких массированных и непрерывных ударов авиации противника, такого напряжения боя на земле.

Гром стрельбы, вой мин, снарядов и бомб, свист пуль и рев двигателей сделались настолько обычными под Сталинградом и в самом городе, что казалось — иначе и быть не может. Этот адский гром постоянно давил на уши и пригибал тебя к земле. Но ночью, однако, все стихало. Передохнуть требовалось и нам и противнику, подготовиться под покровом темноты к новым, еще более жестоким баталиям. Ночью на нашей и на вражеской стороне кормили личный состав, подвозили боеприпасы, оказывали помощь раненым, по возможности эвакуировали поврежденную технику. Гитлеровцы были совсем рядом, ведь ничейная полоса ничтожно узка. Слышались стоны раненых там и тут. Позвякивали лопаты похоронных команд у них и у нас.

И в обороне танкисты действовали активно. Удерживая занятые позиции, наши подразделения и отдельные экипажи наносили врагу внезапные удары, порой глубоко и дерзко вклинивались в его боевые порядки.

Младший лейтенант Александр Соколов в пылу боя прорвался на своем танке в тыл противника. Оказавшись в окружении врагов, коммунист Соколов меньше всего думал о том, как выйти к своим и спастись. Он быстро сориентировался, в нескольких словах объяснил обстановку экипажу и указал механику-водителю направление на фашистскую батарею. На большой скорости танк выскочил прямо на вражескую огневую позицию. Огнем и гусеницами стальной машины батарея была уничтожена.

В боевом успехе другого экипажа особенно проявилось мастерство механика-водителя старшего сержанта Н. Куприянова. Он управлял машиной виртуозно. Его тяжелый танк на пересеченной местности будто перелетал рвы и воронки, выполнял резкие повороты, легко брал крутые склоны. Куприянов с полуслова понимал командира, старшего лейтенанта В. Любовца, обеспечивал наивыгоднейшие условия стрельбы наводчику и заряжающему. В танк попал вражеский снаряд, но броня выдержала. Экипаж продолжал действовать активно и отважно. В один день он подбил и

поджег несколько вражеских танков, бронетранспортер и машину с боеприпасами. Командир роты старший лейтенант В. Любовец и его механик-водитель, парторг роты старший сержант Куприянов подали достойный пример другим танкистам.

В сложной, порой крайне невыгодной для нас обстановке показали настоящую боевую зрелость многие молодые командиры-танкисты. Беззаветная храбрость и гибкое тактическое мышление обеспечивали им успех в бою с превосходящими силами противника. Отлично решали задачи, инициативно действовали подразделения под командованием старшего лейтенанта В. Ковалевского и лейтенанта Н. Осипова. Их имена не раз упоминались в боевых донесениях и сводках.

После очередного перемещения НП корпуса обосновался на пологой высоте среди бахчей. Неубранные арбузы в обхват величиной только и спасали людей от изнурительной жажды. В то жаркое лето два месяца не было в Поволжье ни одного дождя. Родники замерли, ручьи пересохли, в степи стоял зной.

Едва была отбита одна вражеская атака, как началась новая. Было видно, как фашистские танки выползают на косогор. Под непрерывным огнем вражеской артиллерии и бомбежкой с воздуха нашим артиллеристам трудно было противостоять столь массированной атаке, хотя они и ведут огонь активно. Уже можно рассмотреть в бинокль, что за танками движется фашистская пехота. В 400—500 метрах перед НП корпуса обороняются наши танковая рота в составе четырех боевых машин и 40 автоматчиков. Рубеж для их сил очень уж широк, но они сражаются отважно.

Командиры штаба, сами танкисты в душе и по профессии, вражеской танковой атаки как-то меньше опасались. А вот встреча с фашистскими автоматчиками... Хуже всего, если раненного, оглушенного в плен возьмут. Такое ведь возможно...

Командиру корпуса доложили:

— Товарищ генерал, танки противника с пехотой на удалении всего двести метров.

А. Г. Кравченко хмуро кивнул: вижу, мол.

— Товарищ генерал, КП необходимо оттянуть...

— Нет! — сказал комкор решительно.— Отсюда никуда больше не уйдем.

И всем нам стало ясно и будто даже легче: не ступим ни

шагу назад и, если не одолеем врага, погибнем все на этом рубеже.

По бахче маневрировали, вели огонь наши танки, здесь же рвались вражеские снаряды. Вспоротые осколками, кроваво сочились арбузы. В боевых порядках танков продолжал свою работу КП корпуса.

Фашистские танки не прошли.

Когда малость поутихло на земле, стало слышно надрывное завывание моторов в небе. Над нами, чуть в стороне, шел воздушный бой. Выписывали виражи и косые петли наши «яки» и «мессершмитты» (этих легко распознать по обрубленным крыльям), крестили небо огненные трассы.

Задымил один «мессершмитт», круто пошел к земле. Летчик, выпрыгнув, спускался на парашюте. В бинокль видно, как уминается, «дышит» купол парашюта — летчик, подтягивая стропы, пытался скользить, чтобы попасть к своим. Но ветром сносит его к нам. Приземлился парашютист на нейтральной полосе, причем ближе к нашим позициям.

Я вызвал бронетранспортер, взял с собой двух разведчиков, и помчались мы, прямо-таки по-заячьи прыгая на пахоте. Фашистский пилот еще не успел от парашюта освободиться, оглядеться по сторонам, как мы его схватили, связали стропами его же парашюта и — назад. Скачем по полю, а «мессеры» пикируют на нас один за другим. Наверное, видели летчики, что мы их собрата захватили. Занятые боем, они не могут все разом на нас наброситься. Но вот спикировала сразу пара. Водитель «броника» по моей команде резко затормозил, мы бросились под машину и немца с собой затащили — куда ж деться в степи. Трассы всковырнули землю где-то впереди, потом еще раз поближе.

Броневичок наш небольшой, всем нам и места под ним не хватало. У меня только голова и плечи были укрыты под днищем машины. Еще несколько заходов, и стервятники оставили нас в покое.

— В машину! — скомандовал я.— Вперед!

Водитель погнал бронетранспортер еще быстрее. Пленный вдруг вздумал показать свой арийский характер — натянул шеей парашютную стропу, пытаясь удавиться. Пришлось одному из разведчиков успокоить его тумаком.

— Погоди душиться, гад! — прикрикнул он. — Сначала доставим тебя, куда следует, в живом виде.

...Зной стоял нестерпимый. Мучила жажда. Может быть, повторяюсь, говоря об этом, но до сих пор помнится, как

страдали люди без воды. Накаленные дневным солнцем арбузы не утоляли жажды, только ранним утром, охлажденные за ночь, еще как-то облегчали состояние. Песок, пыль, вьющийся над полем жгучий ветер. Подолгу люди не только не были в бане (об этом и мечтать нечего было), но даже не умывались. Невероятно тяжело приходилось раненым и тем, кто по долгу службы ухаживал за ними. Ни перевязать раны, ни промыть. А когда боец, мучимый ранами, просил запекшимися губами: «Пить... Пить...» — теряли выдержку даже санитары, повидавшие столько человеческих страданий.

Крайне затруднена была эвакуация раненых через Волгу днем. На элеваторе у гитлеровцев был всевидящий НП, по его целеуказаниям вражеские минометчики сразу же накрывали лодку или плот. Уничтожить этот НП не удавалось — стены из толстого железобетона, снарядом не взять. Каждый квадратный метр речной поверхности у них с немецкой пунктуальностью пристрелян.

Но какая бы ни была опасность, а если надо так надо. Наши танкисты находили способы и воды добыть, и тяжелораненых эвакуировать.

С какого-то времени на меня, начальника разведки, другие командиры штаба стали смотреть, как на черта, приносящего дурные вести.

— Товарищ генерал!..— докладываю командиру корпуса.— Немцы повели атаку южнее балки Сухой. Могут прорваться.

Генерал Кравченко, начштаба полковник Мальцев, начопер подполковник Пупко, тесня плечами друг друга, сгрудились над картой.

— Как они там оказались, твои немцы?! — уставился на меня исподлобья Пупко.

— Да не мои они...— сказал я с досадой.

— Точно установлено? — спросил Мальцев.

— Уж куда точнее, товарищ полковник: идут в атаку — пехота с танками.

Кто-то ругнулся в сторону: «А будь ты неладен с твоими разведданными!» И тут же стали приниматься меры. С КП передавались распоряжения в части, занимавшие оборону у балки Сухая.

Такую вот внезапную атаку противника, как говорится, не дай бог было прозевать. Гитлеровцы подолгу и настойчиво искали в нашей обороне слабые места, подтягивали туда силы и стремились прорваться. А прорыв даже на небольшую глубину мог обернуться в условиях сталинградского

противостояния настоящей бедой — в малейшую трещину немцы постараются вбить железный клин.

И разведчики делали свое дело, понимая, какая большая ответственность возлагалась на них. Высокой боевой активностью отличались воины нашего корпусного разведбата под командованием майора М. Жолоба.

В тогдашней обстановке нечего было рассчитывать на глубинную разведку — войска противника стояли перед нами и жали на нас сплошной массой. Обычно к вечеру мы получали из вышестоящего штаба данные о силах в ближайшей к переднему краю полосе. Сами же какие имели возможности... Выставляли посты наблюдения и подслушивания, ночью организовывали поиск и захват пленных, изучали документы убитых солдат и офицеров противника. Коечто удавалось установить по лязгу вражеских танков. Сопоставляя все эти данные, анализируя факты, к утру мы могли уже доложить комкору о вероятном направлении очередной атаки противника. И ошибались редко. Никакого права на ошибку не имели.

А с рассветом начиналось обычное для тех жарких в прямом и переносном смысле сталинградских дней. Инициатива пока что находилась у врага, и он начинал боевые действия по своему плану.

Перед атакой гитлеровцы наносили мощные бомбовые удары с воздуха. Их пехотные части поддерживались танками и сильным артиллерийским и минометным огнем. Ко всему этому мы были готовы. Таранный удар противника ослабевал, натолкнувшись на нашу стойкую оборону. Завязывался бой, который длился часа три-четыре. Если немцам удавалось захватить новый рубеж, то мы прилагали все усилия, чтобы отбить его. Потери были с обеих сторон большие.

Знали мы, что во второй половине дня последует такая же, а то и посильнее, атака противника на этом же самом направлении.

К вечеру затихнет.

Кому повезло остаться сегодня в живых, тот может рассчитывать еще и на завтрашний день, а там — видно будет.

Когда называют сталинградские бои тяжелыми, ожесточенными, кровопролитными, то это, наверное, еще не все. Дело и в том, что большие контингенты войск сошлись в единоборстве в районе города и в самом городе, и условия боевых действий складывались порой весьма своеобразно. Бои

с применением танков и авиации развертывались на малых площадях.

Сократились расстояния, и будто замедлилось время. Позиции частей и штабы рядом. Горючего хватало, потому что маневр танков ограничен, боеприпасов же требовалось больше обычного, а подвоз их был чрезвычайно труден: все коммуникации под огнем противника.

В период самых активных боев в конце августа вражескими бомбами и снарядами была уничтожена и повреждена значительная часть техники нашего разведбата. Осталось всего пять броневичков с пулевой бронезащитой. Решено было и их определить в резерв штаба корпуса.

С командиром разведбата майором М. Жолобом состоялся по этому поводу нелегкий разговор.

— Это грабеж средь бела дня! — сетовал Михаил.— Мало того, что немцы бьют, так и свои начальники обижают.

— Успокойся...— говорю ему дружески. — Разведчики твои все равно разучились ездить на броневичках, все пешком действуют.

— Пешком черта с два пройдешь! Под таким огнем, как тут, только ползком надо.

— И то верно.

Когда в переднем крае противника не то что разрыва, а даже щели нет, как это было в Сталинграде, разведку вести особенно трудно.

Героически отстаивая каждую пядь родной земли (буквально каждую пядь), советские воины не только точно выполняли боевые приказы, но всюду, где позволяла обстановка, проявляли инициативу и самоотверженность.

В один из дней фашистского наступления в начале сентября противник силами двух батальонов мотопехоты попытался ворваться на железнодорожный разъезд, вблизи которого находился штаб корпуса. Гитлеровцам удалось прорвать оборону на одном из участков. Вражеские автоматчики по глубокому оврагу потоком устремились вперед. В двухстах метрах от нашего КП они вынырнули как из-под земли и застрочили из автоматов. Начальник штаба корпуса полковник Мальцев быстро рассредоточил боевые группы, созданные им заблаговременно на случай вот такой необходимости обороняться. В эти группы были включены все командиры управления корпуса, личный состав комендантского и саперного подразделений. Подход к штабу с правого фланга обороняла группа, возглавляемая младшим политруком П. Капустиным, помощником начальника политотдела по комсомолу. В центре действовали боевые группы под

командованием лейтенанта В. Чернова из особого отдела корпуса и инструктора политотдела политрука С. Савельева.

Первых вражеских автоматчиков, бросившихся в атаку с близкого расстояния, удалось почти всех уничтожить. Я выдвинул на этот участок два бронетранспортера, которые находились на НП корпуса как мой резерв средств разведки. Таким образом, овраг, по которому проникали в наше расположение гитлеровцы, мы заблокировали. Но немцы продолжали атаки. Бой затянулся, в него втягивались все новые силы, по обороняющимся вели огонь минометы.

Несколько часов держали оборону, отбрасывая наседавшего противника, наши боевые группы. Полковник Мальцев взял на себя командование подразделениями, составленными из штабных командиров и личного состава саперного и комендантского взводов, и показал, что умеет воевать не только на картах.

Боевая группа под командованием лейтенанта В. Чернова оказалась в особенно трудном положении. На ее участке гитлеровцы вновь предприняли атаку. Горстка храбрецов сражалась с исключительным мужеством. Немецких автоматчиков подпускали на предельно короткие дистанции и потом расстреливали почти в упор и забрасывали гранатами.

Все вражеские атаки были отбиты.

В тяжелой, быстро и резко менявшейся обстановке Сталинградского сражения приходилось подчас маневрировать не частями и соединениями, а порядком их подчиненности. Снять полк с рубежа, перевести на другой участок рискованно — в ослабленном месте могли тотчас же прорваться гитлеровцы, а переподчинить часть в оперативных целях — легче и проще. Подобным образом в начале сентября наша 2-я мотострелковая бригада была переподчинена 23-му танковому корпусу, а в составе нашего корпуса появилась 99-я танковая бригада. Она была сформирована из 21-го и 28-го учебных танковых батальонов, которые, кстати, с 23 августа первыми вступили в бой с противником севернее Сталинграда.

После разговора по телефону с командармом генерал А. Г. Кравченко сказал нам:

— 99-я танковая бригада занимает оборону на северо-восточной окраине города... Теперь она наша.— Он показал место на карте, и мы сделали пометки на своих планшетах.—Мы ее, правда, не видели и не знаем. Так мало того... Во время сегодняшней сильной бомбардировки потеряно несколько танков, погиб командир бригады.— Андрей Григорьевич помолчал угрюмо, потом объявил такое реше-

ние: — Надо, чтобы часть не оставалась обезглавленной, чтобы личный состав не почувствовал такого. Временно примет бригаду майор Ивановский.

Через три дня на 99-ю танковую бригаду был назначен штатный командир подполковник М. И. Городецкий, и я возвратился к исполнению своих служебных обязанностей.

Назначенный 4 июля комиссаром корпуса Иван Григорьевич Деревянкин быстро стал «своим», будто все время с нами был. В самых критических ситуациях не терял спокойствия, не расставался со своей жизнерадостной, заразительной улыбкой, когда говорил с людьми. В горячие минуты боя был вездесущим. Попался ему где-то томик Пушкина. Ночью при коптилке из снарядной гильзы читал нам, декламировал стихи наизусть и все повторял восхищенно: «Вот писал! Другого такого поэта не знаю».

В тяжелейших условиях беспрерывных боев в Сталинграде, когда люди, пополнявшие обескровленные подразделения, тут же и выбывали ранеными или убитыми, не успев даже имена друг друга запомнить, полковой комиссар И. Г. Деревянкин умело организовывал партийно-политическую работу. И в том, что, несмотря на опасность обстановки, на большие потери, в частях и подразделениях корпуса поддерживался боевой дух, была его немалая заслуга. Иван Григорьевич работал в хорошем контакте с командиром корпуса генералом А. Г. Кравченко. Они давно знали друг друга. Комкор по натуре и стилю работы и сам несколько походил на комиссара. После войны Иван Григорьевич был на ответственной политической работе, стал генералом.

Штаб армии потребовал подробного доклада обстановки, состояния частей и положения на нашем участке. Решено было послать меня. И пока готовилась рабочая карта и данные о боевом и численном составе, я пытался сосредоточиться на важнейших событиях последнего времени.

По распоряжению штаба фронта 26-ю танковую бригаду перебросили на южную окраину города, в район балки Купоросная, где оборонялся 23-й танковый корпус. Нам же одновременно подчинили 99-ю танковую бригаду. И та и другая часть были крайне измотаны предыдущими боями. 2-я мотострелковая бригада была переподчинена 23-му танковому корпусу.

Танков у нас уже почти не было, в строю оставались лишь экипажи да подразделение связи. Боевые действия

продолжали вести, вооружившись снятыми с поврежденных машин танковыми пулеметами.

Не лучше положение было и в 23-м танковом корпусе. К нам на КП прибыл молодой подполковник, офицер Генерального штаба.

— Кошелев,— представился он кратко.

Есть люди в армейской среде, которые в самой тяжелой боевой ситуации не теряют бодрого настроения и жизнерадостности. Таков был и этот. Поглядывал на нас светлыми глазами, улыбался.

Комкор и начальник штаба в беседе с Кошелевым выразили мысль о необходимости усиления корпуса боевой техникой и личным составом.

— Тем более что забрали от нас 26-ю бригаду...— заметил полковник Мальцев.

— Но дали же взамен 99-ю, — нашелся подполковник Кошелев.

— Что это за бригада... почти без танков.

— Да и ваша 26-я такая же.

Вместе с тем офицер обещал доложить в штабе фронта о тяжелом положении и нашего, и соседнего 23-го танкового корпуса. Он даже сделал вывод, что нецелесообразно здесь держать штабы двух корпусов без танков и личного состава.

Не думалось, не гадалось, конечно, что Василий Васильевич Кошелев в недалеком будущем станет начальником штаба нашего корпуса.

И вот теперь я, получив карту с нанесенной обстановкой, должен был отправиться на КП армии.

Глядя куда-то в сторону, С. П. Мальцев напутствовал:

— Ты там толково докладывай... О том, что нам воевать уже почти нечем, не стоит распространяться. Но поддержки все же надо попросить, особенно артиллерийской.

— Понял, товарищ полковник.

Начштаба крепко пожал мне руку на прощание и добавил вслед:

— Говори правду, но, понимаешь... не акцентируй. Пусть не думают, что мы тут совсем подавлены.

— Есть.

КП 62-й армии находился меньше чем в километре от передовой, пространство вокруг него простреливалось, и добраться туда было не так просто.

Командарм В. И. Чуйков выслушал мой доклад, ни разу не перебив. Он сутуло склонился над картой, лицо его было хмурым и жестким, а глаза посматривали на меня

пристально, но отнюдь не сурово. Я понял, что его стиль работы, отношения с подчиненными идут, пожалуй, не от характера, а от той огромной ответственности за судьбу Сталинграда, которая на него возложена. Вопросы задавал в основном начальник штаба армии генерал Н. И. Крылов. То, что положение корпуса крайне тяжелое, они прекрасно поняли, хоть я и не «акцентировал», а о том, что особо большой помощи нам не могли оказать, я тоже догадывался.

Пообещали усилить нас артполком.

По возвращении меня «допросили» на нашем КП. Я передал все в тех же выражениях, которые сам слышал, пожалуй, и в такой же тональности. Вскоре обещанное усиление было сделано. Правда, артполк нам не подчинили, но поставили ему задачу вести боевые действия в поддержку корпуса.

Вскоре, 13 сентября, я вновь докладывал обстановку в штабе 62-й армии. Начальник штаба Н. И. Крылов вручил мне распоряжение, согласно которому штабы корпуса и 99-й танковой бригады предстояло вывести на левый берег Волги и организовать оборону на островах Голодный и Зайцевский. 26-я танковая бригада пока оставалась в районе Купоросного.

А на следующий день развернулись такие события, которые потребовали от защитников Сталинграда предельных усилий, бессчетных жертв и еще чего-то большего. На город двинулись несколько фашистских дивизий, сотни танков и самолетов, огонь вели более тысячи орудий. Враг поставил целью расчленить советскую оборону и разгромить наши войска по частям. И во второй половине дня гитлеровские полчища прорвались к Сталинграду одновременно в нескольких местах, стремясь сбросить защитников города в Волгу. В этот же день противник смял нашу оборону на стыке 62-й и 64-й армий. Борьба теперь уже велась на улицах и площадях центральных районов самого города.

Защитники Сталинграда дрались с беспримерным героизмом. Их поддерживали с левого берега фронтовая артиллерийская группа, состоявшая из шести полков орудий и минометов, зенитная артиллерия ПВО, Волжская военная флотилия.

Вместе с другими частями к месту прорыва гитлеровцев на стыке двух армий была выдвинута наша 26-я танковая бригада. В районе Купоросного она сражалась до последнего танка.

Прибывшая на усиление 62-й армии 13-я гвардейская

стрелковая дивизия генерала А. И. Родимцева в ночь на 15 сентября под огнем противника переправлялась через Волгу. В Сталинграде гвардейцы сразу же приступили к активным боевым действиям. Они отбросили противника от района центральной переправы.

В штаб корпуса поступила выписка из приказа Наркома обороны СССР о присвоении мне звания подполковника.

Прикрепил я по три шпалы в петлицы, глянул на себя в осколок зеркала и оторопел: очень уж молодой подполковник смотрел на меня, двадцатичетырехлетний парень. И в каком-то смятении снял новые прямоугольники, оставил в петлицах по два, как и было.

На другой день генерал А. Г. Кравченко, увидев меня, сразу же обратил на это внимание. В присутствии других штабных командиров он обратился ко мне суховато:

— Товарищ Ивановский, вы почему форму одежды нарушаете?

Ответить было нечего, кроме как «виноват».

— А виноватых бьют... — сказал кто-то.

Комкор пресек шутку строгим взглядом.

— Времени вам десять минут... — перевел он взгляд на меня. — Привести форму в соответствие вашему воинскому званию.

— Есть, товарищ генерал.

В тот же день оказались мы с ним один на один в ходе нашей боевой работы на НП.

— Ну вот, теперь видно, кто таков! — воскликнул генерал совсем другим тоном.

За подчиненных он и переживал, и радовался всей душой. Теперь вот шутил по-доброму:

— Учил я тебя, учил, Женя, гонял не жалеючи, зато ты в люди вышел, подполковником стал.

Андрей Григорьевич вспомнил время, когда он в Саратовском танковом училище был преподавателем тактики. Ничего он нас не «гонял», как теперь говорит, а обучал грамотно действовать в боевой обстановке да побеждать.

— Спасибо за науку... — проговорил я с волнением.

— Желаю успехов и боевой удачи, подполковник Ивановский.

...Августовские и сентябрьские дни Сталинграда... Поверженные, превращенные в груды развалин кварталы, взорванные переправы через Волгу, бесчисленные пожары вокруг... В этих неимоверно жестоких условиях вели боевые

действия войска. Но могли ли где-то находиться и что-то делать в подобных условиях гражданские люди? Сохранилась ли среди пылающих развалин хоть одна живая душа?

Сталинградские жители не только выдержали тягчайшие испытания, но и помогали войскам, участвовали в обороне родного города.

В заводских цехах, сохранившихся отдельными сооружениями там и тут, делали снаряды и мины, ремонтировали танки и пушки, а когда прорывались вражеские подразделения, рабочие занимали оборону с оружием в руках.

В числе других подразделений народного ополчения на Тракторном заводе была сформирована танковая бригада, командиром которой стал инженер-технолог Н. Л. Вычугов, комиссаром — бывший заведующий военным отделом РК ВКП(б) А. В. Степанов. Из рабочих были укомплектованы экипажи боевых машин.

Местные партийные и советские организации обеспечивали работу транспортных средств, снабжение войск боеприпасами, горючим, продовольствием, эвакуацию раненых. По Волге, кипевшей взрывами, сновали катера и баржи. Буксир «Ласточка», на котором механик Василий Дмитриевич Григорьев работал с сыном и дочерью, совершил за сутки около двух десятков рейсов. Отважные волгари эвакуировали больше сотни раненых из нашей 26-й танковой бригады и доставили несколько тысяч снарядов. Секретарь комитета комсомола Тракторного завода Лида Плотникова и двадцать ее подруг-комсомолок пришли в воинские части, чтобы помочь в уходе за ранеными, при их эвакуации. Они работали наравне с медсанбатовцами, смело действовали в боевой обстановке. Две девушки — Зина Ивлева и Валя Сидорова — попросили зачислить их на военную службу в одну из наших частей, дошли с нами до Берлина, удостоились боевых наград.

Сталинградцы трудились, воевали, как солдаты.

В середине сентября управление корпуса и оставшийся личный состав 99-й танковой бригады и 12-го отдельного разведбатальона сосредоточились в районе Средней Ахтубы. По приказу штаба фронта в состав корпуса временно вошло несколько частей, имевших в строю считанных людей, — 135, 155, 187 и 254-я танковые бригады, 140-й минометный полк. Предстояло занять оборону на островах Спорный, Зайцевский, Голодный, не допустить переправы и захвата противником островов, подчинить все, что находилось на островах, обороне. Фронт обороны, по сути, только что собранного соединения растянулся до 100 километров.

На километр фронта имелось: личного состава — 54 человека, пулеметов — 0,5, противотанковых ружей — 0,25, танков и орудий не было вовсе... Столь мизерные цифры, с десятыми и сотыми, могут дать представление о сложившейся обстановке. О сплошной обороне нечего было и помышлять. Решено было соорудить опорные пункты на направлениях возможных переправ противника.

Комкор послал меня с двумя командирами в 26-ю танковую бригаду с задачей еще раз «подчистить» все тыловые службы, поставить в боевой строй кого только возможно — и ремонтников, и писарей.

— Важно не допустить сюда, на острова, не только мелкие группы противника, но даже его разведку, — сказал генерал, разъясняя суть своего категорического требования. — Ибо, если немцы разнюхают, какие тут силенки, нам не удержаться.

В 26-й танковой бригаде мне удалось отобрать некоторое количество боеспособных людей для нашей островной обороны. Ночью переправили их отдельными группами через реку.

А самим нам пришлось возвращаться уже в светлое время. Знали, конечно, что у немцев все побережье и рукава реки пристреляны, что рискуем попасть под огонь, но ждать темноты не могли.

Втроем подобрались к лодке. Отчалили, достигли середины протоки, дальше гребем... Зашуршала мина в полете, бултых почти рядом с лодкой по правому борту, по левому — еще одна. Мы бросились в воду, поплыли к близкому уже противоположному берегу. И вовремя! Третьей миной лодку разнесло в щепки. До берега всем троим удалось доплыть, хотя минометный огонь не прекращался. Но еще же бежать под огнем по песку метров триста надо до прибрежного лозняка. Добежали, укрылись. Вражеский огонь стих. Теперь можно и переобуться, портянки выжать.

Война подчас, как гроза: то надвинется, все сокрушая на своем пути, то вдруг уйдет стороной, оставив после себя какую-то подавленную, неживую тишину. Что-то подобное наблюдали, испытывали мы, занимаясь, по сути, комендантской службой на волжских островах.

Прошло несколько суток, и мы привыкли к новой обстановке. Работы и тут, на островах, хватало, спать по-прежнему приходилось урывками.

Прилег начальник штаба на несколько часов. Что-то по-

тревожило его. Вскочил, механически расправляя складки под ремнем.

— Товарищ Ивановский, — вскинул он глаза на меня. — Вы не в курсе, что там? Как будто бы я слышал пулеметную очередь?

Мне тоже она вроде бы послышалась, да я не придал этому никакого значения.

— Все спокойно, товарищ полковник, — ответил я. — Отдыхайте.

Сам же подумал: «Вот времена как изменились... Начштаба, умевший спать при канонаде, вдруг среагировал на такой пустяк, как пулеметная очередь».

...Последовал приказ об отправке нашего корпуса на переформирование в Саратов. Пришлось расстаться с генералом А. Г. Кравченко, нашим командиром и воспитателем, с кем было связано и становление, и боевые дела, — Андрей Григорьевич получил новое назначение, тоже комкором, на Донской фронт.

2-й танковый корпус, от которого осталось, образно говоря, одно название да горстка командиров, но который с честью выполнил свою боевую задачу, защищая Сталинград, должен был обрести в Саратове новую жизнь.

Под Боевое Знамя 2-го танкового корпуса становились новые бойцы — красноармейцы, командиры и политработники. Были среди них и фронтовики, но в большинстве — молодое пополнение.

Командиром корпуса был назначен генерал-майор танковых войск Алексей Федорович Попов, который затем прошел с нами в этой должности весь боевой путь, до конца войны. Участник гражданской войны, взводный командир Конармии С. М. Буденного, член партии с 1919 года, А. Ф. Попов всего себя отдавал службе в Красной Армии, вырос в ней от рядового до генерала. В командование корпусом он вступил подготовленным, зрелым военным специалистом танкового дела, признанным руководителем больших воинских коллективов. Умение глубоко анализировать боевую обстановку, решительность, требовательность, мужество, неистребимый казачий юмор — эти черты его характера всем нам бросились в глаза в первые же дни совместной боевой работы.

Начала прибывать в наш адрес боевая техника. Воодушевление и боевой порыв личного состава вызвали белые надписи на новых танках Т-34 — «Тамбовский колхозник». Разговоры об этом в группах танкистов, работавших на разгрузке боевых машин, сами по себе превращались в корот-

кие митинги. Они вспыхивали, светились патриотическими чувствами людей, как костры.

В день, когда прибыла делегация тамбовских колхозников во главе с секретарем обкома партии Н. И. Волковым, был проведен митинг, состоялась торжественная передача боевой техники танкистам.

Секретарь обкома зачитал текст обращения, принятого во всех колхозах области. В нем говорилось, что на строительство танковой колонны «Тамбовский колхозник» сельские труженики внесли из своих личных сбережений 40 миллионов рублей. Пламенно и сурово прозвучал призыв тамбовских колхозников: вести грозные танки вперед, уничтожать врагов, отомстить гитлеровским извергам за кровь и страдания людей, за их поруганную честь, за слезы детей.

По команде экипажи заняли места у машин. Подошли и члены делегации колхозников. Тепло, сердечно беседовали сельские труженики и танкисты. Пожилой колхозник сельхозартели «Красный пахарь» П. Е. Помыкалов обнял и троекратно поцеловал двадцатилетнего командира танка сержанта А. Ильченко, наказывая ему:

— Воюй, сынок, храбро, бей фашистских гадов, и пусть надежно прикрывает тебя броня этой машины.

— Спасибо, отец. Наказ выполню! — взволнованно ответил молодой танкист.

И выполнил с честью: впоследствии за свои ратные подвиги А. Ильченко удостоился нескольких наград.

После митинга был проведен учебный бой, и наблюдавшие за ним сельские труженики увидели, на что способны в умелых руках замечательные советские танки.

Вместе с командирами штаба я тоже следил за действиями экипажей. События того дня — митинг, передача боевой техники, встречи у танков колхозников и воинов — произвели глубокое впечатление. Патриотический подвиг тамбовских колхозников ведь не единственный, думалось мне, подобных дел в стране множество, и какая же это сила неодолимая, какая мощная опора фронту. Великое единение армии и народа мы как бы увидели сегодня воочию.

Рядом находилось Саратовское танковое училище, ускоренными курсами готовившее молодых командиров для фронта. Я побывал в родном училище, встретился с преподавателями, которые в свое время меня учили, с курсантами-выпускниками. О делах на фронте рассказывал без бравады и прикрас, полагая, что эти ребята в свои девятнадцать-двадцать лет, как и мы некогда, должны прямо и смело глядеть в свое боевое будущее.

— Вы служите в штабе соединения, организуете боевые действия... — обратился ко мне один из курсантов. — А скажите, хоть иногда вы садитесь в танк?

Я ответил так, как есть: в башне танка занимаю место не часто, больше с картами дело имею.

И взгрустнулось мне. К этой мысли, взбудораженной сероглазым пареньком, возвращался потом не раз. Нынешней службой в штабе корпуса я, безусловно, дорожил, сознавал, насколько важно дело разведки в боевой деятельности танковых частей. По танку же, по боевому месту в строю невольно тосковал. Нет-нет да и возникало, как теперь вот, смутное предчувствие, что еще повоюем мы, слитые воедино с боевым другом танком, еще полыхнем по врагу из пушки в яростной атаке.

Пошел на площадку, где готовились, проверялись наши танки, — вроде бы так, взглянуть на работу экипажей, помочь советом. А раз пришел, то можно ведь и осмотреть одну из боевых машин... Поднялся к башне, вскочил одним движением в люк, занял командирское место. Хороша тридцатьчетверка, надежна в бою. Истый танкист относится к своей бронированной машине, будто к живому существу. Долго сидел я в танке. Думалось о грядущих боях, о ратных делах, которые свершат воины на новых танках.

НАСТУПАЕМ!

Тем же путем, через знакомые станции, двигались эшелоны корпуса в район Сталинграда в декабре 1942 года. Несколько затянулась стоянка на станции Лог. Не станут ли опять разгружать? Нет. Двинулись дальше. Проехали небольшое расстояние и в соответствии с указанием разгрузились на станции Иловля.

После переформирования и приема пополнения в районе Саратова некоторые соединения и части были переподчинены, и теперь в состав нашего корпуса входили 26, 99, 169-я танковые и 58-я мотострелковая бригады, 12-й отдельный разведывательный батальон, 1257-й зенитно-артиллерийский полк, 401-й гвардейский минометный дивизион и другие подразделения.

В сводках Совинформбюро, в информационных выпусках «В последний час» ежедневно теперь передавались долгожданные, радостные вести с фронта. Из приемников и репродукторов, включенных на полную громкость, звучал голос Левитана:

— Советские войска завершили окружение группировки противника под Сталинградом и приступили к ее уничтожению.

По информации из штаба фронта нам было известно, что в результате завершенного 23 ноября 1942 года оперативного окружения немецко-фашистских войск под Сталинградом в кольце оказалась крупная группировка противника.

В середине декабря 1942 года советские войска, действовавшие в районе Сталинграда, продолжали успешные операции на внутреннем и внешнем фронтах окружения.

Оценивая сложившуюся обстановку, Ставка Верховного Главнокомандования, как известно, оттянула намеченные сроки операции по уничтожению окруженной вражеской группировки. Первоочередной задачей Сталинградского и Юго-Западного фронтов было ликвидировать попытки противника прорваться к войскам Паулюса. Ударным группировкам Юго-Западного фронта на участке от Новой Калитвы до Нижнечирской противостояли 8-я итальянская армия, оперативная група «Холлидт» и часть 3-й румынской армии. Здесь сосредоточилось около 30 дивизий противника. Советские войска имели меньшие силы, превосходили врага только по количеству танков, но на направлениях главных ударов общее превосходство над противником было обеспечено.

16—18 декабря на этих направлениях вели наступательные бои войска 6-й и 1-й гвардейской армий. С рубежа восточнее Кружилин, Боковская наступала 3-я гвардейская армия, в состав которой входил и наш 2-й танковый корпус. 18 декабря мы во взаимодействии с 1-м гвардейским механизированным и 14-м стрелковым корпусами, прорвав вражескую оборону, овладели населенными пунктами Астахов, Коньков, Боковская и продвинулись вперед на 15—20 километров.

В дальнейшем действиями 3-й гвардейской армии под командованием генерал-лейтенанта Д. Д. Лелюшенко были окружены и разгромлены войска противника в районах Алексеево, Лозовское, в Верхнечирском, восточнее Каменского. Решительно наступали также войска 1-й гвардейской армии. Вражеский фронт на реках Дон и Чир был сокрушен на протяжении более 300 километров. К концу декабря весь Юго-Западный фронт продвинулся вперед на 150—200 километров.

2-й танковый продолжал наступать. Во взаимодействии с 23-м танковым корпусом мы громили вражеские дивизии

на Дону, освобождали от фашистских захватчиков станицы Ильинка и Калитвенская, город Миллерово.

Недавно назначенный командиром корпуса генерал-майор танковых войск А. Ф. Попов уделял большое внимание командным кадрам. Произошли некоторые перестановки в штабе, способствовавшие укреплению этого руководящего ядра. На ответственные должности выдвигались боевые командиры из частей, проявившие себя мужественными и грамотными людьми.

Продолжала совершенствоваться служба разведки. В штаты бригад были введены подразделения разведки, расширен был и состав разведотдела. Теперь он обеспечивал более квалифицированное и оперативное решение задач по изучению противника и организации разведки. Проще говоря, было на кого опереться. А то ведь раньше так говорили друзья: «Начальник разведки отдает приказания и сам же бросается их выполнять». Доля правды в той шутке была.

Сплошного фронта во время действий корпуса в Донских степях не существовало. Наши бригады маневрировали, наносили удары по врагу внезапными атаками. Отдельные танковые подразделения проникали в глубь территории, занятой противником, и там наносили ему немалый урон, создавали в фашистских частях атмосферу тревоги и паники.

Частям корпуса довелось совершить один за другим несколько наступательных маршей до 400 километров — в условиях зимней стужи и снегопадов. Гитлеровцы, пытаясь остановить продвижение корпуса, в разное время и с разных направлений бросали против нас боевые группы, сформированные наспех, и части подошедшей из глубины 7-й танковой дивизии, но нигде успеха не добились.

Как известно, 8 января 1943 года советское командование через парламентеров предложило окруженным под Сталинградом немецко-фашистским войскам сложить оружие и сдаться в плен. Этот гуманный шаг основывался на международных законах ведения войны. Но ультиматум не был принят. Фашистское командование, таким образом, обрекло на гибель массы своих солдат и офицеров. Окруженная группировка подлежала уничтожению.

Обстановка на внешнем фронте окружения менялась подчас весьма круто: то требовался быстрый, глубокий рейд наших танковых подразделений по тылам противника, то нужно было стойкой обороной сдержать натиск вражеских частей, пытающихся прорваться к окруженной группировке. Несмотря на морозы и снежные заносы, танкисты и пе-

хотинцы действовали напористо, с боевым подъемом — все понимали, что наступил долгожданный поворот в ходе войны и тут уж нельзя жалеть в боях ни сил, ни крови.

Приказом командарма генерал-лейтенанта Д. Д. Лелюшенко нашему корпусу была определена задача главными силами нанести удар на Дядин, второй удар — на Белокалитвенскую, с тем чтобы во взаимодействии с 14-м стрелковым корпусом уничтожить одну из группировок войск противника.

Снежный январь. Балки, овраги, заметенные вьюгой, представляли собой опасные ловушки для танков. Да и немцы подготовили немало противотанковых препятствий, минных полей. Действовать на такой местности было трудно. Высокое мастерство требовалось от механиков-водителей, а смотреть в оба надо было всем членам экипажа. Малейший зевок, и многотонная машина полулежит на борту в овраге или в воронке.

Наши танковые бригады наносили удар на правом фланге армии в направлении Дядина. 58-я мотострелковая бригада повела атаку на Белокалитвенскую. 26-я танковая бригада прикрывала корпус с востока, удерживая рубеж Песчаный, Титов.

В ходе дальнейшего наступления 169-я танковая бригада, что называется, «увязла» в бою за населенный пункт. Овладев им с ходу, можно и надо было развивать успех, предпринимать энергичный маневр, а батальоны — ни на шаг вперед.

На КП корпуса это вызвало некоторую нервозность. Начальник оперативного отдела подполковник Г. Пузанков сетовал:

— Товарищ генерал, Кодинец стоит и не принимает, помоему, никаких мер.

— Свяжитесь с ним по радио, — посоветовал генерал А. Ф. Попов.

— Уже связывался и... никакого результата. Может быть, вызвать его сюда? Пусть доложит вам лично, товарищ генерал, почему бригада топчется на месте?

— Вызывайте... — согласился комкор. — Пусть оставит за себя начальника штаба и прибудет!

Сказав это, генерал отошел в сторонку, задумался. Он-то хорошо знал боевого, инициативного комбрига А. П. Кодинца и понимал, конечно, что если у населенного пункта случилась задержка, то не беспричинно.

Прибыл полковник А. П. Кодинец. На КП воцарилась многозначительная тишина — и начальник оперотделения,

и другие командиры ожидали, что комбригу будет сделано внушение.

А генерал, поздоровавшись с ним за руку, добродушно так спросил:

— Хоть обедал сегодня, Александр Павлович?

— Даже и не завтракал, — признался Кодинец.

— Так зайдем перекусим.

— Спасибо.

После обеда генерал опять вроде бы «не о том». Глядя в усталое лицо комбрига, предложил:

— Может, отдохнешь часок, Александр Павлович.

Кодинец поблагодарил и, поскольку генерал ни о чем больше не спрашивал, попросился немедленно в бригаду. С тем и уехал.

Перехватывая изумленные взгляды штабных офицеров, Алексей Федорович сказал Пузанкову, чтобы и другие услышали:

— Ругать подчиненных все мы научились. А вот проявить о человеке заботу — ни времени, ни желания порой не хватает.

А вскоре из 169-й бригады поступило донесение: овладев населенным пунктом, танкисты двинулись вперед.

В сравнительно небольшом, но с разбросанными на местности домами, амбарами и другими постройками населенном пункте Дядин противник сосредоточил значительные силы. Еще накануне наши разведчики установили, что на данном участке действуют 7-я танковая и 304-я пехотная дивизии. В районе станции Белокалитвенская находились в готовности выдвинуться и вступить в бой части второго эшелона 7-й танковой дивизии.

Наступление началось утром 12 января. Наши артиллеристы, минометчики и «катюши» провели перед атакой мощный огневой налет. Танковые батальоны развернулись в боевую линию и устремились к Дядину. Казалось, что после артиллерийской подготовки вряд ли что сохранилось в полосе наступления. Но нет! Огневые средства противника ожили. Танки и мотопехота 7-й танковой дивизии и полка 304-й пехотной дивизии гитлеровцев оказали сильное сопротивление. Бой шел весь день и продолжался ночью. Только к утру нашим танковым бригадам удалось ворваться в населенный пункт Дядин. Он хотя и небольшой, но имел важное значение как узел многих дорог этого степного края.

С утра 13 января фашисты предприняли ряд контратак.

Мотострелковый батальон майора Н. Клочкова, закре-

пившийся за околицей Дядина, был атакован 20 танками противника с десантом автоматчиков. Немцы попытались прорваться на узком участке. Нашим мотострелкам удалось отразить их яростный натиск.

Высокое мужество и мастерство проявили бронебойщики батальона, особенно рядовой Федор Старцев. Противотанковым ружьем он владел в совершенстве. Хорошо знал правила стрельбы, научился бить с любой позиции, метко целил в уязвимые места вражеских танков. Так и на этот раз: выбрал Старцев удобную огневую позицию, замаскировался у невысокого стожка соломы на заснеженном холме и стал терпеливо ждать. Немецкие танки, выкрашенные в белый цвет, выползли из-за бугра, покрытого кустарником. Шли углом вперед, продвигались медленно, осторожно. Бронебойщик с присущей ему выдержкой подпустил танки противника на предельно малую дистанцию. Первым же удачным выстрелом он поджег вражеский танк. Вскоре от его метких выстрелов запылала еще одна машина. Гитлеровцы делают маневр, пытаясь прорваться левее. Но и там наталкиваются на меткий огонь бронебойщиков и противотанковой батареи бригады.

Одиннадцать фашистских танков [1] остались недвижимыми на этом узком участке. Остальные повернули назад.

Боевые друзья бросились обнимать Федора Старцева, поздравлять его с такой победой.

— Да бросьте, хлопцы, — сказал он, высвобождаясь. — Дайте лучше закурить. — И он стал сворачивать цигарку — степенно так, аккуратно, как делал все этот 33-летний боец, бывший рабочий с Урала.

А через день в бою за станицу Калитвенская Федор Старцев уничтожил еще три вражеских танка и сам погиб.

Указом Президиума Верховного Совета СССР рядовому Федору Григорьевичу Старцеву было посмертно присвоено звание Героя Советского Союза.

Когда сплошного фронта нет, как уже отмечалось, действия противоборствующих сторон отличаются активностью, внезапностью, обстановка подчас круто меняется.

26-я танковая бригада успешно продвигалась в направлении Каменска, но вдруг у небольшого населенного пункта была атакована значительными танковыми силами противника. Командир бригады, видя, что фашистские машины идут не прямо на сближение, а подворачивают к левому флангу, передал по радио предупреждение:

---

[1] ЦАМО, ф. 3407, оп. 1, д. 128, л. 2.

— Без моей команды огня не открывать!

Несколько минут спустя послышалось:

— «Коршун» просит разрешения открыть огонь.

— Отставить! — ответил комбриг, сдерживая политрука В. Лапидуса. «Коршун» — его позывной.

Танки противника еще не закончили маневр, но уже приблизились к левому флангу, до них оставалась какая-то сотня метров. Вот тогда последовала команда: «Вперед, огонь!»

Левофланговый батальон первым завязал огневой бой с врагом. А подразделения правого фланга на большой скорости охватывали противника, имея возможность поражать его машины под углом, почти в борта.

Фланговая атака противника успеха не имела. Гитлеровцы резким маневром отвернули, понеся потери.

В боях в районе Каменска 169-я танковая бригада глубоко вклинилась в расположение частей противника. Было уничтожено 22 вражеских танка, несколько сот гитлеровцев. Захваченный врасплох личный состав одного из подразделений противника обратился в бегство, и в руках наступавших оказалось пять исправных, заправленных танков.

В условиях столь динамичных действий разведчики конечно же проявляли высокую активность — уж если линейные подразделения совершали рейды по вражеским тылам, то разведчикам, как говорится, это по штату положено.

Начальник разведки 169-й танковой бригады капитан Ф. Клинов похаживал возле захваченных немецких танков, обдумывал что-то, потом обратился ко мне:

— Евгений Филиппович, как вы смотрите на то, чтобы разведчики сходили к немцам в тыл на трофейных танках?

— Смотрю положительно, — ответил я. — Но надо согласовать с командованием и штабом бригады.

— Предварительное «добро» уже даже получено.

— Ну раз так — надо действовать.

Вместе мы разработали план дерзкого рейда. Федор Клинов порывался сам возглавить группу, но я настоял, чтобы назначить старшим строевого командира — предстоит ведь не только вести разведку, но и громить силы противника.

Снарядили группу на пяти немецких танках во главе с младшим лейтенантом Н. Ириковым. Экипажи потренировались, освоили оборудование и вооружение машин.

Группа скрытно подошла к городу Каменск, сосредоточилась на окраине в лесопосадке. Разведчики тщательно изучили обстановку. А потом средь бела дня, этак спокойно и деловито, колонна немецких танков направилась по шос-

се в городок. У гитлеровцев не возникло никаких подозрений. Они видели свои танки с крестами на бортах, и если допустить, что кто-то из фашистского начальства и ругнулся вслед, так только потому, что эти растяпы танкисты разъезжают колонной на виду у всех.

Разведчики, находившиеся в составе экипажей, вели наблюдение, изучали оборонительные сооружения врага, его огневые средства.

Выждав момент, Н. Ириков подал команду «К бою», и танкисты дружно открыли огонь по заранее намеченным объектам. Бой этот начался как бы внезапным взрывом изнутри. В центре занятого гитлеровцами городка «немецкие» танки крушили все подряд. Пока фашисты уяснили, что к чему, пока собирались с силами для отражения атаки, группа Н. Ирикова покинула городок и беспрепятственно вышла к своим. В этом бою в расположении врага она подожгла 16 танков и вывела из строя 8 пушек противника, уничтожила около 200 гитлеровцев.

Вскоре на Каменск, где еще не улеглось волнение от учиненного разведчиками разгрома, повели наступление танковые бригады полковников П. Пискарева и А. Кодинца и мотострелковая бригада подполковника С. Болдырева. Их атака была успешной.

Мы наступали. Война откатывалась на запад, пока еще медленно, но чувствовалось по всему, что сила наших ударов будет возрастать, а темпы наступления — повышаться. Признаки нового периода войны проявлялись во всем: в решениях командиров — они стали более смелыми, дерзкими; в действиях частей и подразделений — они велись напористо, быстротечно; в моральном состоянии личного состава — люди обрели богатырские духовные силы.

Мои разведчики передали: по двум дорогам, несколько в стороне, в противоположном нашему направлении движутся две немецкие мотоколонны — численностью до полка. Генерал-майор А. Ф. Попов, когда я ему доложил об этом, подумал немного и махнул рукой:

— А пускай тащатся... Не будем отвлекаться от основной нашей задачи.

Особых опасений, что эти колонны могут зайти к нам в тыл, уже не было — не то время. Это в сорок первом гитлеровцы постоянно угрожали окружением, а нынче, зимой сорок третьего, то и дело мы их окружаем. Под Сталинградом вон охватили огненно-железным кольцом больше 300 тысяч вражеских войск, до сих пор еще доколачивают.

Одно из передовых наших подразделений ночью, без боя,

колонной вступило в населенный пункт. Видят танкисты: на перекрестке немецкий регулировщик стоит мерзнет. Приблизились, остановились на минуту. Лейтенант Юрий Хорохорин, высунувшись из люка, сказал десантникам, сидевшим на броне:

— Сейчас я его кликну, а вы хватайте — и сюда. — Офицер властно крикнул регулировщику: — Ком гер!

Тот подбежал. Десантники схватили гитлеровца за шиворот, втащили на танк, кляп ему в рот — и поехали дальше.

Послал я разведчиков на станцию, пока что занятую противником. Вернулись, докладывают, но чувствуется, что данных у них маловато.

— Так были вы на станции или только издали на нее посмотрели?

— Так точно, товарищ подполковник, были, — отвечает с затаенной обидой сержант.

— А где вещественные доказательства?

Молчат, переминаются с ноги на ногу...

— Разрешите сходить еще раз.

— Добро.

Побывали разведчики на станции вновь, ничего стоящего из вещественных доказательств не нашли. Почти под носом у немцев сорвали вывеску «Кипяток» и принесли.

— Теперь видно, что вы были на месте, — рассмеялся мой помощник. — Такую вывеску в степи не найдешь.

С тех пор наши разведчики взяли себе за правило: где бы ни побывал по заданию — добудь и принеси вещественное доказательство. При всем доверии к разведчику подтверждение тоже нужно.

От наших разведчиков хорошее правило перешло во все штабы, стали следовать ему и младшие и старшие. Наблюдаю однажды такую картину. Командир корпуса лично пишет боевое донесение о взятии нами населенного пункта. Почерк у генерала крупный, размашистый, и мне легко со стороны следить за строкой. Пишет Алексей Федорович: «К сему прилагаю вещественные доказательства — вывеску-указатель с перекрестка дорог западнее населенного пункта и двух пленных немцев».

В январе — феврале 1943 года успешно проводилась наступательная операция по освобождению от немецко-фашистских захватчиков советского Донбасса. 11 января последовал приказ командующего 3-й гвардейской армией — овладеть опорными пунктами противника на подступах к

Каменску. Наши части продвигались на этом направлении, взламывая вражескую оборону.

Наступление наше несколько замедлила река Северский Донец. В феврале в тех местах уже нередки оттепели. Лед ослаб. Колесные машины все прошли, а танки не могут — ломится лед под гусеницами. Выход нашли. Сплетали маты из лозы, засыпали их песком, затаскивали на лед реки. За ночь, поливая водой, намораживали дополнительный ледовый настил. Провели на малой скорости один танк — выдержал. Переправили таким способом через реку все три танковые бригады.

Тяжелые бои завязались за Ворошиловград. Гитлеровцы засели там крепко, возвели перед городом оборонительные сооружения, создали сильную систему огня. Войска 3-й гвардейской армии, наступавшие на направлении Ворошиловграда, преодолели ожесточенное сопротивление врага, применяли маневр силами. С юго-запада наносил удар 18-й стрелковый корпус генерала М. И. Запорожченко. Противник, сочтя, что это главный удар, сосредоточил там все свое внимание, подтянул туда имевшиеся резервы. На других участках вражеская оборона была ослаблена. Этим мы и воспользовались. Атака наших танковых частей была успешной. Она во многом способствовала освобождению всего города. За это отдали жизни многие наши танкисты. В тот день, 13 февраля 1943 года, погибли товарищи, с которыми я долго шел фронтовыми дорогами и по-боевому сдружился.

На участке 169-й танковой бригады гитлеровцы организовали контратаку. Заминка, а тем более отход здесь могли осложнить положение других наступающих частей. Начальник штаба корпуса полковник С. П. Мальцев выехал в бригаду, чтобы на месте принять меры. По пути «виллис» забуксовал на заметенной дороге. Пара «мессершмиттов», пролетавшая над этим местом, спикировала, открыла огонь из пушек. Вместе с начальником штаба корпуса погиб заместитель командира корпуса по техчасти полковник И. С. Кабаков. Несколько раньше был тяжело ранен и скончался, не приходя в сознание, командир бригады полковник А. П. Кодинец.

В один день сложили головы три перспективных командира. Тяжким, горестным выдался день 13 февраля.

Ворошиловград гитлеровцы пытались удержать любой ценой. Как, впрочем, и другие города Донбасса. Отсюда они выкачивали уголь, металл, хлеб, здесь они использовали в

военных целях развитую сеть железных и автомобильных дорог, линии связи.

Три мощных оборонительных рубежа соорудили немцы вокруг Ворошиловграда. В них вплетались опорные пункты, созданные в крупных поселках. Последний рубеж обороны проходил по окраинам самого города, который весь был превращен в крупный узел сопротивления. Город прикрывали сотни дотов и дзотов. Частые огневые точки, противотанковые препятствия, ряды колючей проволоки — чего только не соорудили гитлеровцы, чтобы удержать город. Все рубежи обороны были плотно насыщены войсками, основу которых составляла 355-я пехотная дивизия и другие, в том числе артиллерийские части.

Попытка наступления заметно поредевших частей 2-го танкового корпуса во взаимодействии с полками 279-й стрелковой дивизии на западную окраину Ворошиловграда успеха не имела. Перестрелки почти без продвижения вперед шли на окраине, а немцы тем временем спешно подтягивали новые силы, подкрепляя ими оборону. Гитлеровцы даже попытались вернуть утраченные позиции. Упорные бои велись и на южных подступах к Ворошиловграду, на землях совхоза имени Челюскинцев. Только к вечеру 13 февраля наши танкисты и мотострелки ворвались в поселок совхоза. Боевые действия продолжались и ночью.

Упорное сопротивление немецко-фашистских захватчиков стоило им немалых жертв. В ожесточенных боях под Ворошиловградом и в самом городе была разгромлена свежая, только что прибывшая из Франции 355-я пехотная дивизия. Были убиты командир дивизии, два командира полка и несколько командиров батальонов.

В наступлении надо было не только преодолевать ожесточенное сопротивление гитлеровцев. Серьезной помехой было и предвесеннее бездорожье. Колесный транспорт то и дело отставал от танков, буксовали в сугробах и разбитых колеях автомобили с горючим и боеприпасами.

В этих условиях сложную, вернее сказать, тяжелую задачу приходилось решать начальнику службы ГСМ майору Г. Путинцеву. Он со своими подчиненными старался использовать любую возможность, включая местные небогатые ресурсы, чтобы обеспечить горючим наступающие части. Танкисты и сами добывали горючее в бою, захватывая автоколонны и войсковые склады противника...

В борьбе за город наступил перелом. Наши части захватили аэродром, завязали бои в самом городе, отбивая у гитлеровцев квартал за кварталом.

14 февраля Ворошиловград был полностью очищен от немецко-фашистских захватчиков. Над ним взвились алые стяги.

В Ворошиловграде мы похоронили погибших в боях за город командира бригады подполковника М. И. Городецкого и его заместителя по политчасти майора Н. М. Баранова. Оба они находились в боевых порядках атакующих подразделений, когда шли ожесточенные бои на южных подступах к городу.

В первых рядах атакующих шел и политработник из 58-й мотострелковой бригады майор В. Куракин. Ему выпало счастье вместе с однополчанами освобождать свой родной город. Быть может, его ожидала встреча с родными... Но не хватило нескольких минут и нескольких сотен шагов — сразила воина вражеская пулеметная очередь.

Новой победой отметили наши танкисты годовщину Красной Армии. 23 февраля части корпуса освободили крупный энергетический центр Донбасса — город Штеровка.

Был назначен новый начальник штаба корпуса — полковник Василий Васильевич Кошелев. Все командиры, в том числе и я, конечно же узнали в нем того, кто в пору тяжелых сталинградских боев приезжал к нам как представитель Генштаба, выяснял на месте положение наших обескровленных бригад. Был тогда подполковником, энергичным и деловым. Теперь он приступил к исполнению обязанностей начальника штаба в самый разгар боев в Донбассе и тем не менее сумел проявить себя в смысле дальнейшего повышения штабной культуры. Потребовал от штабов бригад (и штаба корпуса — в первую очередь, разумеется) более четкой отработки оперативных документов — боевых приказов, распоряжений, донесений, дал указания, как лучше использовать время на подготовку боевых действий. Много внимания он уделил вопросам управления боем. Словом, твердая рука вновь назначенного начальника штаба корпуса сразу почувствовалась. А по характеру Василий Васильевич остался таким же, как и показался нам при первом знакомстве, — общительным с товарищами, жизнерадостным, отзывчивым.

...Разведчики подчас могли бы позавидовать строевым командирам: те сделали свое дело в бою, захватили рубеж, взяли высоту и хоть малую передышку имеют. Нам же и перед боем, и после него — никакого расслабления. Но все мы любили свою «каторжную» работу, отдавали ей все силы и время.

Не очень приятной обязанностью считал я допрос пленных, но и от этого было не уйти. Надо.

По-разному вели себя пленные на этих допросах. Многие повторяли лишь одно — «Гитлер капут» да «нихт ферштее», иные словоохотливо проклинали войну, фашизм, свою судьбу. Попадались и матерые фашисты, в чьих резких ответах и хмурых взглядах сквозила ненависть к нам. Некоторые пленные более или менее объективно оценивали суть войны, пытались занять разумную позицию. Впоследствии, как известно, эти люди активно участвовали в перестройке жизни на германской земле.

Из допросов пленных явствовало, что боеспособность вражеских соединений и частей на нашем направлении снизилась. 7-я танковая дивизия, например, с которой доводилось встречаться и раньше, поредела теперь, понесла большие потери. Унтер, сидевший перед нами, с усердием рассказывал о тяжелом положении солдат, о подавленности в их настроениях, о нервозности и жестокости офицеров. Сведений военного характера у него было мало, хотя он выложил бы их, видимо, с готовностью. Назвал несколько цифр, типов вооружения, фамилий. На конкретные вопросы ответить унтер не мог и наконец заплакал, размазывая кулаком слезы по небритой физиономии.

— Вы меня расстреляете... Умоляю пощадить меня... Я из Трира. Я дальний родственник Карла Маркса.

Разведчики обменялись взглядами при его последних словах, но не проронили ни слова. Каждый, наверное, с трудом сдерживал усмешку.

Дали немцу воды, как могли, успокоили этого «родственника», заверив, что расстреливать его никто не будет. Но стоило снова задать какой-либо вопрос по существу, как он, изможденный военной муштрой немецкий обыватель, впадал в истерику.

— Я буду во всем с вами, я буду верно вам служить... Играть па гармошке... — Выхватив из нагрудного кармана губную гармошку, он пропищал на ней какой-то мотивчик, потом кивнул на переводчика старшего лейтенанта Ю. Акчурина: — Этот немецкий офицер ведь работает у вас. И я смогу быть полезным...

На Юру Акчурина кивали многие пленные, которых мы допрашивали. Юра говорил на немецком еще с детства, а когда окончил институт иностранных языков, побывал на практике и поработал в разведотделах на фронте — конечно же овладел разговорным немецким в совершенстве. Знал

немецкую литературу, музыку, владел диалектами различных германских земель.

Другой наш переводчик — Шамиль Вафин, татарин по национальности, подобного впечатления на пленных не производил, хотя тоже владел немецким хорошо. Смолисточерные глаза Шамиля (при всей его вежливости и выдержке) помимо его воли всегда горели ненавистью к врагам.

Недалеко от Ворошиловграда — Краснодон. Когда мы проходили фронтовыми дорогами в тех местах, нам рассказывали, что фашистские изверги замучили и бросили в шурф шахты группу юношей и девушек. О делах юных подпольщиков, их боевой организации тогда еще люди знали мало. Мы отдали честь погибшим советским патриотам залпом из автоматов и пистолетов. Так соприкоснулись наши танкисты-фронтовики с подвигом тогда еще малоизвестной, а впоследствии знаменитой «Молодой гвардии».

После освобождения Ворошиловграда и Штеровки боевые действия на нашем направлении замедлились. Войска понесли большие потери и устали. Растянулись тылы, что затрудняло снабжение боевых частей. Давала о себе знать и распутица. В конце февраля в южных районах, к которым относится и Донбасс, морозы ослабевают, только ночью прихватывают, а днем, при солнышке, чавкает под колесами чернозем, вязнут колеса тяжелых машин в колее, изматываются в нескончаемой адской работе люди. Части и подразделения как бы теряют свою боевитость, ибо усилия личного состава во многом затрачиваются на то, чтобы протащить по черной грязи тяжелые машины.

Гитлеровцы, сконцентрировав силы на отдельных участках фронта, в том числе и на нашем, предпринимали частные контратаки и упорно сопротивлялись. Сильный контрудар противника был нанесен по войскам, прорвавшимся в район Красноармейска. Немцам удалось отрезать группировку наших войск.

Командир корпуса получил приказ всеми силами выйти в район Изюма, собрать под свое начало подразделения и части, которые не совсем организованно отходят, и попытаться стабилизировать фронт. Собственно, не попытаться. Приказ звучал более категорично: остановить врага и закрепиться.

На изюмском плацдарме мы стали, что называется, на живую нитку строить оборону. А пока закреплялись, надо было и отбиваться от наседавшего противника. Наша 58-я

мотострелковая бригада, имевшая в своем составе всего немолный батальон пехоты, шесть танков и несколько пушек, в течение двух суток сдерживала натиск гитлеровских механизированных частей. Плацдарм за рекой Северский Донец надо было удержать во что бы то ни стало. В дело было введено все — и автоматчики-пехотинцы, и уцелевшие танки, и экипажи без машин, вооруженные автоматами. Были поставлены па прямую наводку два сохранившихся противотанковых орудия. Их очень берегли, часто перемещали с одной позиции на другую. Начарт позаботился, чтобы на танкоопасных направлениях подготовили несколько огневых позиций.

А разведка работала, щупала противника, искала его наиболее уязвимые места. Она должна была каждодневно представлять командованию данные, необходимые для активизации боевых действий. Мы нашли лазейку — пробирались по льду через Донец, а затем в тылы 106-й немецкой дивизии. Группа разведчиков, возглавляемая моим помощником майором Михаилом Наумовым, вернулась с очередного задания в «увеличенном составе». С ними пришли три украинские девушки, младшая совсем еще подросток, лет четырнадцати. Со слезами рассказали девчата, что гитлеровцы угоняют молодежь в Германию на каторжные работы, а они втроем сбежали. Девушки пристроились в селе, куда проникали наши разведчики, попросились в чужие семьи, что в те времена было делом обычным. Одна из них, Нина, начала помогать нам. Раньше она работала в селе подпаском, хорошо знала окружающую местность, все овраги, рощи и балки. Нина стала хорошей проводницей для наших разведгрупп. Умела провести хлопцев такими путями, о которых немцы да полицаи и понятия не имели.

Несколько «языков», захваченных в поисках, не могли дать существенных показаний — это были солдаты, почти ничего не знавшие о замыслах командования, о расположении и боевых возможностях своих частей. Нужен был пленный постарше чином, поважнее, как говорили разведчики — «фриц с образованием». А такого не просто добыть, рыба покрупнее в глубине скрывается.

В очередном поиске решил и я принять участие. В состав группы включили восемь человек, я — девятый. Возглавил группу майор Наумов, признанный наш вожак разведчиков, действовавших во вражеском тылу.

Провели, как всегда, тщательную подготовку: определили дозорных, группу захвата, группу прикрытия, изучили ус-

ловные сигналы, изображая голоса птиц и зверей, потренировались на местности с выполнением всех элементов поиска.

Ночью отправились в поиск — в белых халатах, в валенках, чтобы двигаться скрытно, ступать бесшумно. Все были хорошо вооружены. Наумов настоял, чтобы и я имел при себе не один пистолет, как обычно, а два, да еще пару гранат. На территорию, занятую противником, проникли без приключений. Тихо прошли по балке, которую показала Нина, по-пластунски переползли участок открытой степи, достигли небольшой рощицы. Тут и засели. Группа захвата — трое опытных разведчиков — выдвинулась к дороге. Ждать пришлось недолго. Вдали послышались цокот копыт и поскрипывание колес. Показалась фурманка, запряженная парой лошадей. Один немец правит лошадьми, другой горбится сзади, похоже, что дремлет. Мы из засады все наблюдаем, а те трое из группы захвата, выдвинувшись к самой дороге, наверняка видят еще лучше. Послышался их условный сигнал, будто ворона каркнула дважды спросонья, что означало: «Объект изучен. Берем».

В следующую минуту прозвучало отрывисто:

— Хенде хох!

И трое разведчиков, вынырнув из укрытия рядом с подводой, бросаются на возчика и седока одновременно. Вдруг с воза что-то тяжело упало на землю. Это был третий немец, лежавший на дне повозки на сене,—его не заметили. Схватка внезапно осложнилась, надо было действовать как можно быстрее. Того, кто правил лошадьми, прикончили ударом ножа в спину, второго скрутили, а по третьему, который бросился бежать, петляя, как заяц, меж кустов, пришлось открыть огонь. Ночную тишину вспороли две-три автоматные очереди. Одна из них настигла немца. Разведчикам теперь надо было уходить уже не тихо и скрытно, как планировалось, а с боем. Гитлеровцы всполошились. Взлетела осветительная ракета, на околице недалекого села поднялась стрельба.

Пленный оказался фельдфебелем (то, что надо!), его принудили быстрым шагом следовать с нами. Два небольших мешка с подводы тоже захватили. Времени мало, но успели заглянуть в них. В одном плитки шоколада, в другом письма. И то и другое пригодится. Наумов передал мешочек с шоколадом Нине со словами:

— Фрейлейн, это вам от немецких поклонников.

Даже в столь напряженной обстановке он был способен на шутку — вот уж истый разведчик с железными нервами!

— Перебежками, от укрытия к укрытию — за мной! — скомандовал майор.

Группа прикрытия уже вела бой, разведчики уничтожали метким огнем бежавших от деревни гитлеровцев. Заставив их залечь, отходили сами.

Втянулись в «Ниночкину балку», перешли по льду Донец, а тут уж и свои. Все живы и невредимы.

Сделали поиск, приволокли фельдфебеля, трофеи, но особого восторга не выказывали. Не все ладно получилось. Недосмотрели на возу третьего гитлеровца, отходили с боем. Раз на раз в разведке не приходится. Сожалели, что после этого нашу лазейку немцы наверняка прикроют.

Плитки шоколада в мешке были лишь сверху, всего несколько штук, а под ними — щетки, сбруя, ремешки какие-то. Нина шоколад взяла себе, угощала им ребят, а мешок с «галантереей» пнула ногой.

— Это можно отнести фрицам назад,— хмыкнула она презрительно.

Здорово «вписалась» эта смелая, немного озорная дивчина в семью разведчиков, вскоре и манеру разговаривать переняла, этакую независимо-насмешливую.

Другой мешок был полон солдатских писем. Переводчики старший лейтенант Ю. Акчурин и капитан Ш. Вафин бегло прочитывали их, приговаривая:

— Стиль совсем не тот, что прежде. Раньше Гретхен просила у Ганса прислать с фронта побольше «прекрасных русских вещей», теперь молится, чтобы Ганс хоть сам вернулся.

— Именно так. Читаю дословно: «Я молю всевышнего только об одном — вернуть мне тебя из этой ужасной России».

Письма с номерами полевых почт представляли некоторую ценность, в разведотделе стоило ими позаниматься.

К письмам прибавились документы и шкатулка денег, рейхсмарок. Фельдфебель, видимо, вез денежное содержание для офицеров и солдат батальона. Документы тщательно изучались, а деньги, куда их... Разведчики вертели купюры в руках, разглядывали из простого любопытства. Кто-то подал мысль, что надо их отправить в разведуправление фронта, там, возможно, могут понадобиться. Так и сделали. Нас за это потом еще и похвалили.

На изюмском направлении, в районе железнодорожной станции и поселка Савинцы, занимала оборону отдельная танковая бригада, имевшая в своем составе менее десятка танков и с полсотни автоматчиков. Своим приказом команду-

ющий фронтом Н. Ф. Ватутин оперативно подчинил эту бригаду штабу нашего корпуса. Генерал А. Ф. Попов направил меня в эту часть для уточнения обстановки, согласования взаимодействия и организации разведки. Все эти вопросы на месте были решены быстро, с тем взаимопониманием, которое присуще фронтовикам. Обратно мы поехали другим маршрутом. Двигались вдоль линии фронта: во-первых, чтобы проверить, где и как несут службу наблюдательные посты разведчиков бригады, а во-вторых, чтобы сократить путь, побыстрее добраться до штаба корпуса. В броневичке со мной вместе — майор С. Царев, водитель сержант И. Кузнецов. Я в башне бронеавтомобиля, у пулемета, внимательно посматриваю вперед и вокруг. Позади меня, за башней, оседлав запасное колесо, пристроился сержант И. Сторожук. Майор С. Царев сличает карту с местностью. Вот высотка, на ней должен располагаться взводный опорный пункт и НП разведчиков. Так и есть. Восемь солдат с сержантом во главе занимают оборону. Отрыты окопы полного профиля, соединены траншеей, оборудованы две площадки для ведения огня из противотанкового ружья, удобно разложены противотанковые гранаты. Вход в подбрустверный блиндаж по-хозяйски завешен трофейной плащ-накидкой. Беседую с солдатами, спрашиваю, как ведет себя противник. Они в свою очередь интересуются общей обстановкой на фронте. Угостили их папиросами. Бойцы сказали, что противник второй день активности не проявляет.

Наши разведчики свой НП выдвинули примерно на километр вперед. Дороги туда нет, связь лишь пешими посыльными. Три-четыре раза в сутки по дороге, где мы следуем вдоль линии фронта, проходят два наших танка с десантом автоматчиков, как бы патрулируя между опорными пунктами. Заодно привозят и пищу в термосах.

Попрощавшись с солдатами, мы продолжали свой путь. Пошел густой, пушистый снег. Скорость нашего броневичка замедлилась, водитель с трудом находил дорогу. И вдруг вижу сквозь белесую пелену силуэт машины. По контурам — немецкая. Откуда она взялась на нашей стороне? Вот остановилась, стала круто разворачиваться. Царев и Сторожук воскликнули в один голос:

— Да это же фрицы!

Я — за пулемет и даю очередь по машине. Она замерла на месте, из кабины выскочили двое гитлеровцев, бросились в кусты. Майор С. Царев и сержант И. Сторожук огнем из автоматов сразили фашистов. Бензобак автомашины охватили языки пламени.

Машина эта оказалась ремонтной летучкой. Ничего интересного для разведчиков в ней не нашлось. В кузове навалом лежали автомобильные скаты, рессоры, какие-то ремонтные агрегаты и бочка с бензином. В углу несколько небольших деревянных ящиков, и чем-то пахучим отдает от них, вроде как табачком «Золотое руно». Сторожук и Кузнецов быстро перегрузили ящики в броневичок, часть внутрь, часть приторочили около башни. Майор С. Царев изъял документы убитых гитлеровцев.

По возвращении в часть разобрались: не табак в ящиках, а какие-то концентраты в брикетах. Запах незнакомый, но приятный. Начпрод подмигнул:

— Сегодня за обедом угощаю всех трофейным блюдом.

В сельской хате была оборудована столовая для командиров штаба — несколько столов, длинные лавки около них, простая посуда. Прошел слух, что разведчики привезли трофейное кушанье, да много, несколько ящиков. С веселым гомоном повалил народ в столовую (а с продовольствием в тот период как раз было неважно).

Попробовали, что-то вроде каши из концентрата — ничего, острый такой привкус, хотя и незнакомый.

Едим день трофейное блюдо, второй... На третий приелось. А ящиков только наполовину уменьшилось.

— И где вы их подхватили, те ящики!..— начали укорять командиры разведчиков.— Не могли добыть чего получше.

Ранней весной 1943 года на изюм-барвенковском направлении шли ожесточенные бои. Гитлеровское командование предприняло большие усилия, чтобы сбросить наши части с занимаемых позиций. В этих боях с обеих сторон изматывались силы, перемалывалась техника. Иные схватки затягивались, наращивались, превращались в настоящие побоища.

Как уже отмечалось, части нашего корпуса в ходе зимних наступательных боев понесли ощутимые потери, нуждались в отдыхе и пополнении. В срочном порядке нам дали на вооружение 40 танков Т-70 — маневренных, легких машин, вооруженных 45-миллиметровыми пушками. Командир корпуса распорядился обратить их на укомплектование 26-й и 169-й танковых бригад. Одновременно были отремонтированы и возвращены в строй около десяти тридцатьчетверок.

В марте обстановка на фронте сложилась для нас еще более неблагоприятно. Фашистские войска вновь захватили Харьков.

Корпус по указанию штаба фронта был перемещен на его правый фланг, в полосу 6-й армии, на харьковское направление. Меня вызвал генерал А. Ф. Попов.

— Поедем в штаб армии—для получения задачи и уяснения обстановки,— приказал он.

Я снарядил «виллис» и полуторку с охраной, как и положено на фронте, да еще при столь неясной обстановке. Выехали к вечеру. Распутица украинского чернозема уже взяла в плен дороги. Густая, вязкая грязь цепко захватывала колеса. Продвигались медленно. На «виллисе» ехали генерал А. Ф. Попов, занявший место на заднем сиденье вместе с радистом, и я — впереди с водителем. В полуторке, следовавшей за нами, находились адъютант комкора капитан Новиков и пятеро солдат-автоматчиков. Она отставала, не помогли и цепи на задних колесах. Решили не ждать ее.

Начинало темнеть, когда мы выехали на полевую дорогу. Сориентировавшись по карте, я определил, что где-то километра через полтора будет перекресток, от которого уж прямой путь к штабу армии.

— Кажется, верно едем,— сказал водитель, уже бывавший в этих местах.

— Правильно,— подтвердил я.— Смотри только внимательно, чтобы не пропустить перекресток.— Откинулся на спинку сиденья и будто провалился в пропасть — уснул мгновенно. При такой усталости меня, казалось бы, и пушкой не разбудить.

— А кто это такие? — вполголоса, почти шепотом, спросил меня водитель, и этот тревожный вопрос сразу же вырвал меня из объятий сна.

Я открыл глаза и увидел впереди справа группу военных в незнакомой форме, с кокардами на шапках.

Шофер остановил машину.

— Свет! — бросил я ему.

Фары высветили впереди солдат, вооруженных нашими автоматами ППШ, в наших шапках-ушанках, но опять-таки — с кокардами.

Распахнув рывком дверцу, я выскочил из машины, схватился за пистолет. Что-то, однако, сдерживало меня от решительных действий, на которые фронтовик всегда готов. Обмундирование на незнакомцах не наше, но ведь и не немецкое...

Их старший сделал шаг вперед, обратился ко мне:

— Командир!..

Я пригляделся: это ж, наверное, чехи, о которых мы уже слышали.

Последующая фраза человека с кокардой, словно пароль, рассеяла сомнения. Он воскликнул:

— Людвик Свобода!

— Чешские воины? Из части полковника Людвика Свободы? Очень приятно.

Генерал Попов, видимо перед тем тоже вздремнувший, окликнул меня из машины:

— С кем ты там разговариваешь? Куда мы заехали?

Я подошел, доложил.

Состоялась встреча с нашими новыми побратимами, чешскими бойцами. Разговаривать без переводчика было затруднительно, но то, что чехи немножко заблудились в украинской степи, мы уяснили и вежливо пригласили их в полуторку, которая к тому времени подтянулась к месту встречи. Чехи с радостью согласились.

Поехали. Алексей Федорович, оглядываясь на тащившуюся за нами полуторку и улыбаясь, заметил:

— Может быть, не так комфортабельно, как в европейском автобусе, зато надежно.

В штабе армии нас предупредили, что командующий тяжело болен, хотя изо всех сил старается держаться на ногах. Генерал Ф. М. Харитонов побеседовал с нами (его речь часто прерывалась сухим удушливым кашлем), разъяснил задачу корпуса. Нашему соединению в составе двух неполных бригад надлежало занять оборону в районе Чугуева, на участке Базалеевка, Кочеток, и не допустить форсирования противником реки Северский Донец.

Выполняя приказ командарма, 169-я и 26-я танковые бригады заняли оборону на указанном рубеже. Штаб корпуса разместился в деревушке под названием Кицевка. Здесь же сосредоточился и разведбатальон, в составе которого, по существу, была неполная рота — три броневичка да два легких английских (из поставок по ленд-лизу) бронетранспортера — разведчики называли их с иронией «черчиллями».

Больше недели удерживали наши части занятые рубежи, отражая яростные атаки гитлеровцев. Всеми видами разведки мы установили прибытие на наш участок танковых дивизий СС «Мертвая голова» и «Рейх». Враг беспрерывно бомбил боевые порядки наших войск, переправу, тылы. Доставалось и нашей Кицевке.

Перед очередной атакой противник нанес сильный бомбардировочный удар по нашим частям. Фашистские экипажи сделали сотни самолето-вылетов, бомбили все подряд, зачастую по нескольку раз одно и то же место. Понесли серьезные потери наши мотострелковые батальоны, были выве-

дены из строя многие танки 26-й танковой бригады, смяты огневые позиции артиллерии.

Затем противник перешел в атаку крупными силами танков и пехоты, нанося удары в разных направлениях. 30 фашистских танков с пехотой, разделившись на две группы, атаковали 169-ю танковую бригаду с обоих флангов. Попытка охвата флангов бригады и отсечения ее от других наших частей противнику не удалась, но обстановка сложилась тяжелая. Одновременно около 40 вражеских танков с пехотой атаковали 26-ю танковую бригаду, значительно ослабленную после массированных ударов гитлеровской авиации и артиллерии. Подразделениям пришлось отойти на новые рубежи.

Наши танкисты в этих боях проявляли стойкость и героизм.

Танк комсомольца сержанта В. Пятых находился в засаде. Он был хорошо замаскирован. Двигавшиеся на его позицию 8 фашистских танков не маневрировали и не вели огня — явный признак того, что немецкие танкисты не видят машину в засаде. Так бы они, наверное, и прошли. Но сержант Пятых принял решение вступить в бой при таком неравенстве сил.

— На то мы и в засаде, ребята, чтобы наносить внезапные удары! — воскликнул он, подбадривая свой экипаж.

Огонь танкисты открыли, когда машины противника приблизились почти вплотную. За их броней, как оказалось, скрывалось целое подразделение гитлеровцев. Немцы тоже начали стрелять по одиночному танку, но вскоре прекратили огонь, стали обходить его справа и слева, зажимать в клещи; очевидно, рассчитывали взять экипаж живым. Пятых и его боевые друзья продолжали наносить по врагу удары и вынудили его вновь открыть огонь. Один из вражеских снарядов угодил под башню. Заклинилась шаровая установка, вышел из строя лобовой пулемет, замолчала поврежденная радиостанция. Сержант Пятых был ранен, но продолжал сражаться и управлять действиями экипажа. Мужество командира вдохновляло танкистов. Метким огнем осажденного танка были выведены из строя несколько машин противника. Разъяренные гитлеровцы усилили огонь. Выстрелом в борт была пробита броня, снаряд разорвался внутри танка. Пятых был ранен во второй раз. Но и теперь, истекая кровью, он не покинул своего командирского места. Экипаж продолжал вести бой, применяя хитроумную тактику: стреляли только тогда, когда вражеские машины подходили вплотную. Экономили каждый снаряд.

— Живыми не сдадимся! — сказал сержант Пятых.

Пять вражеских танков подбили и сожгли храбрые воины и победили в этой неравной схватке.

А в это время шел столь же яростный огневой бой на участке, где находилась в засаде другая краснозвездная машина. Экипаж под командованием младшего лейтенанта Н. Р. Ирикова тоже подпускал вражеские танки на близкую дистанцию и расстреливал их в упор. На эту засаду натолкнулась целая колонна фашистских танков, пытавшихся обойти небольшую рощу и ударить нашим подразделениям во фланг. Экипаж Ирикова вел огонь только на поражение. Вот загорелась одна вражеская машина, вторая... Подбита третья. Снаряд разорвался на броне и нашего танка. Получил ранение радист-пулеметчик. Танкисты продолжали сражаться. Не прошли и на этом участке вражеские танки. Экипаж младшего лейтенанта Ирикова уничтожил пять фашистских машин и до роты пехоты противника. В этом бою пал смертью храбрых командир экипажа. Младшему лейтенанту Николаю Романовичу Ирикову было посмертно присвоено звание Героя Советского Союза. Но это потом, спустя несколько месяцев. А тогда, вскоре после боя, однополчане Николая послали письмо матери героя — Елене Васильевне Ириковой. Сообщили с гордостью о подвиге ее сына и с горечью — что нет уже его в живых. И мать ответила, не скоро правда. Может быть, долго раздумывала над письмом на фронт, а может быть, времени не было. Женщины ведь работали в тылу от зари до зари. То письмо-треугольничек облетело все наши подразделения, читали его танкисты с понятием и уважением, а крепкой затяжкой табачка старались скрыть свое волнение и не выдать суровых мужских слез. Елена Васильевна писала, что четверо ее сыновей ушли на войну. Двое погибли в первый год, третий, Николай, вот теперь. Все с наградами за храбрость. Четвертый, самый младший, Алеша, вернулся в село. Имеет два ордена и четыре ранения...

Бои с гитлеровскими войсками, стремившимися развить успех, носили, как сообщалось в сводках Совинформбюро, тяжелый характер. Наши танковые бригады потеряли почти все боевые машины, сильно поредели мотострелковые батальоны.

По приказу штаба фронта части корпуса отошли на восточный берег Северского Донца. Когда переправлялись через реку, мартовский ослабевший лед прогибался волнами.

В конце марта линия фронта стабилизировалась, наши части стали закрепляться на занятых рубежах. Остановились и вражеские войска, видимо окончательно выдохлись. Обе стороны перешли к обороне.

Никто не сомневался, что в районе Харькова гитлеровцам лишь временно удалось продвинуться, что в ближайшее время ситуация изменится и советские войска вновь перейдут в наступление. В сорок третьем году иначе мы уже и мыслить не могли.

Когда укрепляется, совершенствуется оборона, работы всем хватает — и солдатам-землекопам, и командирам-прорабам, но все-таки фронтовая жизнь в эти дни и недели обретает особый уклад, своеобразие и определенную надежность. Солдаты и горячего поедят вовремя, и помоются в полевой баньке, и поспят в землянках. В расположении частей утверждается гарнизонный порядок. Пробуждаются у людей такие мысли и чувства, заводятся такие разговоры, для каких не бывает ни места, ни времени в бурлящем, скоротечном наступлении.

В землянке разведчиков в поздний час, когда большинство народа уже спало, я прислушался к тихому разговору наших переводчиков.

— Под Харьковом немцы крепко нажали, но уж не так, как бывало в сорок первом,— сказал Юра Акчурин.

— Если не так, то нечего было сдавать город,— проворчал Шамиль Вафин.

— Видно, не хватило сил удержать. Наш корпус тоже на этом направлении действовал, и что от него осталось, мы с тобой знаем. Немцы стянули туда, наверное, все, что могли, создали перевес и двинули, понимаешь... Вопрос в том, почему именно здесь и что они замышляют в дальнейшем?

— Твои стратегические соображения, может быть, и представляют ценность,— съязвил Шамиль,— да не в них дело. Речь о другом. Я от одной мысли не могу избавиться ни днем ни ночью. Да разве я один? Мы во второй раз отдали людей в фашистскую неволю. Опять бесправие, гестаповские застенки, полицейские виселицы. Как все это пережить людям?! Лучше бы позже освободить город, но раз и навсегда.

— Ты прав...

— Толку-то от этой правоты... Я всегда ненавидел гитлеровцев, хотя мне на допросах пленных приходится вежливо с ними обращаться, с этими варварами и людоедами. Причем все одним миром мазаны. Нам когда-то в школе толковали, что, мол, немецкие рабочие наши друзья и все-

гда с нами, что только немецкие капиталисты враги. Ерунда все это! Ты их видел не меньше меня — и рабочих, и торгашей, и буржуев. У всех одна военная форма, одинаковая идеология. Только по-разному ведут себя в плену — кто угодливо, кто нагло, кто трусливо. И немецких рабочих Гитлер не столько одурачил и погнал на войну, сколько поманил дармовым куском, перспективой неподсудных разбоя и грабежа на чужих землях... Все варвары, изверги. Национальный характер это. Не могу я больше работать тут в штабе, буду проситься в строй, в пехоту, чтобы самому уничтожать их.

— Понимаю тебя, Шамиль, и чувства твои разделяю. А с выводами не согласен. Не в национальном характере дело, не в «арийской породе» корень зла. Да, фашизм, преступная клика Гитлера вовлекли массы людей в захватническую войну, но у Гитлера и простого немецкого солдата, который только орудие в руках капитала и нацистской верхушки, неодинаковая вина и ответственность за содеянное.

Шамиль пробурчал что-то невнятное, видно не найдя чем возразить товарищу, долго ворочался, укрываясь своей коротковатой шинелью, сказал решительно напоследок:

— Уйду в строй, на передовую... Кто мне запретит?

Акчурин тоже, наверное, считал разговор оконченным. Но все же, помолчав немного, откликнулся:

— Уйдешь... Если пошлют.

Находясь в обороне, занимаясь строительством инженерных укреплений и заграждений, мы думали о том, как будем наступать.

Корпус вывели в резерв фронта. Наши части расположились в районе Уразова, что южнее Валуек. В течение двух месяцев бригады пополнялись личным составом и боевой техникой, проводились тактические занятия и учебные стрельбы.

Командующий Юго-Западным фронтом генерал-полковник Р. Я. Малиновский поставил 2-му танковому корпусу задачу быть готовым к нанесению ударов на трех направлениях и иметь в виду четвертое — на левом фланге.

Командиры штаба корпуса, в том числе и я, непрерывно занимались рекогносцировками. Едва возвращались из одной поездки, немедленно направлялись в другую. Каждый день и почти каждую ночь (темное время суток тоже старались использовать) мы работали на местности, намечая участки, удобные для развертывания своих частей, определяя танкоопасные направления со стороны противника, вы-

полняли многочисленные расчеты, наносили необходимые данные на карты. На каждом направлении будущего танкового удара требовалось отрекогносцировать маршруты выдвижения, рубежи развертывания. Маршруты проходили через тылы и боевые порядки стрелковых дивизий, удерживавших оборону, нередко в узком «перешейке» между минными полями, поэтому многие вопросы приходилось согласовывать на месте с командирами и штабами частей. А передовая даже и во время обороны никогда не была удобным местом для встреч и совещаний. Стоило появиться где-то на высотке или у опушки группкой, как дежурные огневые средства противника в момент начинали окаймлять то место минами и пулеметными очередями. Не дремали и вражеские снайперы.

Все больше проявлялась в этот период организаторская роль нашего нового начальника штаба полковника В. В. Кошелева. Он умел работать с перспективой, всегда замечал чью-нибудь инициативу и всячески ее поддерживал, учил командиров штаба концентрировать усилия на главных направлениях. По моим личным представлениям работа в отделах штаба, в том числе и в разведотделении, усложнилась, но вместе с тем работать стало лучше. В мозговом центре, как порой образно называют штаб, более активно заработала военная мысль — это с удовлетворением было замечено всеми.

Разведуправление фронта провело учебные сборы, на которые были привлечены начальники разведки соединений. Руководители занятий требовали от нас в боевой обстановке дерзких действий и подкрепили это практическим показом различных эффективных приемов разведки. Скажем, налет. Средь бела дня наша артиллерия внезапно начинает обстрел выбранного (по известным данным) участка вражеской обороны. А разведчики, скрытно выдвинувшись заранее почти вплотную к линии разрывов, лежат наготове. Пушки умолкают, они вскакивают, забрасывают гранатами опорный пункт противника, врываются в его расположение, хватают двух-трех «языков» и назад. Артиллерия вновь дает плотный огонь, прикрывая их отход. Дерзкий прием, что и говорить. Но организовать и подготовить его не так-то просто. Одной смелостью да удалью тут не возьмешь, надо по секундам и по метрам рассчитать взаимодействие артиллеристов и разведчиков, предусмотреть быстрое и правильное решение вводных, неожиданно продиктованных обстановкой. Делался, кстати, упор на более эффективное использование радиосредств. Уже вводились

в практику нашей работы радиостанции. Разведчики, уходившие в поиск, теперь непременно имели с собой портативную рацию и для прослушивания переговоров врага, и для связи со штабом.

На заключительном занятии сборов перед нами выступил командующий фронтом генерал-полковник Р. Я. Малиновский. Мне он показался человеком необыкновенным. Герой революционных событий в Испании, известный в интернациональных бригадах «полковник Малино», он говорил с нами спокойно, знающе, умно. Мужественные и вместе с тем добрые черты лица, гладко зачесанные назад волосы, проницательные глаза, голос ровный, негромкий, а каждая фраза западает в душу — таким запомнился мне Родион Яковлевич в ту встречу в штабе Юго-Западного фронта. Он охарактеризовал оперативную обстановку, разъяснил наши задачи, а потом завел с нами обстоятельную и поучительную беседу, в которой много внимания уделил солдатской психологии. И тогда на фронте, и в послевоенные годы, уже будучи Министром обороны СССР, Родион Яковлевич всегда умом и сердцем своим обращался к солдату — к человеку, который при своем звании рядового исполняет главную роль на войне.

Все, что мы получили на сборах, чему научились, надо передать своим разведчикам — так я считал. Попросил у генерала А. Ф. Попова разрешения провести у нас в корпусе ряд практических занятий. Он одобрил.

Готовились мы тщательно. Мой заместитель подполковник М. Наумов, командиры разведотделения майор В. Гребенников, капитаны Н. Московец, В. Тугарияов предусмотрели, казалось, все, чтобы запланированные учебно-показательные действия послужили хорошей школой, способствовали повышению профессионального мастерства разведчиков.

За время пребывания в резерве фронта наш корпус просто-таки преобразился — окреп и вырос. Танковые бригады имели теперь по 65 машин каждая, полный комплект экипажей. Пополнилась до штата мотострелковая бригада. В состав корпуса входили новые части — гаубичный и зенитно-артиллерийский полки, минометный полк, саперный батальон. На особом счету, окруженный всяческим вниманием, находился включенный в наш штат дивизион «катюш».

Как-то под вечер в свободную минуту заглянули ко мне двое командиров из оперативного отдела.

— Пойдем с нами,— предложил один из них.— На свидание с девчатами. Огонь—девчата! И всех одинаково зовут...

— Пойдем,— согласился я, сразу поняв, о чем идет речь, каких девчат они имеют в виду.

И не одни мы пришли в реактивный дивизион. Народу там собралось порядочно. Несколько раньше туда были собраны штабные командиры. Танкисты осматривали установки, интересовались их тактико-техническими данными, а минометчики не без гордости рассказывали о своем мощном оружии.

Стройную систему обрели наши тылы и ремонтные органы. Они теперь были способны обеспечить действия боевых частей в самой сложной обстановке. В корпусе появился свой медико-санитарный батальон.

Его начальник майор медслужбы Ю. С. Шкода прошел весь боевой путь с 26-й танковой бригадой, проявил себя отличным врачом-хирургом и умелым организатором лечебной работы в полевых условиях. Мы подружились с ним, и эта фронтовая дружба продолжалась потом многие годы, когда Юрий Саввич был начальником медслужбы Уральского военного округа, Харьковского военного госпиталя. Встречались с ним и совсем недавно. Годы, конечно, наложили свой отпечаток, но в характере Юрий Саввич не изменился — такой же деятельный, обязательный, жизнерадостный. В боевых условиях именно эти качества помогали ему в нелегкой службе начмеда корпуса. Он занимался множеством вопросов, связанных с эвакуацией и лечением раненых, организацией санитарного режима в частях, обучением медицинского персонала. Мы всегда его видели озабоченным делами и вместе с тем готового откликнуться на любую просьбу. Общительный и доброжелательный, он никому не показывал своих переживаний, а ведь его жена с сынишкой находились в оккупированном фашистами Днепропетровске. К счастью, они оказались живы, когда город освободили советские войска. Мы порадовались этому вместе с Юрием Саввичем, нашим боевым другом. Его жена Ирина, кстати, стала военным врачом и работала в медсанбате до конца войны.

Под стать Юрию Саввичу был начальник снабжения медсанбата капитан медслужбы Ф. Мусоров, толковый, запасливый хозяйственник. При развертывании госпиталя все у него нашлось в нужном количестве — палатки, постели, медикаменты. Человек веселого нрава, любитель остроумных одесских шуток-прибауток, он на разные со-

бытия нашей фронтовой жизни непременно откликался песенкой собственного сочинения.

Так же, как наш корпус, и другие соединения, находившиеся временно в резерве, пополнились личным составом, вооружились новой техникой, выросли в штатах. Из госпиталей возвращались после излечения солдаты, сержанты, средние командиры, каждый из которых стремился в свою часть, в свое подразделение. Боевая техника прибывала эшелон за эшелоном.

— И где только, откуда все берется!..— изумлялись фронтовики, знавшие по письмам, каково сейчас в городах и селах страны.

— В тылу работают по две-три смены подряд, сутками,— заметил начальник политотдела И. Г. Деревянкин.— Живут не сыто. Для фронта же, как мы знаем, как видим, дается все.

Осознание фронтовиками всенародного трудового подвига рождало у них боевой порыв. Единство фронта и тыла превратило страну в несокрушимый боевой лагерь.

Пребывание в резерве затягивалось. То и дело слышалось среди танкистов: «Когда же опять в бой, в атаку?»

И вот оно... В первых числах июля корпус подняли по тревоге. Приказом, поступившим ночью в штаб, нам предписывалось передислоцироваться с Юго-Западного на Воронежский фронт.

ПРОХОРОВКА

Готовясь к летнему наступлению сорок третьего года, гитлеровское командование пополнило свои соединения личным составом и боевой техникой, провело дополнительную мобилизацию, перебросило ряд свежих дивизий с запада на советско-германский фронт. К июлю 1943 года враг сосредоточил на орловском плацдарме группировку войск в составе 2-й и 9-й полевых армий, а северо-западнее Белгорода — 4-ю танковую армию и несколько механизированных соединений. Общая численность немецко-фашистских войск составляла здесь более 900 тысяч солдат и офицеров, они имели до 2700 танков и самоходных орудий (в том числе «тигры», «пантеры» и «фердинанды»), более 10 тысяч пушек и минометов. Для поддержки наступления с воздуха противник собрал на близлежащих аэродромах более 2000 самолетов.

План гитлеровского командования заключался в том, чтобы нанести по советским войскам, удерживавшим так на-

зываемый Курский выступ, мощные удары обеими своими группировками, а далее, развивая успех, слить две группировки в районе Курска и предпринять новое наступление на Москву.

Этот план врага не был тайной для советского командования. Наша разведка сумела установить сроки и направления вражеских ударов. И задолго до этих сроков началась капитальная подготовка к сражению. В мае — июне на Курском выступе проводились большие работы на оборонительных рубежах. Отрывались траншеи, ходы сообщения, сооружались убежища, блиндажи, оборудовались командные и наблюдательные пункты. По дорогам из тыла к фронту (только в ночное время) шли колонны машин и повозок, доставлявших боеприпасы, горючее и смазочные материалы, продовольствие. На железнодорожных станциях разгружались войска, боевая техника. Все материальные ценности надежно зарывались в землю, маскировались.

Начальник штаба корпуса полковник В. В. Кошелев, вернувшись из штаба фронта, доложил на совещании командного состава общую обстановку, складывающуюся на фронте.

— Замысел немецко-фашистского командования, видимо, состоит в том, — говорил начштаба, показывая на карте, — чтобы концентрированными ударами с флангов прорвать нашу оборону в общем направлении на Курск на узком участке фронта. Этим самым предполагается уничтожить советские войска на Курском выступе, после чего — развивать наступление в глубь страны. Так что нам с вами надо быть готовыми действовать на этом направлении.

Слушая полковника, каждый из нас давал себе отчет в том, что предстоящая битва явится тяжелым испытанием для воинов корпуса.

А каким он был тогда, наш корпус? В период переформирования в районе Уразово, Валуйки бригады были полностью доукомплектованы личным составом и боевой техникой. Подразделения, части и штабы в ходе боевой учебы были хорошо сколочены и боеспособны. Сказывался, правда, недостаток автотранспорта, особенно в мотострелковой бригаде и в мотострелковых батальонах танковых бригад. Нашим стрелкам предстояло совершать марши только в пешем строю. А это, в свою очередь, снижало темпы выдвижения, сковывало маневр всего корпуса.

Кто-то из участников совещания спросил, почему, дескать, такой некомплект автотранспорта.

— Не дали машин, потому что, видно, нету, — мрачновато ответил Кошелев. — Не одни мы с вами на фронте...

Комкор молча кивнул. К тому, что было сказано, добавить нечего. Всем положение ясно. Генерал поставил задачи:

— В оставшееся время командирам, штабам провести по вероятным направлениям дополнительные рекогносцировки, окончательно уточнить боевые документы, отработать с подразделениями варианты действий, особенно в предвидении встречного боя.

На рассвете 5 июля началось... Но не с немецкой стороны, а с нашей. Были нанесены массированные удары советской авиации и артиллерии по исходным позициям противника, по вражеским армадам, изготовившимся к броску вперед. Множество бомб, снарядов, мин рвалось на огневых позициях вражеских батарей, готовившихся к стрельбе, в районах сосредоточения подтянутых к переднему краю дивизий.

Огневая контрподготовка, этот упредительный удар по врагу, в значительной степени дезорганизовала боевые порядки немецко-фашистских войск перед их наступлением. Для восстановления системы огня и управления войсками гитлеровское командование вынуждено было оттянуть время атаки на 2,5—3 часа, что, безусловно, сказалось отрицательно как на планах, так и на самих действиях противника.

Уже в ходе наступления гитлеровцы то и дело меняли направления ударов — пытались отыскать слабые звенья в нашей обороне. Видно, не могли уже идти, как бывало, напролом. Всюду немцы натыкались на стойкое сопротивление советских войск. Лишь ценою огромных потерь в живой силе и технике противнику удалось вклиниться кое-где в нашу оборону на 20—30 километров.

Вдоль Обоянского шоссе противник ввел в бой одновременно до 700 танков. Около 300 танков наносили удар в направлении Корочи.

2-й танковый корпус включился в боевые действия несколько позже. В ночь на 8 июля наши части, совершив марш из района Уразова, сосредоточились вблизи станции Прохоровка. Противник подтянул сюда свои отборные дивизии «Мертвая голова» и «Рейх». Перед фронтом частей корпуса было до 300 танков, большое количество самоходной артиллерии, пехоты.

На НП около Прохоровки комкору лично ставил задачу командующий Воронежским фронтом генерал армии

Н. Ф. Ватутин. Я при этом присутствовал и помню, что речь шла об удержании оборонительных рубежей и танковых атаках. Подразумевались контратаки, ибо наступали пока что гитлеровцы. Мы оборонялись. Но командующий, как мне казалось, намеренно не употреблял термин «контратака», он с ударением говорил «атака». Это было и понятно и оправданно. Нам, танкистам, надлежало нанести удар, парировать активность противника решительными атаками.

Какое танковое побоище начинается под Прохоровкой, мы еще не представляли, но были готовы ко всему в любую минуту. Командиры наших частей и подразделений, имевшие за плечами немалый боевой путь, носившие на гимнастерках красные и золотистые нашивки ранений, думали над вариантами предстоящих танковых атак; экипажи, знавшие запах порохового дыма, цену боевым успехам и потерям, спокойно и старательно готовили к действиям свои стальные машины.

С нашего корпусного НП, расположившегося на южной окраине деревни Правороть (в двух-трех километрах юго-восточнее Прохоровки), открывается широкая панорама. На местности впереди будто ничего особенного нет, ни взрывов, ни столкновений, и вместе с тем по каждому случайному звуку, по скрытному передвижению чувствуется, что назревает здесь что-то необычное. Вот как тучи сгущаются перед грозой, как затишье перед раскатами грома. Зловещее такое, душное затишье...

На земле затишье. А в небе давно гремит и завывает. С сильным, пригибающим тебя к земле ревом проносятся над головами штурмовики Ил-2, эти «летающие танки», повыше летят клиньями в сторону противника бомбардировщики Пе-2, истребители, наши «яки» и вражеские «мессершмитты» носятся в огненной круговерти по всему небу.

Правее совхоза «Комсомолец», что впереди, обозначились танки противника, их боевые порядки рассредоточены по фронту и в глубину. Даже трудно прикинуть, сколько их, движущиеся бугорки раскинулись на поле во всю ширь.

— Вперед! — звучит по радио команда нашим танкистам.

Почти одновременно взревели двигатели десятков и сотен танков Т-34 и КВ. Навстречу вражеской танковой лавине устремилась наша — боевые порядки 2-го танкового корпуса, 2-го гвардейского Тацинского танкового корпуса, других соединений.

О Прохоровском танковом сражении написано много, но большинство авторов в своих воспоминаниях рассказывают в основном о событиях 12 июля, когда вводилась в бой 5-я

гвардейская танковая армия. Нет слов, то был апогей величайшего сражения. Но ведь и до этого, в течение нескольких суток, происходили существенно важные события на полях между станцией Прохоровка и одноименной деревней. Несколько танковых соединений, в том числе и наш корпус, последовательно, день за днем, в «рабочем порядке», что ли, перемалывали боевую технику, живую силу противника. В частности, был выведен из строя танковый эсэсовский корпус противника, утратили боеспособность другие вражеские дивизии и корпуса.

Встречный бой 8 июля завязался на огромном пространстве. Весь день над полем стоял сплошной гул, висели облака дыма, сверкали сполохи орудийной стрельбы. Стороннему глазу показалось бы это адом кромешным. Но командиры наших частей и подразделений хорошо ориентировались в сложнейшей обстановке массового танкового сражения, умело руководили боевыми порядками батальонов, рот, взводов. Четко работал, крепко держал командные нити штаб корпуса. Искусство управления боем всегда важно, а здесь оно стало фактором победы или поражения.

Сражение постепенно расчленялось, встречные бои полыхали очагами в разных местах. То тут, то там огневой бой превращался в таранный, танки сходились вплотную, сшибались броней, лезли друг на друга. И уж не только стороннему наблюдателю, а и видавшему виды фронтовику могло показаться, что схватки лишились управляемости, что они подвластны только стихии, нагоняющей с обеих сторон стальные валы танков.

Миновали сутки в такой железной сутолоке, вторые, пошли третьи. Наши танкисты, по существу, не выходили из боя, выкраивая посменно время на заправку машин, на обед, на трех-четырехчасовой сон где-нибудь в окопе, и опять вскакивали в люки танков.

В крайнем ожесточении велись бои, смерть разгуливала по полю, но смятения, паники ни у кого не было. Впервые пришлось нам встретиться с пресловутыми «тиграми». Они вели огонь на поражение с дистанций, превышающих возможности наших тридцатьчетверок, их снаряды представляли опасность для брони Т-34. Наши экипажи довольно-таки быстро приноровились действовать и против «тигров»: старались так сманеврировать, чтобы бить по их бортовой броне, гусеницам, другим уязвимым местам. Не один десяток вражеских машин нашли гибель под Прохоровкой. Я видел «тигр», сраженный даже не танкистами, его буквально заклевала пехота. Немало было вмятин на нем, пробоин, ра-

зорваны гусеницы, кто-то из смельчаков попал противотанковой гранатой в моторное отделение, поджег железную громадину. Обожженный, искореженный «тигр» высыпался на поле грудой металла.

Разбитые, испускающие черный дым «тигры» стояли повсюду, где перед тем происходили танковые бои.

Вместе с танкистами в противоборство с новой техникой врага смело вступали артиллеристы. Воины двух героических профессий умело взаимодействовали, поддерживали друг друга при любых поворотах обстановки на поле боя. Пушкари, как мы с братской любовью называли артиллеристов, старались подпустить вражеские танки на 400—500 метров, но доставали их и на дальних дистанциях, сразу же сбивая с немецких экипажей половину азартности в атаке, а когда фашисты все же приближались — расстреливали танки прямой наводкой.

Беззаветной отвагой, высоким огневым мастерством отличился в одном из боев Прохоровского сражения 19-летний комсорг артдивизиона наводчик сержант Михаил Борисов. Основой его действий был точный профессиональный расчет. Первого «тигра» он поджег на средней дистанции, второго и третьего поразил вблизи огневой позиции орудия. Заметив, что «тигр» берет правее, в обход, Михаил метким выстрелом «разул» его — сбил гусеницу. Гитлеровцы обнаружили орудие, нанесшее им столько ударов, стали вести по нему интенсивный огонь. Снаряды рвались рядом. Окоп и траншея служили укрытием для расчета, но не всегда. Оглохший от адского грохота, сержант Борисов продолжал вести бой. Мужественно, умело действовал в столь тяжелых условиях и весь расчет орудия. Выстрелы следовали один за другим, почти каждый снаряд попадал в цель.

Эпизоды противотанкового боя почти всегда имеют весьма драматическое развитие. Расчет орудия и танковый экипаж, вступая в противоборство, сознают, что одному из них суждено погибнуть. Или ты поразишь ее, стальную громадину, или она тебя вместе с твоей пушкой вдавит в землю. И нередко наводчик, только встав к панораме, уже падает, сраженный, а его место занимает другой. Порой же первый вражеский снаряд накрывает весь расчет. А тут артиллеристы выстояли в жесточайшей схватке с танками. Наводчик с исключительным самообладанием, с высочайшей четкостью делал свое дело. Повезло? В рубашке родился? Наверное, отважным всегда везет.

Восемь фашистских танков уничтожил и подбил со своим расчетом сержант Михаил Борисов. За этот выдающий-

ся подвиг ему было присвоено звание Героя Советского Союза.

Новые образцы вражеской боевой техники с их претенциозными названиями — «тигры», «пантеры», «фердинанды» — не сделали ожидаемого гитлеровцами чуда. Их тоже научились бить наши воины.

Третьи сутки сражения, пожалуй, ничем не отличались от предыдущих — все те же жестокие бои. Наш корпус действовал в полосе 6-й гвардейской армии, правее — 1-я танковая армия.

На четвертые сутки положение в какой-то мере стабилизировалось, боевые действия потеряли свою прежнюю активность. К вечеру 10 июля наши войска закрепились на рубежах под Прохоровкой, и было передано по всем каналам связи: держаться стойко, ни шагу назад! Ослабился натиск со стороны противника. Вроде бы наметилась передышка. Надо было понимать, передышка непродолжительная, ибо ни одна из сторон не достигла поставленных целей.

Утро 11 июля наступило в относительном спокойствии: изредка постреливали орудия, вдали гудели одиночные двигатели. Занялся прохладный рассвет. По горизонту разлилось оранжевое половодье.

Несколько командиров, в том числе и я, находились безотлучно на НП корпуса, расположенном в окопе на огородах села Правороть. Помню, взглянул на часы: 4 часа 15 минут. Я стал наблюдать через стереотрубу, стараясь уяснить, что произошло на стороне противника за ночь. Отвел глаза, почувствовав, что кто-то настойчиво трясет за локоть. Командир отделения разведки сержант Сторожук говорил мне, сбиваясь на свой рóдной украинский:

— Товариш пидполковник! Якэсь вэликэ начальство прийихало. Ось воны йдуть вже сюды...

Подкатили две машины, из них вышли несколько генералов. Впереди — высокий, с седыми висками из-под полевой фуражки, на погонах у него большие, незнакомые мне звезды. Маршала я видел впервые и не сразу нашелся. Но когда он приблизился вплотную, я подтянулся, сообразил, что к чему, и представился по форме:

— Товарищ Маршал Советского Союза, начальник разведки Второго танкового корпуса подполковник Ивановский.

Маршал А. М. Василевский поздоровался за руку, спросил:

— Как обстановка, товарищ Ивановский? Как ведет себя противник?

Я доложил последние данные о противнике, показал на местности и по карте положение наших частей. Неприметно мигнул Сторожуку, и тот понял, помчался за комкором.

Генерал Попов, прилегший на пару часов отдохнуть, явился незамедлительно. Маршал пожелал послушать его, и он стал докладывать, как нам показалось, с академической пунктуальностью. Указал направления на север и на юг, уточнил, что НП корпуса находится на околице села Правороть, водил при этом острием карандаша около карты, не касаясь ее.

На лице маршала промелькнула усмешка. Прервав мягким жестом речь генерала, он сказал просто:

— Ваша задача, товарищи, продержаться сутки на занятых рубежах, продержаться во что бы то ни стало. Ожидается, что на этом направлении немцы бросят в бой свои отборные дивизии «Великая Германия», «Рейх», «Мертвая голова»... Надо, повторяю, продержаться. Одни сутки... Завтра будет уже легче.

А. М. Василевский отозвал комкора в сторонку. Присели они в междурядьях кукурузы и минут десять беседовали наедине.

Генерал Попов позже нам сказал:

— Завтра 5-я гвардейская танковая армия Ротмистрова нанесет здесь удар.

Бились несколько суток, а тут еще удар... Силами целой танковой армии! Есть, однако, резервы у советского командования — радостно было это сознавать.

С полчаса пробыл маршал А. М. Василевский на нашем НП. А только уехал, и сразу же будто взорвалась тишина. Налетели со своим воем и смертоносным грузом бомбардировщики, начался массированный артобстрел. Разверзся на поле под Прохоровкой тот же ад кромешный, который бушевал здесь в предыдущие несколько суток. Вражеские танки волна за волной шли в атаку, пытаясь прорвать нашу оборону, вклиниться в наши боевые порядки. Передовым гитлеровским частям удалось достигнуть окраины Прохоровки. За это село, ничем особым не примечательное, дрались, как за крупный город.

Главный удар гитлеровцев прошел на большую глубину. Он рассек нашу 99-ю танковую бригаду.

— Не допустить потери управления! — приказал комкор.

Он смотрел на меня, и я решил, что его слова относятся только ко мне. Вскочив в бронетранспортер, я помчался в 99-ю бригаду. Подполковник С. Малов и его КП в ту ми-

Январь 1942 года. В освобожденном Можайске жители тепло встречают воинов 2-го танкового корпуса

Перед атакой. Саперы действуют умело...

Работннкн разведотделення штаба корпуса: слева — майор Ш. Вафнн, в центре — старший лейтенант Ю. Акчурнн

Мнтннг во время передачн воннам корпуса танковой колонны «Тамбовскнй колхозннк». Представнтель сельхозартели «Красный пахарь» П. Е. Помыкалов прнзывает фронтовиков крепче бить ненавистного врага

На НП 2-го танкового корпуса. Слева — начальник штаба полковник В. Кошелев

Перед форсированием Днепра. Рекогносцировка

Форсирование Днепра началось...

Правобережная Украина. Танкисты уже гвардейцы. В боевых порядках. Уточнение задачи. В центре — генерал-лейтенант танковых войск А. Попов, справа — полковник И. Деревянкин

Разведчики выдвигаются вперед

В ходе боев под Данцигом. Постановка задачи экипажу

9 мая 1945 года. Офицеры штаба 62-го гвардейского тяжелого танкового полка сфотографировались на память. В первом ряду (слева направо): капитан Б. Фролов, майор И. Кавьяров, полковник Е. Ивановский и подполковник Ф. Клинов

Еще один снимок на память о боевой дружбе

После Победы. Генерал-лейтенант танковых войск А. Попов (в центре) с офицерами штаба, политотдела и командирами частей

После войны. Встреча воинов Группы Советских войск в Германии с Генеральным секретарем ЦК СЕПГ Эрихом Хоннекером

День Победы 1982 года. В одном из гарнизонов Краснознаменного Белорусского военного округа состоялась встреча ветеранов 8-го гвардейского танкового корпуса. Хлеб-соль принимают (слева направо): бывшие заместитель командира 62-го гвардейского тяжелого танкового полка по политчасти В. Судак, начальник политотдела 8-го гвардейского танкового корпуса Н. Колосов и начальник артиллерии корпуса В. Грецов

Встреча много лет спустя после войны. Е. Ф. Ивановский и бывший механик-водитель его командирского танка Г. Желнин

нуту действительно находились в тяжелом положении. Танк комбрига был подбит, а сам Малов — ранен. Командир связи повез его в бригадный медпункт на перевязку. Так что моя помощь была не лишней. Некоторое время для управления бригадой использовалась радиостанция, имевшаяся на моем бронетранспортере. Часа через два перебинтованный комбриг вновь управлял боем.

В эти дни напряженных боев начала выходить только что созданная корпусная газета. Название ее родилось в горниле сражения и звучало символично — «В решающий бой!». В руках солдат и командиров теперь часто можно было видеть небольшой листок нашей многотиражки. «Воины готовы скорее погибнуть, чем уступить врагу хоть пядь родной земли! — говорилось в передовой статье очередного номера газеты. — Своим мужеством, силой своего оружия они завоюют победу. Вперед, танкисты!».

Редактором корпусной газеты оказался командир, которого я несколько раз видел во время учебы в политотделе академии, майор В. П. Судак. Как-то мы разговорились, и я узнал, что он окончил Харьковский институт журналистики. А как он работал на фронте, приходилось порой наблюдать воочию. В штате редакции всего несколько человек, Виктор Судак — в роли и редактора, и репортера. Впоследствии нам довелось вместе служить — в 1945 году он был назначен (ненадолго, правда) заместителем командира 62-го тяжелого танкового полка по политчасти. Ныне Виктор Порфирьевич Судак — председатель совета ветеранов 8-го гвардейского танкового корпуса.

11 июля в район действия корпуса прибыли батальоны мотострелковой бригады, совершавшие марш в пешем строю и потому запоздавшие. Мотострелковые подразделения были распределены по танковым бригадам для усиления обороны.

После перегруппировки сил, длительной авиационной и артиллерийской подготовки противник начал свое последнее, яростное наступление в направлении Прохоровки, Правороти, Сторожевого. На боевые порядки корпуса двигалось около 100 вражеских танков, много самоходных орудий, четыре полка пехоты. Наступление велось двумя эшелонами при почти непрерывной поддержке бомбардировочной авиации. Бой длился два часа. Противнику удалось продвинуться на глубину всего 800—1000 метров, но вскоре он был отброшен нашими танкистами. Несмотря на большие потери, гитлеровцы через некоторое время предприняли пов-

торную атаку в том же направлении. Они ввели в бой свежие силы, спешно подтянутые из глубины. После шестичасового боя части корпуса, понеся ощутимые потери, оттянулись на рубеж 3 километра западнее Прохоровки. К вечеру в районе Андреевки превосходящими силами врага была окружена 99-я танковая бригада. Всю ночь она вела боевые действия в окружении. Раненый комбриг подполковник С. Малов оставался в строю и управлял боем. Связь по радио с командованием корпуса не прерывалась. Утром комбригу было подсказано, куда надо наносить удар, и бригада сумела вырваться из вражеского кольца, соединиться с другими нашими частями. Одновременно пришло печальное известие: прямым попаданием мины разбит командирский «виллис», находившиеся в нем подполковник С. Малов, шофер и радист погибли.

По приказу командующего фронтом наш корпус вышел из оперативного подчинения 69-й армии и вошел в состав 5-й гвардейской танковой армии. Командарм приказал: прикрывшись одной бригадой от флангового удара, главными силами наступать в направлении Сторожевого.

День 12 июля в Прохоровском танковом сражении выдался самым напряженным, самым жестоким и решающим.

Бои, собственно, шли уже несколько суток, но последнее грандиозное столкновение противоборствующих сил вот-вот должно было произойти. Группировка противника к этому моменту насчитывала до 700 танков и самоходных орудий, больше сотни из них — «тигры». За счет выдвижения резервов она могла быть увеличена до тысячи танков.

В мощном контрударе с нашей стороны по решению Ставки Верховного Главнокомандования принимали участие 5-я гвардейская и 1-я танковые, 5-я и 7-я гвардейские армии. С воздуха их поддерживали 2-я воздушная армия, части 17-й воздушной армии и тяжелые бомбардировщики авиации дальнего действия. 5-й гвардейской танковой армии были приданы наш и 2-й гвардейский танковые корпуса. Итого в распоряжении генерал-лейтенанта П. А. Ротмистрова находилось 850 танков Т-34 и самоходно-артиллерийских установок.

Ранним утром 12 июля краснозвездные бомбардировщики и штурмовики нанесли мощный удар на узком участке по скоплениям танков 2-го корпуса СС. Массированный огонь обрушила на противника наша артиллерия.

Ударная группировка фашистов надвигалась на нас, но

в то же время пошли в контрнаступление советские танковые соединения первого эшелона.

5-я гвардейская танковая армия нанесла встречный удар по врагу. На широком поле бушевали танковые бои. И вновь били с дальних дистанций и в упор танковые орудия, опять таранили друг друга стальные машины. Кто-то из наших ребят, чумазый от гари, перевязанный бинтами, заправляя свою машину горючим, показал в сторону поля боя и крикнул: «Там танки друг на друга лезут!» Да, почти так оно и было в том танковом побоище 12 июля. Ту страшную картину трудно представить по рассказам и описаниям, ее надо было видеть.

5-я гвардейская танковая, наносившая удар не прямо в лоб боевым порядкам противника, а под некоторым углом, все же превозмогла вражескую армаду. В величайшем танковом сражении под Прохоровкой наступил перелом. Угасал день. Догорали на поле боя остовы многих-многих танков. И только теперь можно было уяснить и проанализировать, что где произошло, ибо сражение расчленилось на многие очаги боев, принимало самые неожиданные повороты.

На поле боя в районе Прохоровки было совершено более 20 танковых таранов. Там же насчитали около 40 «тигров» с сорванными башнями. За один день 12 июля противник потерял здесь до 400 танков, свыше 10 тысяч солдат и офицеров. В высших штабах и мы, участники этого величайшего сражения, понимали, что гитлеровская военная машина вот тут, у Прохоровки, надорвалась.

Бои в районе Прохоровки, хотя и с меньшей силой, еще продолжались и после. Так, 13 июля противнику удалось большой группой танков и пехоты оттеснить части 29-го танкового корпуса примерно на километр. Здесь пришлось перейти к жесткой обороне. Вплоть до 16 июля на рубеже Лутово, Беленикино, Сторожевое, Виноградовка гремели огневые бои. Противник все еще огрызался.

Иные сражения завершались победой, а потом она вдруг сводилась на нет — потому что не закреплялась последующими действиями войск, одержавших верх. Нашим командованием принимались меры, чтобы не случилось нечто подобное. Когда утихло Прохоровское сражение, в штабе фронта отнюдь не стали отмечать победу, а заработали еще более напряженно.

Работники разведуправления фронта висели на аппарате линии прямой связи, требовали поскорее установить, име-

ются ли в ближайшем тылу противника тактические резервы.

— Особенно внимательно смотрите танки, — напоминали они. — Есть ли танковые резервы?

Сплошного фронта под Прохоровкой, вообще-то, не было — танковому сражению характерна динамичность. Воспользовавшись этим, мы снарядили мелкие группы разведчиков, они «лазали» промеж обгорелых, разбитых танков, вели поиск. Уходили и возвращались, но не могли доложить о чем-либо существенном — ну документы убитого принесут, ну проследят передвижение потрепанной немецкой колонны... В бесплодных поисках прошла короткая июльская ночь.

Из штаба фронта настойчиво повторяли:

— Установите намерения противника. Есть ли какие-то данные, что он отводит войска или хотя бы готовится к отводу. Это очень важно, Ивановский.

Отрядил я в поиск группу опытных, инициативных разведчиков. Пошел и сам с ними.

Выдвинулся с двумя хлопцами в окопы боевого охранения стрелкового батальона. Разведчики поползли вперед с телефонным аппаратом, волоча за собой катушку.

Время от времени докладывали:

— Сил противника не обнаружено.

— Танковых подразделений не наблюдаем.

Кончилась катушка. Вперед поползли еще двое с новой катушкой. Предыдущая пара оставалась на месте для ретрансляции разведданных. Лейтенант В. Логинов, участвовавший в поиске, проник в глубину вражеского расположения и вскоре доложил:

— Немцы отходят. Тихо отходят.

В этих словах Логинова был ключ к дальнейшим оперативным решениям.

Мысленно я обнял храброго офицера. А сам побыстрее отполз в безопасное место, потом побежал... Скорее на НП стрелкового батальона! Воспользоваться связью, доложить!

Сообщение было немедленно передано вверх, и сейчас же оттуда поступил приказ: передовым частям пехоты без стрельбы и без шума — вперед!

Атаковали боевое охранение противника. Боевыми действиями и дальнейшей разведкой было установлено, что противник стремится отойти на прежние позиции — те самые, откуда несколько дней назад двинулись на Прохоровку соединения фашистских танков.

Наши войска начали преследование противника, не дали

после Прохоровского сражения гитлеровцам опомниться, не позволили им планомерно отойти и закрепиться на новых позициях — их вынудили откатываться с боями и потерями.

В танковом сражении под Прохоровкой советские воины, в том числе личный состав частей нашего корпуса, проявили железную стойкость, массовый героизм. В июльских боях танкисты корпуса, воины других боевых профессий уничтожили и подбили 227 вражеских танков, 40 бронемашин, 120 орудий, истребили около тысячи солдат и офицеров противника. Командиры и старшие начальники блеснули искусством управления в сложнейшей, остродинамичной обстановке.

Возрос уровень управления войсками во всех звеньях.

Нам, войсковым разведчикам, приходилось подчас знакомиться с некоторыми информационными материалами, беседовать с работниками разведуправления фронта, и мы, естественно, узнавали раньше других о некоторых замыслах, планах, событиях.

Через определенные каналы дошли недавние заявления Гитлера, который, подбадривая перед Курской битвой свои войска, выразил полную уверенность в успехе и заявил, что «победа под Курском должна явиться факелом для всего мира». А генерал-фельдмаршал Манштейн хвастливо утверждал: «...победа под Курском возместит нам все временные поражения в прошлом». Разгром под Сталинградом он, видимо, тоже относил к разряду «временных поражений». Заявления подобного рода были подкреплены практическими мерами врага. В районе Курского выступа, где он решил нанести главный удар, было сосредоточено 50 дивизий, в том числе 16 танковых и моторизованных, около миллиона солдат и офицеров противника.

И Гитлер, и Манштейн, и другие «энтузиасты» летнего наступления 1943 года жестоко просчитались. Они не учли должным образом, что в районе Курской дуги нами была создана широко разветвленная, глубоко эшелонированная оборона — восемь рубежей глубиной 250—300 километров, — способная при высокой активности наших войск выдержать любой натиск врага, что советским командованием еще до начала битвы было предусмотрено проведение решительного контрнаступления.

Войска Западного фронта 12 июля перешли в наступление на орловском направлении, 15 июля к ним подключился Центральный фронт. Здесь было разгромлено 14 фашистских дивизий, остальные отброшены на полтораста кило-

метров. Несколько позже, когда северная часть Курской дуги уже выпрямилась, предприняли мощное контрнаступление войска Воронежского, Степного и Юго-Западного фронтов. А 5 августа состоялся первый салют. Столица Родины Москва отметила этой высокой почестью победы доблестных войск, освободивших Орел и Белгород. В частях нашего корпуса, как и во всех войсках действующей армии, это событие было встречено с величайшим воодушевлением. Танкисты заявляли о своей решимости идти вперед, бить, гнать ненавистного врага.

Уже тогда по горячим следам событий чувствовалось, что блистательная победа наших Вооруженных Сил в Курской битве — это еще один этап в коренном переломе в ходе войны в пользу Советского Союза.

Москва, Сталинград и Курск — три важнейших этапа, три исторических рубежа на нашем пути к победе над фашистской Германией. В битве под Курском был сломлен хребет немецко-фашистской армии, а гитлеровская Германия была поставлена перед грядущей катастрофой.

В период самых тяжких испытаний, самых кровопролитных боев, когда очень часто требовалось самопожертвование ради победы, росли и крепли парторганизации наших частей. Солдаты и командиры заявляли о своем желании идти в бой коммунистами. В те же дни июльских боев на Курской дуге партийные организации корпуса приняли в свои ряды около тысячи воинов. Свою способность высоко нести звание коммуниста вступившие в партию доказали боевыми делами. Две трети из них за ратные подвиги были награждены орденами и медалями СССР.

ЗА СВОБОДУ УКРАИНЫ

Генерал из штаба фронта и комкор неторопливо прохаживались и беседовали. Нам, командирам, стоявшим поодаль, было слышно почти все, о чем они говорили «наедине».

— Восстановить силы, оправиться, привести себя в порядок, — начальственно басил приезжий генерал. — Командующий фронтом предоставляет вам на это... недельку.

— Надо понимать, семь дней? — усомнился Попов.

— Там видно будет, Алексей Федорович, — нетерпеливо взмахнул рукой генерал и продолжал: — Привести, значит, людей и технику в порядок. Думать, разумеется, меньше об отдыхе, а больше о боеготовности.

— Да уж какой там отдых...

Генералы подошли к нам, и представитель штаба фронта повторил, собственно, то же самое: готовиться к дальнейшим боям. А уезжая, генерал-лейтенант уточнил сроки готовности, назвал конкретное число, и выходило, что в нашем распоряжении всего-то шесть суток.

Из Прохоровского сражения корпус вышел с немалыми потерями. Требовалось силами далеко не полных по штату наших частей и малочисленных ремонтных подразделений восстановить, привести в готовность боевую технику. Некоторое количество танков нам, правда, выделили из резерва фронта, но в основном надо было рассчитывать на свои машины.

Командир корпуса распорядился: в восстановлении и ремонте боевой техники принять участие всему личному составу, в том числе штабным командирам.

— Запчастей вон какая уйма... — показал он в сторону недавнего поля боя.

Да, там громоздилось много поврежденных, обгоревших танков разных марок. На железном кладбище можно было отыскать исправные агрегаты и части, снять и поставить их на машины, получившие сравнительно небольшие повреждения. Механики-водители под предводительством воентехников первыми ринулись «в атаку» на разбитые танки. Ремонтные работы пошли полным ходом.

Дело нелегкое — восстановить своими силами почти всю технику. Меня, однако же, ждала еще одна задача.

Вызвал комкор. Вместе с ним в землянке был начальник штаба, взглянувший на меня, как мне показалось, как-то по-новому.

— Вместо погибшего Малова командиром бригады, как известно, назначен наш начопер подполковник Пузанков. А вы, товарищ Ивановский, временно будете исполнять обязанности начальника оперативного отдела штаба корпуса, — сказал генерал Попов. — Приказ подписан.

— А может, и постоянно... — добавил начальник штаба.

Мне оставалось произнести лишь краткое «есть», коль уж не спрашивали о согласии, а сразу приказали.

Начальник штаба, поскольку я становился отныне его правой рукой, без предисловий начал перечислять мои задачи: планирование боевых действий корпуса, разработка боевых документов, организация взаимодействия частей, координация работы различных служб и т. д. и т. п.

Я и сам понимал, сколь сложны и многогранны новые обязанности и какая большая ответственность ложится на мои плечи.

Генерал Попов улыбнулся ободряюще, протянул руку:

— Начопер! Самый военный человек в штабе корпуса. Ну, желаю успеха.

Я никуда не переводился из нашего штаба, не уезжал, но пришлось все-таки расстаться с разведчиками. Мне, во всяком случае, жаль было покидать небольшой коллектив разведотделения. Свою должность я передал, с той же оговоркой «временно», подполковнику М. Наумову. Заместителем его стал майор В. Гребенников.

Отпущенная нам неделя не прошла — промелькнула. Люди работали сутками, но полностью укомплектоваться своими силами не удалось. Тем не менее корпус можно и надо было считать боеспособным. Так и доложили в штаб фронта.

Проводилась частичная перегруппировка сил фронта. 2-й танковый корпус сместили ближе к правому крылу и передали в подчинение 40-й общевойсковой армии, которой командовал генерал-полковник К. С. Москаленко.

В эти дни оперативный отдел штаба работал особенно напряженно, и мне удалось поближе познакомиться со своими новыми подчиненными. Собственно, знал я их и раньше, служили ведь в одном штабе, но теперь рельефнее, что ли, проявились для меня деловые качества людей. Майоры М. Лях, Л. Безуглов, Б. Комаровский, капитаны М. Варламов, Н. Бычко, Н. Женавчук свободно ориентировались в остродинамичной обстановке, умели сосредоточиться на главном. В любое время можно было рассчитывать на помощь заместителя начальника оперативного отдела майора А. Мезера, с которым вместе довелось участвовать в боях под Воронежем, в Сталинграде и на Дону. Таково было первое впечатление. А впоследствии могли проявиться не только плюсы, но и минусы, как и в любом коллективе, — к этому я был готов.

Перегруппировка обычно предшествует наступлению. Так и на этот раз получилось. Степной фронт двинул свои войска в направлении Харькова. Правее наступал наш Воронежский фронт.

Наступление советских войск на юге летом 1943 года проходило активно, но с большими трудностями. Чувствовалась наша инициатива в боевых действиях, но и противник время от времени переходил в контрнаступление. Довольно сильный контрудар нанесли гитлеровцы под Ахтыркой. По выражению операторов из штаба фронта (я теперь по работе был больше с ними связан), наше летнее наступление пока что «шло с потугами». И пожалуй, не стоит упрекать

их за откровенно критическую оценку боевых действий наших войск. Никакого пессимизма в том не было, чувствовался упорный, подчас мучительный поиск лучших решений. Хуже, если бы закрывали глаза на неудачи и говорили бы только об успехах.

Свежую струю в ход событий на нашем направлении внесли танкисты 2-го корпуса. Замысел, идея рывка вперед в танковых войсках воспринимается всегда с готовностью, с задором. Так от искры мгновенно вспыхивает сухой костер. От слова «вперед» тотчас же рождается единодушный порыв людей, владеющих быстрыми, грозными машинами.

Корпус, введенный в бой после овладения стрелковыми дивизиями первой позиции обороны противника, опередив боевые порядки других соединений, нанес удар в направлении города Лебедин. Наши танки на большой скорости вклинивались в оборону противника все глубже. Гитлеровцы были вынуждены оттягивать свои части, опасаясь окружения. Стремительным маневром наши бригады, завершив прорыв обороны противника, вышли в его тыл.

На направлении Сумы, Лебедин стальным клином входил корпус в глубину вражеской обороны. Лишь на одном из участков гитлеровцы попытались остановить наше продвижение. Они организовали контратаку силами танковых частей. Их тяжелые машины, укрытые в засадах, открыли огонь с дальних дистанций, а в это же время другие танковые подразделения пошли на сближение с нашими боевыми машинами. Завязался встречный бой. Танкисты батальона майора С. Лукьянова в первые минуты подожгли шесть вражеских машин, в том числе два «тигра». Контратака гитлеровцев сразу же сникла. Некоторые их танки еще отстреливались, а иные уже повернули обратно. Наши экипажи устремились на своих быстроходных машинах на перехват, отрезали гитлеровцам пути отхода.

За день боя танковые бригады значительно продвинулись вперед, освободили от врага несколько населенных пунктов.

На подступах к Лебедину, в непосредственной близости от города, наши части встретили сильное сопротивление врага. Тактике противника была противопоставлена тактика мощных танковых ударов, стремительных маневров с выходом ему во фланги и в тыл. 19 августа части корпуса с трех сторон одновременно подошли к Лебедину, с ходу ворвались в него. Мотострелки едва поспевали за танкистами. Гитлеровцы не теряли надежды вернуть город и предприняли целую серию контратак. Но частью сил корпус удер-

живал Лебедин, а другие его бригады рвались все дальше вперед.

В течение дня 20 августа наступавшие части прошли с короткими боями 40 километров. Это был темп!

Корпусная газета, всегда оперативно откликавшаяся на события, напечатала ряд корреспонденций о боевых делах наших воинов, в том числе и разведчиков. Особенно заинтересовала читателей заметка о сержанте Н. Ромашеве. Тот номер газеты передавался из рук в руки.

Сержант Николай Ромашев получил задачу разведать группировку и систему обороны противника в районе хутора Братский (недалеко от Лебедина). Было известно, что этот участок представляет собой сильно укрепленный рубеж, и потому возникали разные суждения относительно численности разведгруппы. Ромашев сказал, что лучше идти на такое задание вшестером. К его мнению прислушались.

Рощей шестеро разведчиков углубились в боевые порядки противника. Продвигались они осторожно и вместе с тем уверенно, будто среди своих, и, может быть, потому ни разу не взбудоражили фашистов. Походили, поползали по вражескому расположению и опять-таки по роще ускользнули в безопасное место. Ромашев составил донесение и схему, на которой показал все укрепления и огневые точки противника. Один из разведчиков был послан с донесением к своим.

Задача, собственно, выполнена. Но Ромашеву, истому разведчику, показалось этого мало. Он никогда не упускал возможности вырвать у противника его секреты и, чем рискованнее было дело, тем охотнее шел на него.

— Возьмем контрольного пленного, — решил сержант и коротко изложил план действий. — Ждать, пока какой-нибудь неосторожный фриц сам попадется в руки, не будем. Нет на это времени. Скрытно подползем к расположению немцев... Вон там, на отшибе. — Он показал, где именно. — Внезапным налетом уничтожаем всех, кто будет мешать, и захватываем «языка».

Припадая к земле, поползли они по опушке рощи. Совсем недалеко, на бросок гранаты, высился кустистый бугорок, и под ним расположилась группа гитлеровцев — похоже, закусывали.

— Забрасываем гранатами и сразу — на них, — сказал Ромашев, дополняя слова выразительным жестом руки с зажатой лимонкой.

Полетели гранаты. Взорвались они в самой середине расположения гитлеровцев и нанесли, конечно, немалый урон.

На едином дыхании разведчики достигли того кустистого бугорка, навязали фашистам бой, который, как и предполагалось, перешел в рукопашную. Теперь только увидели бойцы, что за холмиком стояли две автомашины — грузовая и легковая. Их они подожгли очередью из автоматов и гранатами. Столь внезапный и решительный иалет разведчиков имел успех: до десятка вражеских солдат было уничтожено, а уитер-офицер, иаходившийся с ними, взят в плен. Из кабины легковой машины удалось выхватить портфель с какими-то докумеитами и картой.

В этом налете, в рукопашной схватке разведчики не имели иикаких потерь. Никто даже ие был ранен.

Когда гвардии сержант Ромашев докладывал о выполнении задания, среди присутствовавших были такие, кто откровенно заявил: здорово, дескать, повезло. На это командир разведвзвода гвардии лейтенант В. Смоляченко заметил:

— Везет тем, кто действует смело.

В ходе наступления по украинской земле разведчики действовали особенно активно. Я радовался этому, гордился ребятами. Прииияв сравнительно иедавно оперативный отдел штаба, окуиувшись с головой в сложиые и объемные дела, я все еще жил заботами разведчиков. Прямо-таки душой прирос к их работе, к самим людям — таким беззаветно храбрым, искренним, умным. Ревниво следил за каждым проведеиным ими поиском и радовался каждому их успеху. Разумеется, кроме личной привязанности существовали тесные деловые контакты оперативного и разведывательного отделов. Очередное донесеиие о действиях наших воинов во вражеском тылу я изучал с интересом и вниманием.

Сержант Аиатолий Волох ушел на задание с приказом во что бы то ни стало захватить «языка». Когда стемнело, разведчики на броневике приблизились к шоссе, по которому проходили колонны противника. Маскируясь в кустарнике, стали вести наблюдение. Луиа освещала все окрест. Вдали на шоссе показалась группа гитлеровцев: толпа не толпа, строй не строй.

Когда фашисты приблизились, броневик разведчиков вышел из засады. Пулеметные очереди разили гитлеровцев, заставили иекоторых броситься наутек. Часть фашистов залегла и открыла ответный огонь. Сержант А. А. Волох с двумя разведчиками, прикрываясь кустами, пополз вперед. Занесена грaната для броска... Но вдруг невесть откуда взявшийся немецкий унтер-офицер навалился всем телом на Волоха. Сильным движением Волох сбросил его наземь. Товарищи помогли Анатолию скрутить немца и втащить в

броневик. Так и привезли в часть «языка» в звании унтер-офицера. Его показания дополнили другие разведданные.

Для разведки сил противника в районе города Зеньков в поиск отправилась механизированная разведгруппа в составе двух легких танков и нескольких бронемашин с автоматчиками. Такая группа способна была в тылу противника на многое. По заданию предполагалось определить состав и силы противника в районе Зенькова, установить подход резервов, при благоприятной обстановке ворваться в Зеньков, захватить пленных, документы.

На рассвете группа незаметно проскользнула перелеском за передний край противника. В броневике головного дозора, двигавшемся с большой скоростью, находился сержант Анатолий Волох. Внезапно наткнулись на колонну из пяти автомашин противника. Сержант первым открыл огонь — реакция у него была мгновенная. Поразил водителей двух машин. Без промаха били и его товарищи. Грузовики запылали, в кузовах начали трещать рвущиеся патроны.

Но вот из-за опушки леса вынырнула легковая машина. Волох, недолго думая, преградил ей путь, поднял руку, повелительно крикнул: «Хальт!» Немецкий шофер, увидев перед собой советского сержанта, растерялся, резко затормозил. Сидевшие на заднем сиденье офицеры схватились за пистолеты. Волох на какую-то секунду опередил их — вскинул автомат и сразил очередью двоих. Третий, которого пули не задели, выскочил на дорогу, бросился на сержанта. Волох прикладом автомата выбил из рук офицера пистолет, оглушил его ударом по голове и с помощью подоспевших разведчиков пленил, забрал документы и карты.

Начальник разведгруппы старший лейтенант Н. Читалин вел свою быструю и грозную колонну дальше.

В центр Зенькова разведчики ворвались средь бела дня. Появление их в глубоком тылу, каким считали гитлеровцы Зеньков, было для них неожиданностью. В городе стояла сонная тишина. Разведчики разделились на группы. Офицер Н. Читалин возглавил находившуюся в двух танках группу, сержант Волох повел спешившихся бойцов.

На городской площади, возле комендатуры, куда вышли пешие разведчики, стояло несколько автомобилей и пять легких танков. Волох вскочил на броню одного из них, открыл люк и бросил внутрь танка две гранаты, а сам отбежал в сторону. Взрыв послужил сигналом к бою. На площадь вышли танки и броневики разведгруппы, открыли огонь по вражеским машинам. Меткими выстрелами разведчики-танкисты уничтожили все пять немецких танков, подожгли

автомашины. Выскакивавшие из комендатуры гитлеровцы падали, сраженные пулеметными очередями.

Когда разведгруппа после этого молниеносного боя в центре города стала уходить, гитлеровцы вызвали авиацию. «Мессершмитты» с малой высоты атаковали колонну. Были подбиты два броневика и один танк, ранено несколько разведчиков, в том числе старший лейтенант Читалин. Разведгруппу возглавил Волох. Он провел ее по тылам врага, ловко обходя все заслоны. Ночью разведчики провели короткий бой на переднем крае противника и вырвались к своим. Они доставили важные разведданные и пленного гитлеровского офицера.

При дальнейшем наступлении наших частей несколько дней шли бои за город Зеньков. В одном из этих боев Анатолий Александрович Волох погиб. Ему посмертно присвоено звание Героя Советского Союза.

Когда заходит речь о боевой работе разведчиков, как правило, упоминаются отвага, сила, выдержка, боевое мастерство. Все это верно, как, впрочем, и то, что мужество свойственно всем фронтовикам. В боях Великой Отечественной проявлялся массовый героизм советских воинов. В атаку под огнем противника шли роты и батальоны, стойко держали оборону и стремительно наступали соединения и целые фронты. Чувство любви к Родине, ненависти к ее врагам, сознание воинского долга придавали обыкновенным людям богатырские силы. Готовность к бою и подвигу, к самопожертвованию во имя победы наблюдалась на фронте повсеместно. И на путях разведчиков, разумеется. Но от них, людей, отправлявшихся в поиск за передний край, во вражеский тыл, требовалось еще и умение грамотно, безошибочно ориентироваться в обстановке и действовать расчетливо, умно.

Бывало, беседуешь с сержантом, вернувшимся с задания, и с теплотой, даже с некоторым изумлением отмечаешь про себя: насколько же глубоко проанализировал он те или иные факты, как же объемно охватил все происходившее там, за линией фронта. Вот сержант, а смотрел на все глазами командира подразделения! И когда в штабе корпуса наносились на карту огневые точки, опорные пункты, танковые и пехотные резервы противника, суммировались цифры и делались обоснованные предположения, я с благодарностью думал о сержантах и солдатах, которые тяжелым ратным трудом с ежечасным риском для жизни по крупицам добывали эти разведданные.

В разведке служить было трудно и опасно! Но скажите кому-нибудь из штатных разведчиков, что его переведут в другое подразделение с повышением, и он воспримет это как превратность судьбы и всячески постарается остаться на месте.

Старший сержант Владимир Егоров возглавил разведгруппу в составе экипажей танка Т-34, двух танков Т-70 и десанта автоматчиков. Такой разведгруппой, вообще-то, должен командовать офицер, но вот поручили старшему сержанту, опытному фронтовику и человеку в возрасте, и он, как увидим, доверие оправдал.

Дело было в конце августа 1943 года, когда 58-я танковая бригада действовала на подступах к городу Сумы. Областной город. Вражеских войск в нем, наверное, немало. Но с юго-восточной окраины он противником почти не прикрывался— это было установлено. Напрашивалась мысль: внезапным ударом с юго-востока ворваться в город. Разведгруппе старшего сержанта Егорова была поставлена задача — определить силы и средства противника, оборонявшегося в Сумах, и по возможности захватить переправу через реку Псёл, удержать ее до подхода основных сил бригады.

Три танка двигались по лощинам и проселкам, маскируясь в редких перелесках, в садах. Удалось скрытно приблизиться к окраине города. Разведчики спешились. В течение примерно часа они вели наблюдение из укромных мест на огородах и во дворах. Установили, что с этой стороны в городе занимают оборону сравнительно небольшие силы — до двух батальонов пехоты и три артиллерийские батареи. Когда все разведчики вернулись и доложили об этом, старший сержант Егоров, подумав, принял смелое решение: броском выдвинуться вперед и захватить мост через Псёл. Он пошел на это, правильно сориентировавшись в обстановке, учитывая не ахти какую боевую готовность и активность оборонявшегося здесь противника.

Риск и дерзость — золотые качества разведчика.

По команде старшего сержанта тридцатьчетверка и два легких танка с десантом на броне помчались по городской улице, ведя на ходу огонь из пушек и пулеметов. Автоматчики обстреливали попадавшихся гитлеровцев, били по дверям и окнам домов. Впечатление они производили такое, будто в город ворвалось крупное подразделение.

Прогремели гусеницами по мосту через реку, захватили переправу. Немногочисленную охрану автоматчики десанта уничтожили на месте. Егоров расставил танки и сосредоточил пехотинцев так, чтобы отразить вражескую атаку с

любого направления. Фашисты открыли по смельчакам огонь из орудий, но атаковать пока не решались. Огневой бой затягивался. Егоров связался по радио с командиром бригады, доложил о захвате переправы и сообщил координаты огневых средств противника.

Смелые и результативные действия разведчиков обеспечили успех наступавшей 58-й танковой бригаде. Комбриг полковник Пискарев предпринял обходный маневр. И когда танковые подразделения ударили по врагу с направления, где уже действовала группа, гитлеровцы утратили способность к организованному сопротивлению. Беспорядочно отстреливаясь, они стали отходить, а точнее, спасаться бегством. Устремились к мосту через Псёл, но тут их встретили дружным огнем разведчики.

58-я танковая бригада первой ворвалась в Сумы. Входили в город и другие наши части.

После боя полковник Пискарев беседовал с разведчиками. К старшему сержанту Егорову, человеку средних лет, обращался уважительно, по имени-отчеству.

— Смелость, как известно, города берет, — говорил полковник. — Но как ты, Владимир Алексеевич, все же решился ворваться со своей небольшой группой в расположение противника? Ведь могли вас фашистские батальоны живьем проглотить...

— А мы, товарищ полковник, сперва познакомились с противником, понаблюдали, как себя ведет, на что способен,— отвечал, посмеиваясь, Егоров.— По физиономиям тех фрицев было видно, что не воевать им хотелось, а только бы отсидеться тихо в Сумах.

Ответ этот, внешне шутливый, имел свой смысл: прежде чем решиться на дерзкий бросок в стан врага, старший сержант не только установил его силы, но и учел психологический настрой гитлеровцев.

За успешное выполнение боевой задачи, тактически грамотные действия гвардии старший сержант В. А. Егоров был награжден медалью «За отвагу».

Разведчики, между прочим, любили и ценили эту медаль, относились к ней с не меньшим уважением, чем к орденам. Говаривали, что тут, мол, красным по белому написано, за что дана награда фронтовику — за отвагу.

В ходе боевых действий подчас очень нужен контрольный пленный. И однажды задание добыть его было поручено гвардии лейтенанту Ивану Слободенюку. Изучая передний край противника, командир выявил вражескую огневую позицию несколько в стороне от других. По всем признакам —

пулеметное гнездо, гитлеровцев в нем могло быть трое-четверо, не больше. Там и решили брать «языка». Поиск был организован по всем правилам. Ночью выдвинулись в сторону противника три группы — две прикрытия и одна захвата. Группу захвата возглавил сам лейтенант Слободенюк. Ползли, одолевая метр за метром. Взлетит осветительная ракета — все прижимались к земле.

Когда до цели оставалось с полсотни шагов, разведчики услышали приглушенную немецкую речь. Насторожило то, что фашистов там было значительно больше, чем предполагалось, отнюдь не трое. Но ждать и передумывать уже было поздно. Напряглись, как пружины, и мускулы и нервы людей, готовых к броску. Лейтенант Слободенюк рванулся вперед, ребята — за ним.

Во вражеском окопе было человек пятнадцать. Возможно, это был тот случай, когда наши разведчики шли к немцам, а те — к нам. Сошлись, сцепились в жестокой схватке. Огня не открывали ни те, ни другие, обоим нужны были пленные. Одного из немцев подвела его собственная шевелюра. Сержант М. Конюшенко, получив удар в скулу, на ногах не удержался. Зато ухватил того гитлеровца за патлы так цепко, что никакой силой не оторвать. Так и тащил потом за волосы, когда уходили. В рукопашную ввязались две группы прикрытия, объединенными усилиями все-таки одолели фашистов.

К своим вернулись, не потеряв ни одного бойца. Захватили двух пленных, один из которых оказался фельдфебелем.

Войска Воронежского фронта развивали наступление. Фронт противника был расчленен, силы его — раздроблены. Создались условия для переноса боевых действий в глубь оперативной обороны противника.

На отчетной карте штаба корпуса отражалось быстрое изменение обстановки. Командиры оперативного отдела постоянно корпели над ней, вычерчивая новые стрелы направлений ударов, размечая маршруты движения танковых колонн, рубежи развертывания. В период стремительного наступления по украинской земле операторы трудились неутомимо: отрабатывали множество боевых документов, выезжали для организации взаимодействия со штабами артиллерийских и авиационных частей, воплощали в конкретные формы рождавшиеся замыслы, передавали по телефону и радио распоряжения командира. И во всем этом проявлялось подлинное мастерство военных специалистов. Со знанием дела,

с военной хваткой, свойственной операторам, трудились майоры А. Мезер, Л. Безуглов, Б. Комаровский, капитан М. Варламов. Отработанные ими боевые документы носили отпечаток высокой штабной культуры, проведенные ими мероприятия при выездах в части оказывали действенную помощь командирам. Распоряжения старших начальников, шедшие через них, сразу же получали воплощение в действиях частей. Мысли они хватали на лету, информацию об изменении, развитии обстановки цепко держали в памяти.

Оценку работы командира оперативного отдела мы давали, исходя из того, что нового, оригинального внес он лично в решение той или иной задачи.

В этом отношении характерен такой случай.

Один из командиров, сравнительно недавно назначенный в оперативный отдел, отличался в работе подвижностью и активностью. Условно назовем его майор К. Степанов (ибо не знаю, как сложилась у него дальнейшая судьба). Так вот его любимой присказкой была: «Одна нога здесь, другая там». Не проходило ни одного разговора или спора, в который бы он не вмешался. Напористый был товарищ. Уже складывалось мнение о нем: типичный, мол, оператор. Както мне случилось побывать в части, где перед тем работал Степанов. Командир доверительно пожаловался:

— От Степанова твоего все мы устали, право же.

— А что так? Очень требовательный? — спросил я, чувствуя, однако, в словах подполковника не совсем лестный отзыв.

— Да не о том я...

Мы угостили друг друга папиросами, покурили. Я не торопил товарища с разъяснениями. После минутного молчания он сказал:

— Суетливый какой-то оператор. Всюду лезет в глаза, всех поучает, никого не выслушает до конца. И начальнику штаба нашему не давал самостоятельно работать, и командиров подразделений пытался подменять. Вместо советов — команды подавал. Только что в танк не вскочил да не закричал: «За мной, орлы!»

— Характеристика отнюдь не положительная, — заметил я, — но что-то же и полезное он делал?

Командир вдруг рассмеялся:

— А вот об этом никак догадаться не можем — ни я, ни начальник штаба.

Разговор на эту тему был продолжен у нас в оперативном отделе. При товарищах я предложил Степанову расска-

зать о его работе в части. Он, видимо, подумал, что его просят опытом поделиться, и довольно многословно, эффектно докладывал, приписывая себе все, что делалось по организации боя. Стоило задать ему несколько прямых вопросов, чтобы все убедились, какой пустопорожней оказалась деятельность этого оператора в части. А он ведь ездил в период усложнения обстановки, когда надо было согласовать боевые действия, помочь в работе штабу части.

Не только о Степанове поговорили мы тогда. Речь шла о стиле работы командиров крупного штаба, об их творческом подходе к вопросам подготовки и организации боевых действий. Снарядные гильзы-светильники горели в селянской хате до полуночи.

Развивая наступление на земле Левобережной Украины, советские войска стремительно приближались к Днепру. После поражения на Курской дуге гитлеровские войска откатывались на запад. Потеряв Донбасс, оставляя теперь украинские земли, фашистские захватчики чинили в городах и селах страшные злодеяния: устраивали массовые расстрелы советских людей, разрушали предприятия, взрывали мосты, жгли дома, угоняли скот, уничтожали посевы. Пути отступления вражеских войск были охвачены заревом пожаров, залиты кровью. Тысячи и тысячи советских людей, в большинстве молодежь, были угнаны на каторжные работы в Германию.

Мы видели все это собственными глазами, наши сердца переполнялись чувством ненависти к лютому врагу, к фашизму. Нами владел высочайший боевой порыв. Самым желанным для всех нас являлся приказ «Вперед».

В наступлении по украинской земле части корпуса действовали в первом эшелоне войск. Танкисты уничтожали узлы сопротивления, группировки противника. Гул танковых двигателей, орудийная стрельба грозовым валом прокатывались по степям Украины, сметая всюду фашистскую нечисть.

8 сентября нашему корпусу была поставлена задача развивать наступление в направлении города Лубны. В течение ночи части с приданным истребительным противотанковым полком сосредоточились в исходном районе. Утром 9 сентября по противнику нанесла массированный удар наша авиация, совершила мощный огневой налет артиллерия. Оборона врага на этом участке была расстроена, система его огня подавлена. Переправившись через реку Грунь и обог-

нув боевые порядки стрелковых дивизий 40-й армии, части корпуса вошли в прорыв и устремились на запад. Сметая заслоны противника, с ходу ворвались в населенный пункт Липовая Долина, захватили переправу через реку Хорол. Наступал вечер, уже темнело. Мы заняли круговую оборону захваченных рубежей, подтягивали свои тылы и ждали подхода стрелковых частей.

Динамика действий танкистов была порой настолько стремительной, что противнику не удавалось даже задержаться на промежуточных рубежах.

10 сентября корпус продолжал наступление.

В районе населенных пунктов Розбишевка, Новоселовка, Петровка гитлеровцы стянули большие силы и организовали мощную контратаку. Им удалось сбить оставленный танковый заслон — тяжелый танковый полк, отрезать части корпуса от наших тылов. Бой длился несколько часов, подходили к концу боеприпасы. Корпусу угрожало вражеское окружение. К исходу дня у нас осталось лишь 19 боеспособных танков и девять орудий. Этими небольшими средствами наши воины стойко удерживали оборону на занятых рубежах, отбивались от наседавших со всех сторон гитлеровских частей. Выручила нас на этот раз матушка-пехота. Подошли части 47-го стрелкового корпуса, и вместе с ними мы продолжали наступление.

Очень кстати пришлось тут пополнение боевой техникой. Мы получили из ремонта 40 танков, большинство из которых — Т-34.

Эта боевая машина, можно сказать, всю войну вынесла на своих бронированных плечах. Тридцатьчетверку очень любили танкисты за ее высокую маневренность, огневую мощь, прочность брони. Знали эту машину и боялись ее гитлеровцы, а наши танкисты творили на ней чудеса героизма. Тридцатьчетверка стала не только знаменитой, но и легендарной.

Совершив марш в район города Лохвицы, мы совместно с частями стрелковых корпусов повели наступление на Лубны. 18 сентября наши танковые бригады обошли Лубны с юго-запада, полки 337-й стрелковой дивизии — с северо-востока. По радиосигналу с двух противоположных направлений началась стремительная атака. Вражеские войска, скопившиеся в городе, не смогли ее сдержать, не смогли и спастись бегством — как раз в эти минуты взлетел на воздух железнодорожный мост. Группа саперов, возглавляемая старшим лейтенантом М. Добрянским, отлично, точно по времени выполнила поставленную перед ней задачу. Еще

до атаки саперы скрытно проникли в расположение противника, без шума уничтожили охрану моста. А когда настал момент — взорвали мост, отрезав гитлеровцам путь отступления по железной дороге. Их составы, готовые к отправке, так и остались на станционных путях.

Освободив от фашистских захватчиков город Лубны, мы радовались не только своей победе, но также успехам других наступавших соединений. В этот день, как передали по радио, советские войска освободили на украинской земле 230 населенных пунктов, в том числе города Прилуки, Пирятин, Павлоград.

А потом мы узнали о кровавых злодеяниях гитлеровцев в Лубнах. О них не только рассказывали очевидцы и потерпевшие, о них безмолвно кричали фашистские застенки, рвы погребения, виселицы. В Лубнах гитлеровцы проводили массовое истребление людей. Жителей, в основном стариков, женщин и детей, хватали на улицах, забирали из квартир, уводили в ближайший лес и расстреливали. Фашисты грабили город, уничтожали его культурные ценности, жгли дома.

Была создана комиссия по расследованию фактов фашистских злодеяний. В нее вошли представители городских властей, местного населения, от нашего корпуса — врач майор Л. Осипов и другие командиры. В разных местах города комиссия обнаруживала следы преступлений фашистских извергов. На Рудинщине вскрыли пять могил-рвов, в которых было более трех тысяч трупов. Чудом оставшаяся в живых гражданка Т. Л. Михеева рассказывала, что здесь расстреливали беспрерывно, днем и ночью. Измученных, избитых людей привозили машинами, раздевали догола и загоняли плетьми в ров.

В пяти километрах от города, у села Вильшанки, в больших ямах оказалось зарыто более четырех тысяч человек. И тут нашелся живой свидетель — лесник Ф. И. Шевелинда. Он рассказал, что гитлеровцы начали расстреливать на этом месте людей с осени 1942 года. В отдельные дни приезжало по десять—двенадцать машин с людьми. Их загоняли в погреба бывшего военного лагеря, расстреливали, а затем погреба зарывали. Матери, стремясь спасти своих детей, выбрасывали их из машин, но фашистские изуверы хватали за ноги и за руки ребят, бросали их в те же машины, к обезумевшим матерям.

Во дворе городской тюрьмы была обнаружена яма с погребенными в ней трупами. У многих жертв были отрубле-

ны руки, отрезаны уши, выколоты глаза, обожжены конечности.

Комендант города Рондор был организатором и участником зверской расправы над еврейским населением. В один из дней всех евреев согнали в Замостье. Сначала расстреляли мужчин — на виду у женщин и детей, которые тут же теряли рассудок. Грудных детей закапывали в землю живыми. Так было уничтожено 5600 человек.

Члены комиссии по расследованию фашистских злодеяний выступали с беседами в наших подразделениях. Их достоверные слова, цифры, факты еще больше обостряли в душах танкистов чувство ненависти к врагу. Воины клялись уничтожать гитлеровцев огнем и броней — всех до последнего.

В боевой биографии корпуса произошло знаменательное событие. За успешные наступательные действия в ряде операций, мужество и доблесть, проявленные личным составом, соединению было присвоено гвардейское звание, и отныне оно именовалось: 8-й гвардейский танковый корпус. Преобразованы в гвардейские были также все наши бригады и полки. Они стали именоваться: 58, 59, 60-я гвардейские танковые бригады, 28-я гвардейская мотострелковая бригада... Соответственно гвардейские наименования получили другие части и отдельные подразделения корпуса.

В приказе Верховного Главнокомандующего от 19 сентября 1943 года отмечалось, что советские войска в результате стремительного наступления на Украине в течение 17—18 сентября освободили от оккупантов города Прилуки, Ромны, Пирятин, Лубны, Ромодан, Миргород, Красноград, Павлоград. В числе частей, отличившихся в боях за эти города, отмечался и наш 2-й танковый. Этим приказом корпусу и было присвоено звание гвардейского.

Состоялись митинги личного состава. Речи танкистов были немногословными, но взволнованными. Все выражали общую мысль: оправдать гвардейское звание новыми победами во славу Родины.

— Своей кровью мы завоевали его, гвардейское Знамя, — говорил, выступая, старшина Н. Маркин. — И беречь честь гвардейцев будем как зеницу ока, станем громить врага еще сильнее, действовать в боях еще отважнее.

А когда митинг окончился и танкисты могли запросто поговорить друг с другом и покурить в тесном кружке, всюду слышалась горделивая и дорогая для нас эта приставка

к званию— «гвардии». Даже если на «ты» друзья обращались, то не забывали ее: «Ты в какой сейчас роте, гвардии лейтенант?», «Я бы тебе вот что посоветовал, друг ты мой, гвардии сержант...».

Прошло несколько дней. Лубны остались уже в нашем тылу, мы успешно продвигались на запад. И с новым боевым вдохновением сражались наши танкисты, и звучало в атаках гордое: «Вперед, гвардейцы!»

К Днепру советские войска вышли в конце сентября на широком, 700-километровом фронте. Ставилась задача — не дать врагу никакой передышки, форсировать водный рубеж с ходу. Трудная задача сама по себе, а если учесть, что наступавшие соединения и части, в том числе и наш корпус, начиная с Курской дуги, прошли с боями почти без отдыха 300—400 километров, то можно представить, какое напряжение моральных и физических сил потребовалось для ее выполнения.

В столь же «высоком темпе» противник отступал по левобережной украинской земле. Убедившись, что до самого Днепра остановить или хотя бы задержать советские войска невозможно, фашистское командование отводило свои главные силы на западный берег Днепра. Стремительно наступавшие войска Воронежского и других фронтов сковывали силы противника, висели у него на плечах.

К форсированию Днепра советские войска приступали в обстановке широко развернутого общего наступления на врага. Силами нескольких фронтов наносились мощные удары по противнику от Великих Лук до Азовского моря.

Быстрым и решительным действиям при форсировании Днепра придавалось огромное значение в планах советского командования. И вместе с тем к выполнению этой сложнейшей задачи нужен был вдумчивый, творческий подход, требовалось подлинное военное искусство в планировании и организации действий войск.

Медлить было нельзя. Форсировать могучую реку с ходу требовали приказы высших инстанций, к этому призывали муки и страдания советских людей, находившихся под игом немецко-фашистских захватчиков.

В передовой статье газеты «Советская Украина» говорилось:

«Бойцы Красной Армии! Вы проходите по степям Украины, вы освобождаете ее пядь за пядью, вы несете народу желанную свободу, народу, который исстрадался в тяжелой

неволе, который ждет и зовет вас на помощь. Спешите! Не сокращайте твердый шаг. Еще стремительнее — вперед. Вас ждет седой Славутич — Днепр, вас ждут столица Украины — Киев и старинный украинский город Львов. Вы слышите их страдальческий голос? Пусть же этот голос ведет вас к победе, пусть он будит в ваших сердцах лютую ненависть и жажду мести к врагу. Спешите! Крушите врага днем и ночью. Цельтесь врагу в самое сердце! Отомстите за муки, слезы и разорение нашей матери-Украины, которая никогда не забудет ваших ратных подвигов, а народ из поколения в поколение будет вспоминать о вас, советских богатырях, которые своим оружием добыли победу».

Парторги, комсорги, взводные агитаторы устраивали коллективные читки статьи, доводили ее пламенные строки до сердца каждого солдата.

По вечерам у костров пели под гармонь «Песню о Днепре»:

Кровь фашистских псов пусть рекой течет,
Враг советский край не возьмет.
Как весенний Днепр, всех врагов сметет
Наша армия, наш народ.

В частях и подразделениях распространялось, пропагандировалось обращение Военного совета фронта. Его напечатала и корпусная газета «В решающий бой!». Военный совет призывал воинов напрячь все силы, отдать их на выполнение задачи, поставленной перед войсками Ставкой Верховного Главнокомандования, — с ходу форсировать Днепр.

На митинге личного состава в батальоне гвардии майора Г. Максимова агитатор-коммунист рядовой Василий Тюрин заявил:

— Правый берег Днепра будет нашим! И очень скоро. Каждый из нас должен во имя Родины проявить мужество и отвагу. Лично я буду драться не жалея крови и не щадя жизни!

Свои слова солдат-коммунист впоследствии подтвердил отважными, находчивыми действиями на переправе. В числе других воинов, первыми форсировавших Днепр, Василий Федорович Тюрин был удостоен звания Героя Советского Союза.

Партийно-политическая работа в войсках проводилась комплексно и целеустремленно. Как раз тогда поступила директива Главного политического управления Красной Армии от 7 сентября 1943 года о задачах политорганов в улучшении руководства работой партийных и комсомольских организаций. В ней особо подчеркивалась важность связи парт-

политработы с конкретными задачами, решаемыми частями и подразделениями. Документ этот был сразу же, как говорится, принят на вооружение. Начальники политотделов бригад подполковники И. И. Тептин, М. Н. Степыкин, М. Х. Геллер, И. Н. Щукин спланировали партполитработу в частях соответственно трем этапам предстоящей операции — подготовка к переправе, форсирование Днепра, захват и удержание плацдарма на правом берегу. Большое внимание уделялось расстановке сил коммунистов и комсомольцев. Был создан резерв замполитов, секретарей партийных и комсомольских организаций. Мера эта вполне оправданна, как ни тяжко было о ней думать, — в ходе форсирования реки, боев за плацдармы будут неизбежные потери, в том числе и политработников и партийных, комсомольских вожаков, которым надлежало всюду быть в первых рядах.

Выступая перед воинами, пропагандисты и агитаторы говорили суровую правду о трудностях предстоящих задач. В штурмовые группы отбирались наиболее храбрые и умелые разведчики, пехотинцы, артиллеристы, в большинстве своем, примерно две трети, комсомольцы. В частях проходили открытые партийные собрания. В 58-й гвардейской танковой бригаде решение партийного собрания содержало всего несколько строк, но ими было сказано многое. Мне они запомнились, так как я присутствовал на том собрании как коммунист вышестоящего штаба. «При форсировании Днепра, — говорилось в решении, — коммунисты обязуются показать образцы мужества, самоотверженности и героизма».

Как же выглядела задача форсирования водного рубежа с военной точки зрения?

В полосе наступления 40-й армии генерала К. С. Москаленко, в состав которой входил наш корпус, ширина реки достигала километра, глубина — от 2 до 6 метров. Пойма раскинулась почти на 4 километра. Движение по пойме войск и тяжелой техники было чрезвычайно трудным — вся она была изрезана протоками и старицами, во многих местах заболочена. Сказывались также большая растяжка коммуникаций, отставание тылов и особенно переправочных средств. Левый берег, низкий и песчаный, хорошо просматривался с крутого правого. Это, пожалуй, было самым невыгодным и опасным для наступавших.

Гитлеровцы надеялись укрыться за созданным там так называемым Восточным валом, закрепиться, перезимовать в укрытиях. Капитальные оборонительные сооружения по берегам рек Нарва, Сож, Днепр и Молочная фашисты с напыщенностью именовали «государственным рубежом». Запад-

ный берег Днепра они буквально одели в бетон, сковали железом. Немецкие генералы считали, что такую крупную, сильно укрепленную водную преграду, как Днепр, ни одна армия не способна форсировать с ходу и что советским войскам потребуется несколько месяцев только для подготовки к переправе.

8-му гвардейскому танковому корпусу предстояло форсировать Днепр южнее Киева, в районе Великого Букрина.

Утром 22 сентября усиленный разведотряд корпуса с танковой ротой, возглавляемый майором М. Жолобом, достигли реки Днепр у села Андруши. Почти одновременно сюда выдвинулся передовой отряд 59-й гвардейской танковой бригады и с ходу овладел населенным пунктом. Гитлеровцы поспешно очистили берег, отходя в направлении Борисполя.

Разведотряд майора М. Жолоба несколько раньше, еще на рассвете, выдвинулся к урезу воды. Справа севернее виднелись руины Переяслав-Хмельницкого, а впереди на противоположном берегу маячил хутор Трактомиров. Величаво катил свои воды Днепр. Всходило солнце. И тишина стояла такая, будто и не было вовсе войны. Фронтовая жизнь изредка дарила бойцам вот такие минуты, и они светлой, изумительной вспышкой врезались в память. Ибо следующая минута могла разразиться грохотом и огнем, могла оказаться для некоторых и последней.

Надо было, однако, приниматься за дело. На берегу бойцы обнаружили несколько лодок.

— Переправляемся, — сказал майор Жолоб и уже тоном приказа добавил: — Направление — хутор Трактомиров. Там зацепиться и удерживать плацдарм.

Стоило им отчалить от берега, как противник открыл огонь. Султаны взрывов вздымались между лодками, но разведчики налегали на весла и преодолевали речную быстрину.

Вслед за ними реку начали форсировать наши боевые подразделения. Первым из них переправился на правый берег Днепра стрелковый батальон майора Г. Максимова. Использовались лодки, плоты, разные подручные средства. Воины батальона действовали сноровисто и отважно — по-гвардейски. Умело и тактически грамотно управлял подразделениями комбат. Увлекал он бойцов и своей личной храбростью, будто бы не обращал внимания на вражеский огонь, хотя на самом деле разумно ориентировался в боевой обстановке.

Появились немецкие воздушные разведчики, широкоизвестные «рамы». Потом пошли группы бомбардировщиков, нанесли удары и по плацдарму, и по войскам, которые выдвигались на левобережье к реке. Так что они готовились к форсированию под бомбами. Но вот появилась и наша авиация: штурмовики нанесли бомбовые удары по огневым точкам противника на правом берегу, истребители завязали над рекой воздушные бои.

Как, наверное, и другие командиры штаба, я задавался вопросом: на чем переправлять танки, если на берегу, кроме лодок и связанных нашими же бойцами плотов, ничего больше нет? По озабоченным лицам командира корпуса, начальника штаба можно было догадаться, что и они о том же думают. Но вслух ничего пока не говорилось.

Танковые бригады, сосредоточенные в прибрежных рощах и лозняках, ждали. Задержка с переправой начинала нервировать. Стрелковый батальон майора Г. Максимова и другие немногочисленные подразделения, захватившие плацдарм у хутора Трактомирова, ведут тяжелый бой, а танкисты помочь им пока не могут.

Группа командиров во главе с комкором выехала на рекогносцировку к самому берегу.

Генерал А. Ф. Попов давал указания, мы записывали.

Организация переправы мыслилась по всем правилам, так сказать в академическом варианте: назначался комендант, указывались маршруты выхода, пункты посадки личного состава, погрузки техники. Однако переправляться пока было не на чем: нам обещали, что подойдет почти одновременно с нами понтонный батальон, но его пока и не видно, и не слышно.

Прервав свои указания, генерал обратился ко мне:

— Ивановский, вы звонили еще раз насчет понтонеров?

Вопрос прозвучал резко, будто это я виноват в задержке.

— Так точно, звонил. Ответили: ждите распоряжения штаба фронта.

Побыли мы на берегу какое-то время, словно на занятии по тактике, и вернулись в село Зарубинцы, где остановился штаб корпуса.

В небе послышался гул немецких бомбардировщиков. Приближалась очередная группа «юнкерсов».

А войск на левом берегу все прибывало. Подошли колонны 3-й гвардейской танковой армии генерал-лейтенанта П. С. Рыбалко. Тоже громоздкое боевое хозяйство, похлеще нашего. Работники штаарма, как и мы раньше, выезжали к берегу на рекогносцировку.

Наш оперативный отдел разместился в сельской хате. Майор Б. Комаровский, майор Л. Безуглов, майор Л. Мезер и я вместе с корпусным инженером подполковником Н. Почуевым прикидывали варианты переправы, рассчитывали время погрузки техники, рейса парома с танком, но когда нужных технических средств под руками нет, то что можно было решать конкретно? Вели немногословный разговор. Безуглов и Мезер нещадно дымили папиросами. Заглянул к нам комкор и с порога зашумел:

— Почему операторы и начинж сидят и ничего не делают? Давно пора бы составить план переправы.

— Составить план сейчас никто не может, товарищ генерал, — ответил я, вставая. — Не знаем ведь сил и средств понтонеров.

Последней фразе Алексей Федорович не придал значения.

— По-вашему, и я не смогу? — воскликнул он, загораясь. — Ну-ка дайте мне лист бумаги.

Один из командиров положил перед ним лист ватмана.

— Сейчас я вам докажу... — приговаривал Алексей Федорович, усаживаясь поудобнее на табурете. — Я семь лет был начальником штаба полка. Документов разных сочинил целый том.

Он взял цветной карандаш из коробки, пододвинул лист бумаги и вывел своим каллиграфическим почерком заголовок: «План переправы 8-го гвардейского танкового корпуса через реку...»

Генерал был напряжен, мысли его далеко от бумаги витали.

— Через реку...— запнулся комкор и вдруг спросил:— Как река-то называется?

Грохнул хохот.

Алексей Федорович перешел к серьезному разговору о том, как надобно организовать переправу с прибытием понтонеров.

— Ивановский,— кивнул он мне,— звоните еще раз.

...Наконец прибыл понтонный батальон под командованием майора М. Бессонова. Все командиры и начальники стали наседать на него, требовать первоочередной переправы и давать установки, тем более что все были в званиях куда постарше этого майора. Начал было пошумливать и генерал Рыбалко, но потом сбавил тон, прислушался к мнению командира-сапера. Майор Бессонов, между прочим, большого начальства не боялся, спокойно делал свое дело. Первоочередной переправы добивались танкисты. Он считал, что

это справедливо, но вместе с танками на паромы пристраивал машины с боеприпасами, радиостанции, полевые кухни.

Вопросов возникало множество, страсти накалялись.

Молодой, борцовского сложения полковник «давил» на Бессонова:

— Переправишь бригаду в кратчайший срок, представим к званию Героя, а нет — смотри...

Бессонов отвечал охрипшим голосом:

— За сегодняшний день, товарищ полковник, если всех вас послушать, я должен был бы уже трижды стать Героем и дважды приговорен трибуналом к расстрелу...

Переправа началась. Дело пошло, все отладилось, как следует быть. Под артогнем, под бомбами противника переправлялись на правый берег и сразу же вступали в бой пехотинцы, танкисты, артиллеристы. Форсирование Днепра на нашем участке длилось несколько суток — несколько суток тяжелого труда и ожесточенного боя.

С 25 по 28 сентября корпус в составе трех танковых бригад, правда не полного состава, и приданного нам 15-го тяжелого танкового полка, дивизиона гвардейских минометов и двух артиллерийских частей переправился на правый берег и совместно с частями 47-го стрелкового корпуса вел бои на плацдарме. Противник сосредоточил на узком участке фронта части своих потрепанных 19-й и 7-й танковых, нескольких моторизованных и пехотных дивизий. Обе стороны ставили перед собой активные задачи. Частыми атаками гитлеровцы пытались сбросить советские войска с правого берега, их авиация беспрерывно наносила удары по нашим боевым порядкам и переправам.

Силы наступающих советских войск на правом берегу Днепра наращивались. Шли непрерывные бои за расширение плацдарма. Здесь же действовали части нашего корпуса и 3-й гвардейской танковой армии под командованием генерал-лейтенанта П. С. Рыбалко, другие соединения. Солдаты, сержанты, офицеры сражались стойко и мужественно. За подвиги при форсировании Днепра, как известно, 2438 советских воинов удостоены звания Героя Советского Союза. В их числе гвардейцы нашего корпуса — командир танкового батальона гвардии старший лейтенант Василий Абрамович Потапов, командир батареи противотанковых пушек старший лейтенант Сергей Николаевич Суворов, командир танковой роты гвардии лейтенант Николай Кузьмич Козловский, командир минометного расчета старшина Иван Семенович Федченко, красноармеец Василий Федорович Тюрин.

Воины разных национальностей, боевые побратимы, отважно и дружно дрались они на берегах седого Днепра.

Плацдарм на правом берегу расширился, уже получил он свое название не только на оперативных картах, но и в печати — великобукринский. Впоследствии он сыграл большую роль в освобождении Киева. Части нашего корпуса, овладев населенными пунктами Киевской области Великим Букрином и Ходоровом, значительно улучшили свои позиции. Наносили удары по гитлеровским войскам и танкисты 3-й гвардейской танковой армии. С нею активно взаимодействовал партизанский отряд имени В. И. Чапаева.

Казалось, все сделано для дальнейшего развития наступления и сражения за Киев. Но вот дошел слух, что 3-ю гвардейскую танковую армию оттягивают назад, она должна скрытно оставить великобукринский плацдарм, переправиться на левый берег. Что могло означать данное решение?

Когда я доложил об этом начальнику штаба, он, оказывается, уже был в курсе дела. В штабной хате находилось всего несколько старших командиров, и полковник Кошелев повел доверительный разговор.

— Кажется, был упущен момент,—рассуждал он, будто думал вслух.— В оперативных решениях ведь так: если при назревшей ситуации удар не нанесен, лучше спланировать по-новому.

— Если замахнулся и не ударил, то отходи в сторону...— более просто продолжил ту же мысль майор Комаровский.

Кошелев, усмехнувшись, кивнул.

— Свое влияние возымели и некоторые неудачные, несогласованные действия войск,— решился заметить и я.

— Что именно вы имеете в виду? — повернулся ко мне начштаба.

— Хотя бы воздушный десант в ходе переправы: одни подразделения выбросили на правый берег, другие — на левый, расчленили силы, и своей роли десант, по-моему, не сыграл.

— Пожалуй, что так,— поддержали меня другие штабники.

— И вместе с тем хочется думать,— продолжал полковник Кошелев,— что дело не столько в этих субъективных факторах, сколько в особых планах и замыслах нашего высшего командования.

— Точно! — горячо воскликнул майор Комаровский.— Тут пахнет большой стратегией.

В том, что в ближайшее время столица Советской Украины будет освобождена, мы не сомневались. Вызывали живой интерес раздумья о том, как это свершится.

Пока что 8-му гвардейскому танковому корпусу вместе с другими оставшимися на правом берегу войсками приказано удерживать великобукринский плацдарм.

Для улучшения занимаемых позиций была проведена частная наступательная операция. О таких действиях Совинформбюро обычно сообщало как о боях местного значения. 8 октября после часовой артиллерийской подготовки и ударов краснозвездных штурмовиков 15-й тяжелый танковый полк с 10-м отдельным бронеавтомобильным батальоном с занимаемого рубежа обороны перешли в наступление с задачей прорвать оборону противника, обеспечить выход пехоты западнее Букрина и ввод в прорыв усиленной 59-й гвардейской танковой бригады. Задача эта была выполнена не полностью. К вечеру противник задержал продвижение наших войск сильным артиллерийским огнем. В течение ночи шел бой перед второй линией обороны противника.

В октябре мы вели затяжные бои. Гитлеровцы прилагали все старания, чтобы сбросить нас с плацдарма. Время от времени они создавали на отдельных участках довольно мощные группировки, пытаясь прорвать нашу оборону. Обстановка подчас обострялась крайне, и нашим танкистам совместно с пехотой соседнего корпуса приходилось вести боевые действия с немалыми потерями. При задаче удержать плацдарм это характерно. На плацдарме рассчитываешь только на свои силы, срочной помощи другие войска тебе не окажут, потому что они пока что за рекой. Прекрасно понимает это и противник и конечно же стремится разгромить тех, кто с боями вырвал у него плацдарм.

Вот несколько рабочих записей, сохранившихся по чистой случайности. Они своими краткими и сокращенными фразами, по-моему, полно характеризуют положение.

«...Имея в своем распоряжении танков — 12, САУ-85 — 3, 76-мм орудий — 2, 120-мм минометов — 5 и 243 активных штыка пехоты, сведенные в 60-ю гвардейскую танковую и 28-ю гвардейскую мотострелковую бригады, вошли в оперативное подчинение 38-й армии. Остальные части, не имеющие материальной части, выведены в район Макарова для ремонта колесных машин и вооружения».

«...Противник частями 1, 7, 25-й танковых дивизий и 20-й моторизованной дивизии СС «Мертвая голова» в 4.00 прорвал оборону и овладел населенным пунктом Кочерово».

«...60-я гвардейская танковая бригада во взаимодействии с 28-й гвардейской мотострелковой бригадой провели атаку и овладели восточной окраиной Кочерово. Были остановлены сильным артиллерийским огнем противника».

«...В 13.00 силами до полка пехоты и 30 танков, из них 10 — «тигры», противник атаковал 60-ю танковую и 28-ю гвардейскую мотострелковую бригады, овладел Кочерово».

«...В состав корпуса включен полк САУ, которым командует подполковник В. Чепиль. Это способствовало активизации боевых действий».

В целом бои на плацдарме были тяжелыми и часто неудачными. Прорыв с плацдарма не получился, приходилось с горечью от этого замысла отказаться. Но никакого уныния в войсках не было. Люди действовали смело и самоотверженно.

В дни, а вернее, в часы непродолжительного затишья между боями в подразделениях вручались нагрудные знаки «Гвардия». Офицеры (теперь уже офицеры), сержанты и солдаты принимали их из рук командиров с волнением, ценили столь же высоко, как ордена.

...Из штаба фронта последовали распоряжения, которые если и не раскрывали замыслов командования, то, во всяком случае, позволяли их понимать. Предлагалось любыми средствами, проявляя должную инициативу и военную хитрость, создать у противника впечатление, что силы советских войск на великобукринском плацдарме наращиваются и отсюда готовится наступление на Киев.

И мы выполняли поставленную задачу. Наши танковые бригады еще более активизировали боевые действия: стойко держались в обороне, изматывая противника, сами переходили в контратаки на разных участках. По ночам проводили большую работу инженерные подразделения, им помогали танкисты. Подбитые танки — и наши, и немецкие — растаскивались тягачами на местности с таким расчетом, чтобы они выглядели как скрытые, готовые к выдвижению резервы. На левом фланге выставлялись фанерные, искусно закамуфлированные макеты. Мастерские (их в шутку называли заводами) по производству фанерных корпусов танков, деревянных башен и стволов работали ночи напролет. А к утру то в лощине, то на опушке леса появлялись новые «скопления танков». Надо отдать должное создателям камуфляжа: проделывалось все это настолько мастерски, что воздушная разведка противника так и не раскрыла сути ложных

экспозиций. От глаз полевой разведки мы, разумеется, свои секреты надежно берегли.

Наши активные действия, внезапные мощные огневые налеты и решительные атаки вынуждали противника держать на этом направлении большие контингенты войск. Гитлеровское командование было введено в заблуждение.

Немцы ожидали наступления советских войск на Киев с юго-востока. А в это время готовился решающий удар севернее. Ушедшая с нашего плацдарма 3-я гвардейская танковая армия перегруппировалась именно туда. Там, из района Лютежа, силами 60, 38 и 3-й гвардейской танковой армий наносился главный удар.

Блестящее осуществление в дальнейшем Киевской наступательной операции свидетельствовало о возросших боевых возможностях советских войск, высокой четкости в работе и организаторской роли штабов, о полководческом таланте генерала армии Н. Ф. Ватутина и других военачальников. Операция была проведена молниеносно. Наступавшие дивизии и бригады устремились на юго-запад, в обход Киева, а 6 ноября, накануне великого революционного праздника, столица Украины уже была освобождена.

Несколько раньше, 20 октября 1943 года, Воронежский фронт был переименован в 1-й Украинский.

Дней десять спустя после освобождения Киева поредевшие части 8-го гвардейского танкового корпуса были сняты с великобукринского плацдарма, где все еще продолжались бои, и выведены в резерв Ставки на переформирование и доукомплектование. Нас вывели, собственно, после того, как великобукринский плацдарм утратил оперативное значение. Свою задачу на плацдарме корпус выполнил ценою больших усилий и потерь. Расквартировали части корпуса в известном пригороде Киева—Дарнице.

Не первый раз по ходу этих записок я упоминаю о выводе корпуса на переформирование и доукомплектование. Наши танкисты принимали участие в крупных и жестоких сражениях Великой Отечественной, причем всегда шли в атаки первыми, дрались во встречных боях, в которых можно только победить или погибнуть — и никак иначе, незыблемо стояли стальными крепостями в обороне, принимая на себя удары фашистских полчищ. И конечно же после таких боев и операций требовалось и восстановление боеспособности, и пополнение свежими силами.

Не всегда, даже находясь в резерве Ставки, удавалось провести необходимые мероприятия в полном объеме. Так случилось и на этот раз, в Дарнице.

Выдворенные из Киева гитлеровцы пытались любыми способами нанести урон наступающим советским войскам. Они предприняли ряд контрударов, особенно сильный— под Житомиром. Здесь им удалось сосредоточить группировку в полтора десятка дивизий, в том числе семь танковых. С большими трудностями сдерживали наши войска натиск врага. Пришлось оставить Житомир. Гитлеровцы продолжали наступать, не считаясь с огромными потерями, и продвинулись в сторону Киева до 40 километров.

Однажды ночью и нас подняли по тревоге. Приказ — выдвинуться вдоль Житомирского шоссе к реке Тетерев, занять и удерживать оборону. Будучи в резерве, бригады успели сдать оставшиеся танки, новых еще не получили. В бригадах насчитывалось по полторы-две сотни людей. Воевать танкистам, по сути, было нечем. Враг угрожал прорывом, и в этот опасный момент требовалось преградить ему путь. Срочно сформированные подразделения из состава всех бригад, без танков, были сведены в один отряд, к ним присоединились офицеры и солдаты штаба корпуса, имея четыре установки реактивных минометов, три орудия, несколько минометов. И вот такими силами выдвинулись мы на указанный рубеж. В этом районе собрали и объединили все силы, в том числе подразделения, отходившие из-под Житомира. Около недели воевали как пехотинцы — и рядовые и полковники. До подхода резервов оборону держали крепко. Враг не прорвался.

Гитлеровское командование, как было видно по всему, предприняло попытку отбросить советские войска за Днепр, вновь овладеть Киевом. Но авантюра окончилась провалом. Далеко идущие планы захватчиков были пресечены.

СТАРШИЕ И МЛАДШИЕ

Телеграмма предписывала: генералу Попову А. Ф. с начальниками служб прибыть в Москву, в Главное бронетанковое управление.

Стали собираться в дорогу. Комкор назначил для поездки в Москву группу офицеров, включил в нее и меня. Мы подготовили отчет о боевой деятельности корпуса, заявки на пополнение личным составом и укомплектование техникой, вооружением.

Выехали 14 декабря на трех старых, не однажды ремонтированных «виллисах». Под брезентовые тенты наскоро подшили солдатские одеяла, чтобы было не так холодно. С собой имели запас горючего и продуктов.

Уходили последние недели трудного сорок третьего...

Прифронтовые дороги и проселки запружены колоннами автомашин с военными грузами, с людьми, танками и артиллерийскими тягачами. Некоторые колонны с укрытой брезентом боевой техникой приходилось пережидать подолгу — они шли навстречу, в сторону передовой. А когда мы миновали войсковые тылы, иные картины открылись нашим глазам: выжженные села, разрушенные города, взорванные заводы, мосты. В рабочих бригадах, разбирающих руины, — одни женщины. Тяжелые раны советской земли прикрыты снегами, и раздольно гуляет на пустырях декабрьская метелица.

Ехали и молчали часами. Ненависть к врагу, к осатанелым фашистским варварам накипала в груди.

Несколько дней пути, непредвиденных остановок. И вот Москва. По-военному строгая, подтянутая, немноголюдная. Но уже не такая, какой доводилось видеть ее в сорок первом, когда она была фронтовым городом, форпостом обороны страны. Еще действовал комендантский час, еще сохранялось по ночам частичное затемнение, но жизнь всюду била ключом. О воздушных тревогах москвичи успели забыть. В столицу вернулись из эвакуации многие театры, шли новые кинофильмы. Карточная система делила хлеб и продовольствие скупо, но зато всем по заслугам и труду.

Прозвенел, пересекая нам дорогу, трамвай... Послышался возбужденный говор в толпе на неповторимом московском наречии... Взглянуло широкими окнами знакомое, побитое оспинами осколков здание... Напомнила о себе, будто окликнула, цветная афиша возвратившегося из эвакуации театра...

Москва родная!

Всей группой побывали мы на Красной площади.

Кремлевские звезды пока что по-военному зачехлены. А куранты пропели мелодию, как обычно, пробили наступивший час.

Разместились мы в гостинице ЦДКА. Тесновато, холодновато, но все равно как-то по-родственному хорошо в этом большом армейском доме.

Три дня оформляли заявки, уточняли порядок и сроки комплектования частей, мотаясь по разным управлениям и отделам. Таких, как мы, посланцев с фронта в Москве перебывало немало.

Вечером, где-то около 23 часов, вызвал нас командующий бронетанковыми и механизированными войсками маршал бронетанковых войск Я. Н. Федоренко.

У него в кабинете находилось человек пять генералов и офицеров. Выслушав поочередно наши представления, пожав каждому руку, маршал пригласил нас присаживаться.

— Мы вот тут редактируем новый Боевой устав бронетанковых войск,— сказал Яков Николаевич.— Решили привлечь к этой работе и вас, фронтовиков.— Он улыбнулся приветливо, хотя и устало, добавил: — Считаем необходимым прислушаться к мнению товарищей, которые творят строки устава своими боевыми делами.

— Тем более, товарищ маршал, что редактирование подошло как раз к части, их касающейся,— произнес один из генералов.— Речь идет о действиях танковых и механизированных корпусов.

Помимо нас были приглашены еще два командира танковых корпусов и с ними офицеры их штабов, находившиеся в резерве Ставки.

И началась работа. Кто приобщался когда-либо к редактированию регламентирующих документов, тот знает, насколько это кропотливое и ответственное дело.

Яков Николаевич зачитывал пункт. Обсуждалась, уточнялась общая редакция. Затем подвергались всестороннему анализу каждая фраза и даже отдельное слово — ведь ими регламентировались действия целых воинских коллективов в той или иной боевой обстановке. Верная формулировка сопутствует победе, ошибочная приведет к неудаче, а то и к поражению. Иного метода в работе над уставным текстом, по-моему, и быть не могло.

Через несколько минут исчезла первоначальная скованность общения с высоким руководством. Все увлеклись работой. Наши фронтовики участвовали в редактировании самым активным образом, вносили дельные предложения.

Для меня все это было ново, интересно. Я тоже не стеснялся, высказывал свои мысли, хотя являлся, пожалуй, самым младшим из присутствующих. Некоторые наши предложения, как помнится, влились в строки Боевого устава.

Поработали так несколько часов. Усталость брала свое, и никакое творческое вдохновение не могло ей противостоять. Веки слипались, найденные мысли вдруг куда-то проваливались. А еще хотелось есть и курить. Хотя бы маленький какой перерыв!..

Видя, что мы клюем носами, Яков Николаевич, прежде чем объявить перерыв, рассказал несколько курьезных слу-

чаев, чтобы немного нас взбодрить. Наверное, мы реагировали на это не очень-то живо.

— Перерыв на пятнадцать минут,— объявил маршал.

Он пригласил всех в соседнюю комнату, где были приготовлены чай и бутерброды — кусочки хлеба с тоненькими ломтиками колбасы. Все взяли по стакану чая и по бутерброду, их подали по числу присутствующих.

Вспомнилось мне время учебы в академии. Чай с бутербродами был основой наших завтраков и ужинов, а иногда составлял и весь обед во время короткого перерыва между лекциями и практическими занятиями.

После перерыва работали еще часа полтора. За окнами темнела глубокая ночь.

Усталость начала одолевать не только нас, но и начальников из управления и самого Якова Николаевича — людей, видимо, втянувшихся в такой распорядок работы, но намного постарше нас возрастом.

Маршал решил прервать работу над уставом, заметив, что продуктивность ее резко снизилась. Сказал об этом, хмурясь, с явным неудовольствием.

— Сейчас перейдем в приемную,— объявил он, вставая,— посмотрим кадры фронтовой кинохроники.

— В съемках принимал участие Роман Кармен,— сообщил один из генералов.

Имя этого мастера документального кино, большого художника было уже тогда широко известно. Мне довелось познакомиться с кинематографистом на фронте и лично. Пока переходили в приемную, я вспомнил, как однажды Роман Кармен, находившийся в командировке, накануне боя ночевал в моей землянке. С рассветом наши пошли в атаку, но гитлеровцы оказали упорное сопротивление. Накал боя все возрастал. И когда фашисты перешли в контратаку, Кармен попросил у И. Г. Деревянкина «виллис», выехал ближе к боевым порядкам. С НП корпуса было видно, как оператор где на «виллисе», а где вприпрыжку по холмам и рвам носился со своей кинокамерой, совершенно пренебрегая опасностью, старался схватить крупным планом действия атакующих. Комкор приказал вернуть кинооператора на НП.

Но Кармен никого не хотел слушать и делал свое дело. В конце концов удалось его вызвать на НП.

— Сорвали мне съемку! — бурчал он раздраженно и грозился пожаловаться высокому начальству, не зная того, что как раз оно и велело нам всячески оберегать оператора на передовой.

...Застрекотал аппарат в приемной, замелькали на небольшом экране кадры документального фильма. Кому-кому, а нам, фронтовикам, кадры эти были очень знакомы, но смотрелись все равно с интересом. Мы с Виктором Грецовым устроились на полу, привалившись спинами к теплому радиатору отопления. Можно бы и прикорнуть в затемненной приемной, но теперь почему-то не спалось.

Дверь в кабинет маршала оставалась полуоткрытой. Оттуда послышался резкий, длинный звонок. Яков Николаевич, смотревший фильм вместе с нами, подхватился и бросился в кабинет. Выслушав, что ему говорили по телефону, он в ответ произнес лишь два слова: «Понял. Есть».

Фильм кончился. Маршал Я. Н. Федоренко вышел в приемную. Сказал между прочим, что это был звонок из Кремля, откуда сообщили, что Верховный Главнокомандующий убыл на отдых.

Переходя на официальный тон, маршал объявил:

— Все свободны. Я тоже уезжаю. Завтра...— Он посмотрел на часы.— То есть уже сегодня сбор здесь же в одиннадцать ноль-ноль.

Он оделся и ушел.

Было около пяти утра. Ночных пропусков нам еще не выдали, а в Москве — комендантский час. До шести утра пришлось побыть в управлении, а уж потом ехать к себе в ЦДКА.

Звонок из Кремля, о котором говорил Я. Н. Федоренко, склонял к раздумьям. Завязался и разговор, правда немногословный. Мнение высказывалось единодушное: какую же титаническую работу ведут руководители партии и правительства, лично И. В. Сталин в эти тяжкие для страны военные годы. Верховный Главнокомандующий и весь генералитет отдыхать уезжают только под утро.

Поспать в гостинице нам удалось только часа два.

К назначенному маршалом сроку мы прибыли в Главное бронетанковое управление. Занимались вопросами по своим службам. Много пришлось поработать, поездить по учреждениям командующему артиллерией корпуса полковнику Грецову, начальнику тыла полковнику Мишневу, заместителю командира по техчасти полковнику Кузнецову и мне.

Отработали, согласовали отправные данные на переформирование частей корпуса, утвердили заявки на укомплектование боевой техникой, сдали три старых, битых «виллиса», на которых приехали, получили четыре новых и отправились в обратный путь. Пожалуй, больше других был доволен наш корпусной врач подполковник Ю. С. Шкода. Ему удалось за-

получить в Центральном военно-медицинском управлении целый комплект хирургических инструментов, медикаменты, в том числе только что входивший тогда в употребление пенициллин.

Переформирование и укомплектование такого крупного соединения, как танковый корпус,— большая и кропотливая работа. Проводилось, собственно, заново сколачивание бригад, батальонов, рот, больших и малых воинских коллективов, которым нужно было обрести боевое единство. Были спланированы и регулярно проводились занятия по боевой и политической подготовке. Танкисты, мотострелки, артиллеристы, саперы, связисты получали технику и вооружение, осваивали их, совершенствовали свою выучку, готовились к предстоящим боям.

Генерал Попов на каждом совещании требовал от командиров наводить порядок в подразделениях и службах, качественно отрабатывать вопросы боевой подготовки. Сам он занимался всем этим от зари до зари, нередко ночью: проверял несение службы, охрану частей, проводил сбор по тревоге. Его пример ратного трудолюбия и служебного рвения увлекал и всех нас. А еще располагало всех к Алексею Федоровичу его командирское обаяние. Он был строг, но справедлив, душевно близок к людям, особенно к солдатам старшего возраста.

Рассказывая иногда о себе, Алексей Федорович «нажимал» на то, что он из «породы донских казаков». Видно, и характер, твердый да отважный, и неугомонный юмор свой унаследовал от них же — от донских казаков, столь ярко выписанных Шолоховым. Статный, с четырьмя орденами Красного Знамени на груди, строгий и веселый генерал-лейтенант танковых войск — таким был наш комкор.

...Так вот, несколько характерных, на мой взгляд, деталей из периода очередного возрождения корпуса в тылу, под Дарницей.

Алексей Федорович и мы, несколько офицеров штаба, работали в расположении батальона связи корпуса. Проводили тренировку по слаживанию командных радиосетей, заодно осматривали хозяйство, землянки личного состава, кухни, вещевой склад. В одном из помещений обнаружили большую кучу разного хлама, в котором вперемешку были свалены и добротные вещи.

— Экая баррикада...— буркнул Алексей Федорович, морщась, как от зубной боли.

Он велел вызвать кого-нибудь из офицеров-хозяйствен-

ников и, когда примчался, отдуваясь, полнеющий капитан, заговорил строго-насмешливо:

— Слушай, да если бы сейчас времена инквизиции, тебя бы сожгли на этом хламе, как еретика на костре! Ибо вред чинишь служебному делу.

Быстренько взялись хозяйственники за этот склад. И сам капитан, как говорится, засучил рукава.

В другой раз поехали мы с Алексеем Федоровичем в поле посмотреть занятия по боевой подготовке. Побывали на разных учебных местах. Впечатление в общем складывалось неплохое — и командиры, и подчиненные добросовестно трудились.

А в одном месте натолкнулись на явный непорядок.

Занятия проводил командир роты, старший лейтенант. Солдаты и сержанты были одеты «разношерстно», кто в шинели, кто в бушлате, кто в комбинезоне. Поодаль стояло всего два танка, как оказалось — неисправных, механики безуспешно копались в двигателях. У одного из офицеров карта в планшете, у другого за пазухой.

Ротный, конечно, подал команду «Смирно», доложил генералу, что проводятся полевые занятия по такой-то теме.

— Образование у вас какое, товарищ старший лейтенант? — поинтересовался вдруг Алексей Федорович.

— Общее среднее, военное... тоже среднее. Окончил училище,— ответил озадаченный офицер.

— Человек образованный...— молвил раздумчиво Алексей Федорович.— Ну раз так, приготовьте лист бумаги и записывайте, что буду говорить.

Ротный вырвал страничку из тетради, положил на планшет, вооружился карандашом.

— Пишите,— кивнул Алексей Федорович и стал внятно, раздельно диктовать: — Сего числа восточнее перекрестка шоссе Дарница—Борисполь мы, генерал-лейтенант танковых войск Попов и подполковник Ивановский, обнаружили группу небрежно одетых военнослужащих с двумя неисправными танками. Установили, что это 4-я танковая рота 2-го батальона 58-й гвардейской танковой бригады. По причине плохой подготовки и низкого методического уровня занятий учебное время (шесть часов) потрачено впустую...

Проверив записанный текст, Алексей Федорович вернул листок ротному.

— Сложите его вчетверо, товарищ старший лейтенант, и отныне носите в нагрудном кармане,— сказал он офицеру.— Носите до тех пор, пока я лично не разрешу вам с ним расстаться.

— Есть,— тихо ответил старший лейтенант. Щеки его заливала краска стыда, но в глазах светилась решимость поправить дело.

Парень-то, видать, хороший. И командир боевой — когда расстегивался, пряча листок в нагрудный карман, на гимнастерке сверкнул орден Отечественной войны.

Мы сели в машину. Алексей Федорович сказал:

— А теперь поедем к начальству. И комбригу Пискареву, и начполитотдела Гейлеру нужно сделать внушение за бесконтрольность.

На фронтах зимой сорок четвертого не было затишья. Шли и развивались наступательные операции советских войск, очищалась от фашистских захватчиков советская земля.

Стратегическая инициатива находилась в руках Красной Армии. Гитлеровское командование вынуждено было заниматься организацией упорной обороны и нанесением контрударов. У нас в это время создавались крупные резервы. Наш гвардейский танковый корпус уже несколько месяцев пребывал в резерве Ставки, как и другие войска. И это в то время, когда гитлеровская Германия проводила тотальную мобилизацию, ставя под ружье стариков и подростков.

Ресурсы и резервы Советской страны были неисчислимы. Коммунистическая партия сумела в особенно тяжелый начальный период войны и в последующем мобилизовать, вдохновить советский народ на героический, беспримерный в истории подвиг на фронте и в тылу, обеспечила защиту социалистического Отечества.

26 марта 1944 года корпусу и входящим в его состав частям вручались гвардейские Знамена. Пурпурные полотнища с изображением великого Ленина полыхали на весеннем ветру. Коленопреклоненные танкисты торжественно приносили гвардейскую клятву. Многократно и звучно повторяло эхо слова: «Родина, слушай нас!»

Командующий 1-м Украинским фронтом генерал армии Н. Ф. Ватутин в это время находился в госпитале. Он прислал гвардейцам-танкистам поздравительную телеграмму, получившую в частях горячий отклик. Имя этого талантливого полководца в войсках все произносили с громадным уважением. С гордостью восприняли воины весть и о послед-

нем ратном подвиге командующего, с горечью — о его тяжелом ранении.

Тот неравный бой, в котором по-солдатски принял личное участие генерал армии Н. Ф. Ватутин, произошел 29 февраля. Командующий с группой штабных офицеров и немногочисленной охраной совершал поездку на фронт. В пути группа подверглась вражескому нападению.

В течение нескольких недель лучшие медицинские силы Киева боролись за жизнь Николая Федоровича. Прилетел из Москвы Н. Н. Бурденко, но и он ничего уже не мог сделать. В ночь на 15 апреля генерал армии Николай Федорович Ватутин скончался.

В БОЯХ ЗА ЛЮБЛИН

Сорок четвертый год изобиловал событиями, которые не только коренным образом изменили стратегическую обстановку на фронте, но и оказали решающее влияние на политическую атмосферу в Европе.

С воодушевлением и гордостью восприняли наши танкисты Постановление Государственного Комитета Обороны и Заявление Советского правительства от 10 апреля 1944 года о том, что вступление советских войск на территории зарубежных стран диктуется исключительно военной необходимостью и не преследует иных целей, кроме задач сломить и ликвидировать продолжающееся сопротивление войск противника, вызволить из немецкой неволи братьев поляков, чехов, словаков и другие народы Западной Европы, находившиеся под пятой гитлеровской Германии.

В частях проходили митинги. Состоялось собрание партактива корпуса. Запомнилось выступление командира танкового батальона гвардии капитана Н. Колыхалова.

— Надо помнить, что война еще не окончена и нам предстоят новые бои,— говорил он с трибуны.— Многие наши воины, в первую очередь коммунисты, сражались стойко и мужественно. Теперь, в дни передышки, мы на их примере учим молодое пополнение, прибывающее к нам почти ежедневно. Все офицеры нашего батальона много работают с личным составом. Партийная организация по-деловому помогает командиру воспитывать, сколачивать воинский коллектив батальона, повышать его боеспособность.

Тогда в наших ротах были созданы полнокровные партийные организации. Помнится, об опыте одной из них рассказывал парторг гвардии старшина В. Масленников. Кста-

ти, он подчеркнул, что почти все члены парторганизации стали коммунистами или накануне, или в ходе боев.

Словом, наши танкисты были настроены по-боевому. А частые сообщения по радио о новых победах советских войск встречали, конечно, с радостью и ликованием. К тому времени вражеские войска были отброшены от Ленинграда, была полностью ликвидирована группировка гитлеровцев в районе Корсунь-Шевченковского. Войска 2-го Украинского фронта вышли на государственную границу. Завершалось освобождение Крыма.

Наши подразделения пока что занимались боевой подготовкой. В. В. Кошелев, теперь уже генерал-майор, организовал и провел командно-штабное учение «Бой танкового корпуса в оперативной глубине противника».

В ходе учения совершенствовались подготовка и слаженность штабов бригад, полков и штаба корпуса. Это было весьма важно и своевременно, ибо произошли значительные кадровые изменения. Многие офицеры были выдвинуты на вышестоящие должности, направлены на учебу, немало людей погибло в минувших боях. На их место пришли офицеры из войск, имевшие боевой опыт, но мало знакомые со штабной работой.

Обновился и состав оперативного отдела штаба корпуса, которым я руководил. Ушел на повышение старший помощник подполковник А. Мезер, вместо него прибыл из центрального аппарата майор Ю. Егоров. После окончания военного училища он служил на Дальнем Востоке, в дивизии, которой командовал тогда Алексей Федорович Попов. В 1941 году эта дивизия была переброшена на Волховский фронт и участвовала в успешной наступательной операции советских войск по освобождению Тихвина. После ранения Егоров получил назначение в управление формирования танковых частей, и мы встретились с ним во время нашей командировки в Москву. Комкор хорошо знал Ю. Егорова и, когда тот обратился с просьбой взять его на фронт, оказал нужное содействие. До конца войны Егоров работал заместителем начальника оперативного отдела штаба корпуса. Это был грамотный, исполнительный офицер. Отработанные им документы, и особенно карты, схемы, отличались полнотой содержания и наглядной, четкой, по-военному красивой графикой.

Назначенный на должность старшего помощника начальника отдела майор М. Лях умел четко формулировать задачи в боевых распоряжениях, скупыми фразами емко излагать результаты боевых действий в донесениях и оператив-

ных сводках. Старшим офицером связи стал капитан Н. Женавчук. Несколько раньше в оперативном отделе появился старшина Егоров — картограф-чертежник. Оформленные им отчетные карты, схемы и другие графические документы были наглядны и выразительны, словно картины. Уже тогда, на фронте, проявлялся у старшины Егорова несомненный талант художника. В свободные минуты он делал зарисовки из фронтового быта, портреты солдат, офицеров. После войны Е. П. Егоров стал профессиональным художником и сказал свое слово в искусстве живописи, стал профессором Харьковского художественного института.

На учении, о котором идет речь, совершенствовалась наша совместная работа с начальниками родов войск и служб — начальником разведки подполковником Наумовым, начальником артиллерии полковником Грецовым, корпусным инженером подполковником Почуевым, начальником связи подполковником Ананьевым, корпусным врачом майором медслужбы Шкода.

К этому времени произошли изменения в командном составе бригад. 58-й гвардейской танковой бригадой по-прежнему командовал полковник П. В. Пискарев, 59-й — вновь назначенный полковник А. С. Туренков, 60-й — полковник Н. Н. Степанов, 28-й гвардейской мотострелковой бригадой — полковник Г. Р. Пивнев.

Проведенное командно-штабное учение как бы подводило итог нашей большой работе по переформированию и сколачиванию корпуса. Оно явилось одновременно и проверкой готовности штабов корпуса и частей к дальнейшим боевым действиям.

В начале мая был получен приказ Ставки о передислоцировании корпуса в район Киверцы, Ровно. Корпус вошел в состав 1-го Белорусского фронта, которым командовал известный, авторитетный в армии военачальник К. К. Рокоссовский.

В период подготовки к наступательным операциям лета 1944 года у нас были встречи и совместная работа с польскими воинами. Предполагалось непосредственное взаимодействие 8-го гвардейского танкового корпуса с 1-й армией Войска Польского. Генерал Зигмунд Берлинг и офицеры его штаба часто бывали у нас, а мы у них. Отрабатывались вопросы связи, планирования и организации боевых действий, проводились совместные учения и штабные тренировки. 14—18 июня большая группа наших офицеров во главе с комкором принимала участие в командно-штабных учениях в 1-й армии Войска Польского. Отрабатывалась тема «Ввод

танкового корпуса в прорыв в ходе наступления армии». Польские товарищи, как сами они заявили, многое почерпнули на этих учениях из нашего боевого опыта. Установились отношения дружбы и боевого братства, даже не ощущался языковой барьер. Штабные офицеры обходились в работе без переводчиков.

Все это было в Киверцах, в районе Луцка.

Наши танкисты многое узнали о польских воинах-патриотах, о польских частях и соединениях, зародившихся и окрепших на советской земле, о боевом крещении дивизии имени Тадеуша Костюшко у белорусского местечка Ленино.

Истоки советско-польского военного содружества, как нам стало известно, берут начало с весны 1943 года. Союз польских патриотов обратился тогда с просьбой к Советскому правительству помочь сформировать польское соединение. Было принято решение о формировании 1-й польской пехотной дивизии, которой впоследствии было присвоено имя польского национального героя Тадеуша Костюшко. Первым командиром дивизии был назначен полковник З. Берлинг. Он же, теперь уже генерал, командовал 1-й армией Войска Польского.

Обращала на себя внимание «родственная» схожесть польских частей и соединений с советскими. Да и как иначе могло быть? Ведь формировались они по штатам наших полков и дивизий.

Польские воины, как они нам искренне в том признавались, с первых дней формирования рвались на фронт. Но далеко не все они владели в достаточной мере оружием и техникой. Чтобы в кратчайшее время сделать соединение боеспособным, в польскую дивизию было откомандировано более 300 советских офицеров.

Польские товарищи показывали нам свои знамена с вышитыми на них словами: «За нашу и вашу свободу». Первое такое знамя Союз польских патриотов вручил в июне 1943 года 1-й польской пехотной дивизии.

Строительство польских вооруженных сил на территории СССР расширялось и наращивалось. Создавались новые дивизии и корпуса, а в марте 1944 года Генеральный штаб издал директиву о сформировании 1-й армии Войска Польского. Вскоре начала создаваться еще одна армия. А 21 июля 1944 года Крайова Рада Народова приняла декрет о слиянии всех соединений в единое Народное Войско Польское.

На вооружение Войска Польского даже в самые трудные времена Советское правительство не жалело средств. Только

в 1944 году Войску Польскому было передано 200 тысяч винтовок и карабинов, 72 тысячи автоматов, 27 тысяч пулеметов, 4600 противотанковых ружей, 4630 орудий и минометов, 250 танков.

Благотворное влияние на морально-политическое состояние формируемых польских частей и соединений оказывал советский образ жизни. Это мы знали, видели в период нашей совместной с ними работы. Немало переняли польские товарищи и у наших танкистов. Наши командиры, офицеры штаба, политработники учили боевых друзей методам планирования и организации боевых действий, искусству побеждать, передавали им свой богатый оперативно-тактический и военно-технический опыт, являясь при этом проводниками марксистско-ленинской идеологии.

Летом 1944 года, когда началось освобождение Польши от немецко-фашистских захватчиков, Войско Польское уже представляло собой серьезную силу. Оно принимало участие в боевых действиях, находясь в составе 1-го Украинского и 1-го Белорусского фронтов.

В разгар этих событий, перед летними наступательными операциями 1944 года, прозвучало сообщение о начале высадки англо-американских войск в Нормандии.

Весть об открытии второго фронта в Западной Европе произвела, конечно, впечатление, но большого восторга не вызвала. Мы его так ждали тогда, когда вели кровопролитные бои под Воронежем и Сталинградом, на Северном Кавказе и в Крыму, но союзники тогда отмалчивались и отсиживались. А теперь что ж... Хорошо, конечно, что будут помогать бить фашистов, но мы уже и сами бы справились. Примерно так рассуждали наши танкисты, простые, отважные парни, познавшие войну.

Когда во время беседы с личным составом один из наших пропагандистов пламенно заявил, что, мол, впервые во время войны мощные, сокрушительные удары Красной Армии стали сочетаться с наступательными операциями союзных войск в Западной Европе, послышались слова и фразки иронического тона:

— Это еще надо поглядеть, как они будут сочетаться...

— Ложка хороша к обеду, а тут... Вроде и поздновато.

— А может, они побаиваются, чтобы мы до Ла-Манша не рванули?

Подобные разговоры возникали не только в солдатских кругах. Иногда неофициально толковали на эту тему и в штабах частей.

В середине июля соединения двух общевойсковых армий 1-го Белорусского фронта прорвали оборону противника на рубеже Смердынь, Торговище. Наш танковый корпус, хорошо укомплектованный и сколоченный, был введен для развития успеха. К этому времени соединение значительно выросло численно, намного увеличилась его огневая мощь. В корпусе — три танковые и одна мотострелковая бригады, тяжелый танковый полк, два полка самоходных артиллерийских установок, зенитный полк, дивизион гвардейских минометов «катюш». Танков и самоходок у нас было теперь свыше 250!

Частям корпуса предстояло форсировать две реки — Турья и Западный Буг, в дождливую погоду пройти по раскисшим дорогам почти 200 километров. С первых часов этого марша, который время от времени прерывался боями с отходившими частями противника, танкисты, в том числе и молодые, стойко преодолевали трудности, проявляли мужество. В наступлении, между прочим, всегда так: силы людей будто удваиваются, и они способны на любые свершения и подвиги. Наступательный порыв охватывает всех.

Буг форсировали с радостным, гордым чувством, что вот же пришел час, когда советская земля остается уже за плечами, когда она уже полностью освобождена от фашистских захватчиков, и, какой бы ни была израненной, все равно будет возрождена.

Я видел, как солдаты снимали шапки, кланяясь на прощание родной земле, видел, как они припадали к ней, пили воду из Буга. Я и сам с волнением расстался с землей, на которой родился, вырос и которой буду предан до последнего дыхания.

Двумя колоннами части корпуса шли по территории Польши, направлением на Люблин. Применяя обходные маневры, танковые подразделения в коротких стычках овладевали опорными пунктами противника, не давали ему закрепиться на рубежах.

Дерзко и решительно действовала, например, танковая разведгруппа под командованием старшего лейтенанта В. Березного. Она двигалась впереди главных сил с задачей выйти к реке Западный Буг, захватить переправы и провести разведку боем.

Танки порой не шли, а будто плыли. Перед этим два дня лил дождь, дороги раскисли, ручьи превратились в реки, лужи — в озера.

Вблизи рощи группу обстреляли две противотанковые пушки противника. Засевшие неподалеку гитлеровцы от-

крыли также огонь из автоматов. Старший лейтенант Березной принял тактически грамотное решение: выдвинул на прямую наводку самоходное орудие, а сам на танке направился по лощине в обход. Расчет его оказался верным. Первым же выстрелом самоходка приковала к себе внимание гитлеровцев. Они ввязались с ней в огневой бой и не заметили приближения с фланга танка. А минуту спустя тридцатьчетверка уже утюжила гусеницами и пушки гитлеровцев, и их прислугу. Фашистские автоматчики бросились спасаться бегством, но были скошены пулеметным огнем бронетранспортеров группы.

У деревни Чернув, расположенной на самом берегу Западного Буга, группа старшего лейтенанта Березного наткнулась на немецкий обоз, готовившийся переправиться на правый берег реки. Танкисты повредили 6 автомашин, 10 повозок, уничтожили около 50 гитлеровцев. Двигаясь по берегу дальше, они вышли к подготовленной фашистами переправе и захватили ее, однако удержать не смогли.

Вернувшись к деревне Чернув, группа заняла оборону. Танкисты и мотострелки стойко отражали все атаки гитлеровцев и продержались почти без потерь до подхода главных сил своей бригады, которая с ходу включилась в боевые действия.

На гимнастерке старшего лейтенанта Березного вскоре засиял орден Ленина.

В период наступательных действий на люблинском направлении наш корпус был включен в состав 2-й гвардейской танковой армии генерал-полковника С. И. Богданова. Танкистам предстояло сыграть важную роль в осуществлении одного из двух главных ударов, которые наносил по врагу на территории Польши 1-й Белорусский фронт генерала армии К. К. Рокоссовского.

Удар на Люблин планировался с последующим поворотом наступающих войск на Прагу — предместье Варшавы.

Мне, начальнику оперативного отдела штаба корпуса, довелось принимать участие в командно-штабной игре на картах, которую проводили перед началом операции представитель Ставки Маршал Советского Союза Г. К. Жуков и командующий фронтом генерал армии К. К. Рокоссовский.

Когда ехал по вызову, думал: ну постою в задних рядах, посмотрю на карту из-за широких плечей начальников да и удалюсь тихонько. Кто обратит внимание на скромного подполковника в таком созвездии генералов.

Вышло же несколько иначе. Занятие проводилось в просторном помещении, при участии многих генералов и офицеров. Организовано оно было так, что остаться в сторонке не удалось бы никому. На огромном столе — рельефная карта с нанесенной обстановкой. Дальше — столики, за которыми сидели согласно оперативному построению командармы, командиры корпусов с начальниками штабов, авиационные, артиллерийские, инженерные и другие начальники.

Маршал Советского Союза Г. К. Жуков и генерал армии К. К. Рокоссовский разбирали варианты будущих действий войск, возможные повороты обстановки. К этой аналитической работе они привлекали собравшихся, обращаясь с вопросами к генералам, возглавлявшим армии, корпуса, дивизии, к начальникам штабов.

— 8-й гвардейский танковый корпус движется двумя колоннами.— Маршал Г. К. Жуков дважды черкнул по карте указкой.— Какие силы противника могут ему противостоять?

Он остановил строгий взгляд прямо на мне. А генерал армии К. К. Рокоссовский смотрел ободряюще, будто бы даже подмигнул мне. Наверное, я и должен был отвечать на вопрос.

— Начальник оперативного отдела штаба 8-го гвардейского танкового корпуса подполковник Ивановский, — представился я, как положено, и доложил: — Ожидается выдвижение 78-й пехотной дивизии противника.

— Откуда? — прозвучало выстрелом единственное слово.

— Товарищ Маршал Советского Союза, выдвижение ее следует ожидать по Варшавско-Люблинскому шоссе.

— Решение?

— Бригадам корпуса двигаться не по шоссе, а параллельно по проселочным дорогам... С захватом переправ и последующим выходом во фланг противнику.

Г. К. Жуков едва заметно кивнул, что, наверное, означало удовлетворение ответом, и обратился к другому участнику игры.

На лице К. К. Рокоссовского светилась его всегдашняя улыбка.

...Возвращались мы к себе в добром настроении. Надо мной дружески подтрунивали: дескать, наверное, вздрогнула душа, когда вызвали к оперативной карте и пришлось отвечать на вопросы самого маршала Г. К. Жукова. Я поддерживал тот же шутливый тон, хотя действительно пришлось пережить напряженные минуты.

Дальнейшие события развернулись во многом так, как и предполагали руководители и участники игры на картах. Порой могло показаться, что и сам противник следует намеченному нами плану — настолько все соответствовало предвидению.

Разведка донесла, что по Варшавско-Люблинскому шоссе выдвигается пехотная дивизия противника. Наши танковые бригады пошли по параллельным дорогам. Они сбивали вражеские заслоны, захватывали переправы, наносили противнику внезапные удары, преимущественно с флангов. Гитлеровской дивизии наши танкисты, собственно, не дали применить ее силы и вооружение. Ее, что называется, задергали до ввода в бой, более того — разведчики соседнего корпуса захватили в плен командира дивизии и с ним двух офицеров, в том числе начальника разведки.

Наступательную операцию мы хорошо начали и успешно развивали. Немногим более суток потребовалось корпусу, чтобы выйти в район Люблина. А вот сам город с ходу взять не удалось, он оказался довольно крепким орешком.

Гитлеровцы не только держали в городе свои значительные силы, но и собрали сюда бандеровцев, жандармерию, приспешников Рады Крайовой — всех, кому, собственно, деваться было некуда. Дрались они с упрямством и жестокостью обреченных. Почти каждый дом в городе был превращен в крепость. Фашисты вели бешеный огонь из разных видов оружия, а из окон верхних этажей в наши бронетранспортеры летели гранаты.

Бой за Люблин начался 20 июля и длился трое суток.

58-я гвардейская танковая бригада ворвалась в город с востока и вела бои в районе железнодорожного вокзала. С севера наступала, все более углубляясь в городские кварталы, 60-я гвардейская танковая бригада. С нею тесно взаимодействовала наша мотострелковая бригада. Танкисты 62-го гвардейского тяжелого танкового полка своими мощными машинами ИС пробивали бреши в обороне противника, уничтожали орудийным огнем узлы сопротивления.

К концу первого дня штурма Люблина уже два городских района были в наших руках. Гитлеровцы тем не менее продолжали ожесточенно сопротивляться. Подтянув силы пехоты и самоходную артиллерию, они переходили в контратаки. Тяжелые бои завязались на северной окраине города, где после форсирования речки Вепш наступала 60-я гвардейская танковая бригада.

Наступательный бой в условиях города очень труден, особенно для танкистов, так как они в этом случае лишаются

свободы маневра. А противник получает возможность использовать в борьбе с танками самые коварные способы. Поступали доклады о подбитых, подожженных танках, о потерях в мотострелковых частях. Во время постановки задачи подразделениям был убит буквально из-за угла командир истребительно-противотанкового артиллерийского полка подполковник В. Ионис.

Квартал за кварталом, дом за домом отбивали у врага наши танкисты, пехотинцы, артиллеристы. Пришлось создать штурмовые группы. Каждая из них имела два-три танка, самоходно-артиллерийскую установку, десант автоматчиков и саперов. В уличных боях штурмовые группы действовали, сообразуясь с обстановкой, танки пробивались по улицам, сокрушая орудийным огнем вражеские огневые точки, их действия поддерживали САУ, автоматчики завязывали бои в домах, саперы взрывали заграждения, укрепления, разминировали проходы.

Местные жители подсказали танкистам одной из штурмовых групп, что гитлеровцы пытаются уйти из города по Варшавскому шоссе. Танки лейтенантов А. Афанасьева и Н. Маришева, а вслед за ними несколько других машин выскочили на широкое Варшавское шоссе. По обеим его сторонам вытянулись колонны немецких автомашин и повозок с награбленным добром. Тридцатьчетверки на полном ходу врезались в колонну, мяли гусеницами машины и повозки. Сержант А. Алимов и рядовой Л. Жилин расстреливали гитлеровцев из пулеметов. Развернувшись, танки проутюжили колонну еще раз. Два десятка автомашин было превращено в груду лома.

Афанасьев со своим экипажем первым ворвался в центр города. Центральная площадь была превращена гитлеровцами в своеобразную цитадель, опоясана траншеями и дотами. Танкисты, искусно маневрируя, провели машину по лабиринту между траншеями, уничтожили 3 вражеских орудия с прислугой, 4 миномета с расчетами, 40 автомашин, до сотни гитлеровцев. Танк был подбит, вышла из строя пушка, но экипаж продолжал сражаться. Офицер увлекал подчиненных своей беззаветной храбростью — косил врагов меткими очередями из автомата, пока не был тяжело ранен.

Гвардии младшему лейтенанту Алексею Николаевичу Афанасьеву за этот бой было присвоено звание Героя Советского Союза. После лечения он вновь возвратился в свою часть.

Звания Героя Советского Союза (посмертно) был удостоен и механик-водитель этого танка — гвардии младший сер-

жант Александр Свиридович Яковенко. Видевшие его в бою танкисты, рассказывали потом, что он творил иа своей машиие просто чудеса. Таик иа большой скорости проходил узкие места между траншеями и дотами, круто разворачивался на месте, давил гусеиицами орудия и минометы с прислугой, рушил броией вражеские укрепления.

Отважно и умело действовали во время уличных боев мотострелки батальона во главе со своим комаидиром гвардии майором М. Быковым, воииы разведвзвода лейтеианта Н. Акулова, другие наши подразделения. Оии ворвались в центр города десаитом иа таиках, завязали бои одиовременно иа нескольких улицах, сковав зиачительные силы противника.

На пути наступления мотострелкового батальона оказался сильно укреплеииый опориый пуикт врага. Гитлеровцы открыли огоиь изо всех видов оружия. Гвардии майор Быков принял решение обойти опориый пункт с двух сторон. И когда автоматчики появились в тылу у гитлеровцев, те сразу же присмирели. Мотострелки забросали граиатами вражеские огневые точки, истребили огием десятки фашистских солдат и офицеров.

Победа близка, ио город еще ие взят. На третьи сутки начался решительный и окончательный штурм вражеских укреплеиий. Части занимали исходные позиции, чтобы с иовой силой ударить по засевшим в городе гитлеровцам и их бандеровскому охвостью.

На НП корпуса, расположеином в подвале полуразрушенного дома, раздался звонок аппарата прямой связи. Комаидующий фроитом К. К. Рокоссовский, безусловно, знал, что мы с большими усилиями «разгрызаем орешек», был в курсе обстаиовки. Заговорил с генералом А. Ф. Поповым понимающе, с теплотой в голосе.

— К вечеру вы обещали освободить город полностью, — иапомнил командующий.

— Все сделаем для этого, — деловито ответил Попов.

Константин Констаитинович иа этом разговор не закончил, продолжал в прежнем мягком тоне:

— Иного выхода, кроме как взять город, у вас нет. Мне сообщили, что в Ставке ждут от иас донесения о выполнении боевой задачи. Взятие Люблина, по всей вероятности, будет отмечеио салютом Родииы.

Комкор провел короткое оперативное совещаиие. Запросил комаидиров о положении и действиях частей. Быстро вырабатывался плаи наращивания усилий по очистке от гитлеровцев удерживаемых ими кварталов. Каждая бригада

получила свое направление — две-три улицы, ведущие к центру города. Пройти с огнем, пронизать танковыми колоннами весь городской массив, окончательно сломить сопротивление многочисленного и разношерстного вражеского гарнизона — такова была идея нового боевого плана.

Прибывший на НП командующий армией генерал-полковник С. И. Богданов одобрил и утвердил наш план. От нас командарм убыл на КП 7-го танкового корпуса, по дороге его транспортер обстреляли вражеские автоматчики, и генерал-полковник Богданов был ранен.

24 июля в 15.00 около 200 орудий и тяжелых минометов произвели пятиминутный огневой налет. Шквал смертоносного металла обрушился на вражеские позиции. И сразу же танки с десантом автоматчиков на броне пошли в атаку по всем заранее намеченным направлениям. Это был решительный и окончательный штурм Люблина. Гитлеровцы противостоять ему не могли. 58-я гвардейская танковая бригада, атакуя с востока, прошла своими подразделениями в глубь города, захватив мосты. По важнейшим опорным пунктам фашистов дали залп батареи «катюш». Авиаторы оказали нам поддержку с воздуха.

Начали поступать донесения об освобождении от фашистов улиц, площадей, кварталов. Почти все части вышли на указанные рубежи, но по прерывистой стрельбе в разных местах можно было судить, что бои отдельными очагами еще идут. Остатки разгромленных частей противника зацепились на западном берегу реки Бисшица.

— Товарищ Ивановский, — обратился ко мне командир корпуса. — Вместе с подполковником Наумовым проскочите по городу, проверьте положение на местах.

Мы с Наумовым, начальником разведки штаба корпуса, сели в бронетранспортер.

— По-быстрому давайте! — крикнул нам вдогонку Алексей Федорович.

Объехав несколько кварталов и побывав в центре города, где только что закончились бои, мы убедились, что весь город освобожден.

— Какие-то удивительные безлюдье и тишина, будто и не было здесь смертных схваток. Война окончилась, что ли...

Между прочим, мысли о недалеком окончании войны нет-нет да и навертывались. Мы не могли об этом задумываться, когда дрались под Сталинградом и на Курской дуге, а нынче, наверное, имели полное право. Будет же ей конец, треклятой, если мы уже в Польше!

После нашего возвращения А. Ф. Попов еще раз доложил в штаб фронта о выполнении поставленной соединению задачи.

Вечером заблаговременно настроили приемники на Москву. И вот прозвучал голос Левитана: «В двадцать один час будет передано важное сообщение». Эта фраза повторялась несколько раз.

Нетерпеливо поглядывали на часы.

— Сейчас, наверное, будет салют... — предположил Наумов.

— А что, товарищи... Если вдуматься в ход событий, то так и должно быть, — раздумчиво проговорил новый начальник политотдела полковник Н. А. Колосов. — Наступаем уверенно, бьем гитлеровцев на всех направлениях, так что есть все основания рассчитывать на салют.

В приказе Верховного Главнокомандующего, переданном по радио в 21 час, всему личному составу частей, освободивших от немецко-фашистских захватчиков крупный польский город Люблин, была объявлена благодарность, а в Москве произведен артиллерийский салют двадцатью залпами из 224 орудий.

Указом Президиума Верховного Совета СССР за освобождение Люблина, проявленные при этом мужество и героизм 8-й гвардейский танковый корпус был награжден орденом Красного Знамени. Наиболее отличившимся частям корпуса было присвоено почетное наименование Люблинских.

На войне радость побед и горечь тяжелых утрат шли рядом.

В трехдневном бою за Люблин многие гвардейцы корпуса отдали свою жизнь. Здесь, как на всем боевом пути танкистов, взгорбились свежие холмы братских могил с длинными списками фамилий. На центральной площади Люблина был похоронен ставший в бою за город Героем Советского Союза гвардии младший сержант Александр Яковенко.

Он будет потом навечно зачислен в списки личного состава роты одной из частей. Многие годы спустя танкисты младших поколений в социалистическом соревновании по боевой подготовке будут бороться за почетный приз — вымпел имени Александра Яковенко и за право вести по мишеням огонь, водить по трассе танк за Героя, имя которого всегда в строю.

«ПОЛК, СЛУШАЙ МОЮ КОМАНДУ!..»

Противник отходил вдоль Варшавского шоссе. На промежуточных рубежах гитлеровцы задерживались и оказывали сопротивление, стремясь выиграть время, чтобы подтянуть с запада свежие силы и хотя бы частично восстановить боеспособность своих потрепанных соединений. Эти войска противник, по-видимому, намеревался использовать для укрепления своих позиций на подступах к Варшаве. А для непосредственного прикрытия самой Варшавы гитлеровское командование держало в готовности преимущественно эсэсовские соединения — «Викинг», «Тотенкопф», «Герман Геринг». К частям, удерживавшим подступы к Варшаве, отходили и разгромленные дивизии брестской и белостокской группировок противника.

Несколько сильных контратак против частей нашего корпуса предприняли гитлеровцы в районе Окунева. Они вводили в бой по 20—30 тяжелых танков во взаимодействии с пехотой и артиллерией, пытаясь вклиниться в стык между двумя нашими бригадами и задержать их. При отражении этих контратак отличились артиллеристы батареи капитана В. Медведева.

Упорный бой разгорелся у населенного пункта Воля-Роштовска, где противник попытался внезапным контрударом остановить наступавших танкистов. Наши бригады, отражая эти атаки, настойчиво продвигались вперед. Сломив вражеское сопротивление, они энергичным броском вышли в район Минск-Мазовецкого, перерезали железную дорогу и шоссе Брест — Варшава.

31 июля Москва вновь салютовала нашим гвардейцам, отличившимся при освобождении польского города Минск-Мазовецкий.

Наступательная операция 2-й гвардейской танковой армии завершилась, она была проведена успешно, в соответствии с планом и отличалась своим размахом, большой глубиной, высокими темпами и искусством маневра войск. Соединения армии выводились в резерв Ставки ВГК, нашему корпусу было приказано принять от них исправные танки и совместно с 47-й армией провести частную операцию по овладению восточным предместьем столицы Польши — Прагой и очистить восточный берег Вислы от противника.

10 сентября 1944 года началась эта операция. Она затянулась до конца сентября. Приходилось сокрушать мощные оборонительные укрепления гитлеровцев. На направлениях

танковых атак громоздились завалы, подстерегали минные поля, топорщились полосы бетонных надолб, тянулись проволочные заграждения. За широкой полосой этих препятствий находилась разветвленная система траншей с дотами и дзотами. Мощным огнем простреливался каждый метр на ближних и дальних подступах к вражеским позициям. Глубоко эшелонированная оборона немцев опиралась на организованную систему огня. Огневые точки — в каждом доме, на перекрестках улиц и площадей.

Я доложил обо всем этом командирам бригад, собранным генералом А. Ф. Поповым для постановки задачи, показал расположение оборонительных рубежей на карте, но особой реакции офицеров на это не чувствовалось. Сидят комбриги, слушают, изредка делают заметки в рабочих тетрадях. Пискарев нет-нет да и посмотрит отвлеченно в окно, как человек, не раз слышавший подобные перечисления атрибутов немецкой обороны. Пивнев преспокойно зачинивает карандаш.

Обвожу круги на карте, особо акцентирую внимание на вражеских резервах:

— Здесь противник сосредоточил танковый, пехотный, а также эсэсовские полицейские полки, другие части.

Это тоже воспринимается спокойно, без особых эмоций.

Может быть, невозмутимость комбригов бросилась в глаза и генералу Попову. Возможно, он, как и я, тоже был несколько удивлен, потому что вдруг прервал меня и обратился к Пискареву:

— По выражению вашего лица, товарищ комбриг, не видно, чтобы вы со всей глубиной и ответственностью уяснили сложность обстановки.

— Почему же? Уяснил, товарищ генерал, — поднялся комбриг.

— Интересно бы услышать — как именно?

— Как очередную боевую задачу, которую надо во что бы то ни стало выполнить.

Алексей Федорович махнул рукой: садись, мол, такого, как ты, врасплох не застанешь...

Командиры, конечно, уяснили задачу и понимали, что она потребует огромных усилий и немалых жертв. Знали они и то, что выполнить ее обязаны любой ценой, что танкистам придется пройти через страшные испытания, прорывая такую оборону противника. И что же... Надо — значит надо. Сколько брали с бою «неприступных» оборонительных полос и валов за войну? Сокрушат танкисты и эту.

Подготовка операции заняла несколько суток. Было детально отработано на местности взаимодействие между танками, пехотой, артиллерией и авиацией. Скрытно части заняли исходное положение и в намеченный час после мощной артиллерийской подготовки танковые бригады двинулись в атаку. Бои протекали с переменным успехом, но в конце концов оборона противника была прорвана.

На другой день после вновь проведенной артподготовки наши танкисты вместе с частями стрелкового корпуса продолжали наступление и к полудню заняли город Рембертув, а к исходу дня — Каролювку. Эти крупные опорные пункты на подступах к Праге гитлеровцы обороняли, не считаясь с потерями в живой силе и технике. Цеплялись за каждую улицу и каждый дом, использовали все, какие у них были, бронебойные средства. И все же вынуждены были отступить.

12 сентября части корпуса продолжали наступать в направлении Замбки, на следующий день вышли к Висле в районе центральной переправы, а 14 сентября решительным штурмом была взята Пражская крепость. Вышедшее из подвалов и убежищ население Праги варшавской восторженно встречало советских воинов, своих освободителей. Люди дарили им цветы и улыбки. Поляки обнимали русских братьев.

За массовый героизм, проявленный танкистами при освобождении Праги варшавской Верховный Главнокомандующий объявил нашим частям благодарность. Двум из них было присвоено почетное наименование Пражских.

Затем части корпуса продолжали бои по освобождению от противника восточного берега реки Висла и ликвидации противника в междуречье Вислы и Западного Буга.

В разгар этих боев в конце сентября пришло известие о присвоении мне воинского звания полковника. Сообщил мне об этом, тепло поздравив, командарм генерал Н. И. Гусев, а Алексей Федорович Попов после поздравления вручил погоны с тремя звездами.

Первая половина октября прошла в боях местного значения. Улучшались позиции, расширялись захваченные соседними армиями плацдармы на западном берегу реки Нарев. Войска устали от непрерывных боев, понесли потери в технике и личном составе. Произошла большая «растяжка» тылов. В ходе наступательных действий «пехота обогнала авиацию», как тогда говорили, — из-за неготовности аэро-

дромов задерживалось перебазирование летных частей. Используя эту вынужденную передышку, мы старались наращивать свою боеспособность. Небольшие по численности ремонтные подразделения ежедневно возвращали в строй по нескольку танков. Работали наши умелые и скромные специалисты сутками. Танкисты высоко ценили их самоотверженный труд.

Противник, собрав силы, решил нанести контрудар по сероцкому плацдарму с целью отбросить наши войска за реку Нарев. Гитлеровцам удалось вклиниться в нашу оборону и несколько потеснить стрелковые дивизии. Назревала угроза потери оперативно важного плацдарма.

Корпусу была поставлена задача совершить перегруппировку на сероцкий плацдарм, встречным ударом разгромить вклинившегося противника и совместно со стрелковыми частями не только отстоять, но и расширить плацдарм. Бригады, скрытно совершив почной марш, вышли за реку Нарев и утром следующего дня нанесли удар по противнику. Начались встречные бои, по масштабам сравнительно небольшие, но ожесточенные, которые продолжались двое суток.

Мощная артиллерийская подготовка, стремительная атака танковых и стрелковых частей сокрушали врага, свели на нет результаты его контрудара. Теперь встала задача отбросить противника и расширить плацдарм. Наши танковые бригады, взаимодействуя с дивизиями стрелкового корпуса, вынудили противника отойти на его прежние оборонительные рубежи, а на ряде участков захватили и их. В ходе этого стремительного продвижения 59-я и 60-я гвардейские танковые бригады напоролись на минные поля, поставленные и вражескими, и нашими саперами на бывшем переднем крае.

Так после стремительного рывка вперед всем боевым порядком некоторые танки остались на поле недвижимыми — с разбитыми катками, разорванными гусеницами, поврежденными днищами.

Виноватых, как известно, бьют — и поделом, но в данпой ситуации главного виновника как-то трудно даже было назвать. Саперы стрелковых частей, крайне стесненные во времени, работая впопыхах, не сумели проделать проходы в минных полях, а где успели их сделать — плохо обозначили. Командиры танковых бригад, увлеченные боем, не уделили должного внимания инженерной разведке. Не до конца выполнил свою задачу и штаб корпуса: те, кому положено было, несвоевременно и нечетко уяснили наличие минных полей, вражеских и своих, не выдали соответствующей

информации в бригады. Во всем этом мы, офицеры оперативного отдела, упрекали и себя. Так или иначе, а танкисты в порыве атаки проскочили вешки и устремились дальше, боевые порядки двух бригад оказались на минных полях. Вскинулись взрывы...

Непростительно, но на войне такое случается, потому что далеко не всегда возможно в боевых условиях отладить взаимодействие как часы. Отладить-то, допустим, можно, да выполнить подчас не удается, ибо существует кроме нас с нашими устремлениями еще и противник со своими коварными замыслами. Борьба — это все-таки не работа, это столкновение сил с целью уничтожить друг друга любыми средствами.

На доклад о случившемся к маршалу Г. К. Жукову было вызвано командование корпуса. Но генерал А. Ф. Попов внезапно заболел, а начальник штаба генерал В. В. Кошелев тоже вторую неделю лежал в госпитале. Выходило, что ехать нам вдвоем, начальнику политотдела Н. А. Колосову и мне, исполняющему обязанности начальника штаба.

О крутом нраве Г. К. Жукова говорили немало. Его решительные, порой жесткие меры в разные времена и на разных фронтах, где он бывал как представитель Ставки, получили определенный резонанс.

Маршал находился на КП в армии П. И. Батова. Поехали туда.

Георгий Константинович принял нас без задержки. Мой доклад о боевых действиях корпуса на сероцком плацдарме он выслушал молча и никаких замечаний по нему не сделал. И вдруг:

— А какие потери?

Я назвал цифру. Жуков помрачнел, а присутствовавший при этом генерал Батов даже хлопнул ладонями по бедрам: дескать, ничего себе...

— Характер повреждений? — спросил маршал.

— Повреждены в основном гусеницы и катки, — доложил я.— Но есть, товарищ Маршал Советского Союза, повреждения и более серьезные...

И тут полковник Колосов неожиданно сделал полшага вперед и заявил:

— Товарищ Маршал Советского Союза, заверяем, что к утру танки будут восстановлены.

Георгий Константинович посмотрел сурово на него, потом на меня и сказал довольно мягко:

— От строгого наказания спасает вас обоих только то

обстоятельство, что в повреждении танков кроме вас самих участвовал еще и противник. Идите. Завтра доложите.

Мы четко повернулись и вышли.

— Больно скор ты, Николай Андреевич, заверения давать, — говорил я Колосову в сердцах. — А ведь дело-то невыполнимое. Как ты их восстановишь за ночь, столько танков? На одном энтузиазме, что ли?

— Ты не очень наседай на меня, Евгений Филиппович, — оправдывался Колосов. — Энтузиазм тоже нельзя сбрасывать со счетов.

Пока мы ездили, в частях уже развернули ремонтные работы и кое-что успели сделать. Но рабочих рук не хватало, дело продвигалось медленно. О том, чтобы такими темпами выполнить заверения начпо, нечего было и думать. Николай Андреевич и сам понимал это.

— Пожалуй, надо одолжить энтузиазма у пехоты, — сказал он с горькой иронией и отправился в соседнюю стрелковую часть.

Там долю вины за собой чувствовали — все-таки неувязка вышла при выходе танков на свои минные поля — и по просьбе Колосова выделили людей в помощь танкистам. В пехоте нашлось немало опытных слесарей и механиков из бывших рабочих. С их помощью дело пошло куда быстрее.

Танкисты и стрелки трудились всю ночь. К утру большинство машин было отремонтировано. Не столько, правда, сколько пообещал Колосов, но для восстановления боеспособности частей достаточно.

В штабе стало известно, что командир нашего 62-го гвардейского тяжелого танкового полка уезжает на курсы в академию. Его должность становится вакантной, и я решился заговорить с генералом Поповым о том, о чем давно подумывал,— о своем желании перейти на строевую работу.

Алексей Федорович, как только я заикнулся на этот счет, прервал меня и не захотел дальше слушать.

— Не одобряю. Не согласен, — сказал, как отрезал. — С таким опытом работы надо готовиться к должности начальника штаба корпуса как минимум. А он просится, по сути, на понижение.

Одним словом, разговор у нас не получился.

Но меня очень уж потянуло в полк. И я решил «атаковать» комкора с нескольких направлений. Заручился поддержкой офицеров, к мнению которых А. Ф. Попов прислушивался, в том числе Н. А. Колосова. Николай Андреевич обещал помощь, но только в том случае, если я честно, как

на духу, скажу ему о причинах, побуждающих «выдвинуться вниз». Я сказал. Во-первых, давно хочется повоевать не на картах, а на местности, во-вторых, я, как истый танкист, неравнодушен к новой, мощной технике.

— Убедительно, — согласился с моими доводами Николай Андреевич. — Поговорю с комкором. А кого рекомендуешь вместо себя?

Я назвал начальника штаба мотострелковой бригады подполковника М. Секуторова.

Свои обещания товарищи выполнили. Не знаю, когда и как говорили они с Алексеем Федоровичем, но несколько дней спустя он мне сам сказал:

— Ну ладно... Пойдешь на полк, если очень хочется. Сделаем представление.

В октябре 1944 года был подписан приказ. Я принял 62-й гвардейский Люблинский тяжелый танковый полк, которым и командовал до конца войны.

Наш танк ИС-1 был грозой для гитлеровцев. Мощная, громадная машина имела самую прочную по тому времени броню, самое сильное вооружение. В экипаже по штату предусматривалось два офицера — командир танка и механик-водитель. Организация полка была ротная — пять танковых рот и рота автоматчиков. Боевой техники в полку — 21 единица. Не так много по количеству, но силища. Действуя на направлении главного удара, полк прорывал огнем и броней любую оборону. Танки ИС в атаке наводили ужас на фашистов, вынуждали к отступлению и просто-таки бегству.

В полку я с первых дней увидел и ощутил много такого, что составляет, формирует неповторимую атмосферу фронтовой танковой части. И оказывается, я очень скучал по всему этому, работая (тоже не без вдохновения) в штабах.

Возле замаскированных стоянок танков, около землянок личного состава слышались сиплые голоса танкистов. Командиры подразделений, докладывая о чем-либо, тоже говорили так же сипло. Возможно, все они разом простудились? Да нет же! Вечно надорванные голоса — профессиональная болезнь танкистов. Когда ревут двигатели, танкисты, обмениваясь информацией, подавая команды, корректируя действия, невольно стараются перекричать шум. Почти ничего не слышно, понять друг друга можно разве что по жестам, но и от словесных команд трудно воздержаться. «Давай, заводи, сто двенадцатый, не запаздывай!» — кричит зампотех и машет вкруговую рукавицей. К гулу танков присоеди-

няет и свой утробный голос машина с номером 112 на башне.

«Ты куда прешь? Держи дистанцию!» — кричит, выставив кулак, командир танка другому командиру, чья машина налезает на него. И прочее в этом роде. Все в динамике, в движении многотонных ревущих громадин — как тут не крикнуть? И потому разговаривают танкисты сорванными тенорами и баритонами. Но когда где-нибудь на привале или вечерком в расположении надо спеть — споют хорошо, мелодично, где и голоса возьмутся. Мужественные лица, общительные натуры, грубовато-ласковое обращение в повседневной жизни и сплавленное воедино братство в бою — таковы они, мои танкисты.

Боевая техника, вооружение танкового полка вселяют в душу уверенность и гордость, постоянно чувствуешь в себе боевой порыв, с нетерпением ждешь боевого приказа. Запахи бензина, дизельного топлива, моторного масла витают в воздухе, они привычны и приятны. Стук кувалды при натяжке гусеницы звенит милым колокольчиком. А когда подходишь к танку с работающим двигателем, право же, хочется погладить его, как живого. И, может быть, рука танкиста, приложенная к теплой, подрагивающей броне — жест отнюдь не случайный...

Около моего командирского танка с номером 520 на башне всякий раз встречает меня механик-водитель старшина Григорий Желнин. Встречает словами, которые никогда не меняются ни по содержанию, ни по тону и могут показаться бесстрастно-формальными: «Товарищ гвардии полковник. материальная часть готова к боевым действиям». На самом же деле в тех словах — большой и важный смысл, гарантия того, что Гриша Желнин выполнил на машине положенные технические операции, осмотрел и ощупал агрегаты, пополнил горючее и масло, прогонял двигатель, убедившись в его исправной работе по приборам и на слух. Трудолюбивый и добросовестный, умелый и отважный, он не нуждался в похвале (что мне было хорошо известно), и я, выслушав его доклад, молча отвечал механику крепким рукопожатием. Доверял я ему, как себе, — а как же могло быть иначе, если именно он водил наш танк, заставляя тяжелую машину проделывать сложнейшие маневры на поле боя?

Брал на себя старшина Желнин еще одну обязанность, никакой инструкцией ему не вмененную. В тяжелом танковом полку, оснащенном дорогостоящими, новейшими по то-

му времени машинами ИС, имелась штатная рота автоматчиков. За каждым танком закреплялся десант — отделение автоматчиков. Это стрелковое отделение составляло с танковым экипажем единое целое: куда танк, туда и пехота «верхом» на броне, а на стоянке те же автоматчики несли охрану, помогали танкистам в техобслуживании машины. Так вот Желнин по собственной инициативе занимался еще и воспитанием приданных автоматчиков. А они тоже тянулись к нему, видя в нем знатока техники и аса вождения.

Раз уж заговорил о своих ближайших помощниках и подчиненных, то, пожалуй, приведу еще некоторые краткие характеристики, возможно и забегая вперед. С важнейшего дела — изучения людей — я начал свою командирскую деятельность в полку. Дело это, разумеется, неотделимо от боевой работы. Полк ведь непрерывно принимал участие в выполнении задач, решаемых корпусом. Изучение людей проходило в боевой обстановке, и порой человек в одном каком-то эпизоде раскрывался весь, как есть, а иногда черты характера и деловые качества проявлялись постепенно, неброско.

Все, кого стану называть и о ком кратко расскажу, заслуживают отличных боевых характеристик, но мне не хотелось бы изображать товарищей лишь в ореоле их положительных качеств, потому что в этом случае образ человека теряет свою индивидуальность. Живому человеку свойственны и недостатки и ошибки, будь он самым лучшим специалистом, мастером своего дела.

Начальник штаба полка майор Н. Лушин. Грамотный, спокойный, уравновешенный, волевой.

Никогда не спешил с приказом и с докладом. Памятуя, что начальник штаба приказывает от имени командира и вместе с тем обязан проявлять инициативу, Лушин всегда тщательно выверял свои распоряжения и уж если отдавал их, то требовал пунктуального исполнения. К его неэыблемому правилу «сказано — сделано» — в полку все привыкли, соблюдали его, и это способствовало утверждению четкости, исполнительности, обычно отличающих сколоченный воинский коллектив. Первый пример высокой исполнительности в службе и боевой работе подавал сам майор Н. Лушин. Если он докладывал о проведенном мероприятии, выполненной работе, можно было не сомневаться, что все сделано наилучшим образом, что все возможности исчерпаны. К этому и я очень скоро привык — надеяться на начштаба, как на каменную гору.

Работать вместе нам довелось, правда, недолго. Майора Лушина выдвинули на должность начальника штаба бригады, а на его место был назначен (по моему официальному представлению и личной просьбе) майор Ф. М. Клинов. До этого он служил заместителем начальника штаба бригады. Инициативный, решительный, исключительно трудолюбивый, он «тянул» и за себя и за некоторых других. У меня не было и нет любимчиков, но в этом офицере, признаться, я души не чаял — за его деловые качества. И когда встал вопрос о назначении начальника штаба полка, подумалось: лучшей кандидатуры не сыскать. С Федором Михайловичем Клиновым мы прослужили вместе до конца войны, работали и потом, в мирное время.

Итак, начальник штаба полка майор Клинов. Вновь возвращаюсь к этому должностному лицу, ибо эта фигура очень много значит. Человек с военной косточкой, грамотный, опытный танкист, Клинов унаследовал от своего предшественника его лучшие качества штабного офицера, но в стиле работы несколько отличался, по-моему, даже в лучшую сторону. Он не только добился четкого, своевременного выполнения любого распоряжения, но еще и вносил в работу личный вклад. Нет, он не подменял подчиненных, а как-то незаметно «впрягался» в то или иное дело, помогая товарищам. Всегда его можно было видеть в работе. Трудно сказать, когда он спал. Заглянешь, бывало, ночью в штабную машину, палатку, в подвал дома, где расположились службы, всегда увидишь склоненную над картой, документами фигуру Клинова. Вникал во все дела жизни и боевой деятельности полка, знал людей, дружил с командирами подразделений, и они отвечали ему тем же. В любое время мог дать справку по любому вопросу — его так и называли, за глаза, «полковая энциклопедия». Обладал какой-то редкой проницательностью в общении с людьми. Поговаривали на сей счет: «Вот узнает Клинов, он тебя с твоей затеей быстро расколет». По утрам я получал от Федора Михайловича краткие и емкие доклады о противнике, изменениях обстановки, проявляющихся тенденциях. Вместе мы начинали думать, как будем действовать дальше. Я, между прочим, верю в то, что бывают у людей склонности к той или иной профессии от природы. Не будем их громко называть талантами, а просто — склонностями. Федору Клинову, похоже, на роду было написано стать начальником штаба.

А вот о заместителе командира полка по тылу майоре Б. Фролове, пожалуй, не скажешь, что он от рождения тыло-

вик. Был призван из запаса уже во время войны. Москвич, человек интеллигентного склада, очень добросовестный и кристально честный. Хозяйственной стрункой не обладал, определенной гибкости, изворотливости в спабженческих делах не хватало. Порой он наивно прямолинеен: если что-то по штату положено, а его пе дают — возмущался крайне. Эта его черта вызывала немало шуток в «клане» войсковых тыловиков, где встречались ребята хваткие.

Обхожу как-то позиции танков передовой линии. Стальные крепости ИС окопаны, замаскированы, и боевая служба экипажей идет, как положено. Беседую с танкистами, замечаю, что очень уж они чумазые.

— Баня давно была? — поинтересовался.

Сержант ответил не сразу, замялся, но, подбадриваемый репликами товарищей, решился:

— Белье меняют регулярно, товарищ гвардии полковник, а моемся — кто как... чаще из котелков.

Ладно. Разберемся.

Отвожу Фролова и нескольких офицеров в сторону, спрашиваю:

— Почему не организуете баню для личного состава?

Со стороны противника как раз в этот момент послышались глухие хлопки. Две мины, одна за другой, разорвались неподалеку. Коротко пророкотал крупнокалиберный пулемет.

— Какая ж тут баня? — развел руками Фролов и кивнул на свежие воронки от мин.

— Какая баня? Обыкновенная, фронтовая!

Чувствую, убедить словами нашего тыловика трудно, нужен наглядный пример.

Велел вызвать сюда командира саперного взвода.

— Лейтенант! — обращаюсь к нему, дружески тронув за портупею на груди. — Если на обратных скатах высоты, на которой мы с тобой стоим, вырыть землянку да рядом вкопать пару железных бочек с поддувалами для костров... Что получится?

— Баня получится, товарищ гвардии полковник! — воскликнул офицер. — Нормальная баня!

— Действуй.

Откозыряв, он сорвался с места, вдруг остановился, спросил издали:

— Разрешите взрывным способом? Для быстроты...

Я махнул ему рукой: давай, мол, взрывным.

Майор Фролов стоял потупившись. Никаких внушений, пожалуй, делать не следовало — и без того проняло. Я лишь

посоветовал ему вместе с командирами подразделений организовать помывку людей в полевой бане повзводно.

Приходилось и впредь давать подобные уроки малоопытному тыловику, и все они пошли на пользу. Было, кстати, что перенять и у него. Специалисты службы тыла по примеру своего начальника соблюдали порядок и вели строгий учет в снабжении, пресекали случаи ловкачества. Все, что было положено нормами снабжения, доходило до танкистов полностью.

В числе подчиненных майора Фролова были специалисты инициативные и предприимчивые. Служба тыла, сама по себе весьма нелегкая, от этого только выигрывала.

Наши танкисты, например, никогда не испытывали нехватку горючего, в то время как в других частях она сказывалась частенько. По радио то и дело звучали настойчивые просьбы поскорее подать «молока и огурцов». У нас такого положения не бывало. Начальник службы ГСМ полка старший лейтенант Л. Кац умело и хитро маневрировал фондами горючего, о чем танкисты говаривали, перефразируя известную пословицу: «И кони целы, и тапки сыты». Как же он умудрялся жить всегда с запасом топлива? Майор Фролов попытался разобраться в этом и, когда все уяснил, встал, так сказать, перед дилеммой: хвалить лейтенанта или ругать? Прослеживалась такая картина. В наступлении плечо подвоза горючего, естественно, увеличивается, бензоцистерны отстают от рвущихся вперед танковых подразделений. Коллеги из других частей обращались к Кацу с просьбами: «Дай, друг, горючего хоть на ползаправки. Наши цистерны подойдут — отдадим». Кац, у которого запасец всегда водился, одолжал тонну-полторы. Долг, как говорится, платежом красен. Зная, что ему вскоре вернут бензин, Кац даже не посылал свои машины за горючим. На этом тоже экономил и бензин, и моторесурсы. А тем временем подтягивались бензовозы соседей, Кацу возвращали те самые тонну-полторы с благодарностью. Запас накапливался.

Бесперебойно действовала служба артиллерийского снабжения, которую возглавлял капитан М. Котель. В первом эшелоне тыла он, как правило, держал десяток автомашин с боеприпасами. Трудяги ЗИС-5, управляемые отважными водителями, выдвигались почти в боевые порядки рот. Маскируясь на опушке рощицы, за каким-нибудь каменным строением, на обратных скатах высоты, быстро загружали танки снарядами и патронами. Почти все водители были награждены медалями «За отвагу» и «За боевые заслуги».

Заместитель командира полка по технической части инженер-капитан И. Кавьяров раньше работал в конструкторском бюро, написал множество рапортов в различные инстанции и наконец выпросился на фронт. Танк ИС знал, как свое дитя. Строевой инженер-эксплуатационник тоже знает технику, умеет найти и устранить в ней неисправность, но инженер-конструктор, кроме того, что мысленно видит все глубоко скрытое в железном чреве агрегата, еще и анализирует его поведение — он, работая по обслуживанию техники, продолжает ее совершенствовать.

Капитан И. Кавьяров определил, например, что масляные фильтры двигателей нуждаются в более частой промывке, чем обусловлено инструкцией, добился, чтобы экипажи выполняли его рекомендации. Потратил на это немало бессонных ночей, потому что не все механики-водители с охотой брались за дополнительную работу, а в результате ее удалось избежать многих отказов агрегатов двигателей.

В боевой обстановке техническое обслуживание танков проводилось не всегда регулярно. В соседних бригадах, знаю, сроки профилактических работ то и дело нарушались, затягивались. И винить за то особо некого: когда гремит бой и гибнут люди, о технике не всегда вспомнишь.

В ходе довольно напряженных боевых действий капитан Кавьяров однажды попросил:

— Товарищ гвардии полковник, давайте выведем из боя поочередно 534-й и 537-й танки. Для техобслуживания...

— Очень нужно?

— Положено. И необходимо, — ответил он суховато.

— Надолго?

— Три часа на обе машины.

Было отдано распоряжение. Вскоре мимо НП прополз малым ходом 534-й танк с повернутой назад пушкой. Командир экипажа, высунувшись по пояс из люка, размахивал руками и поминал богов — это же надо, в такую решительную минуту его выводят из боя!

Силами своей небольшой мастерской и экипажей Кавьяров проводил техобслуживание танков в установленные сроки. При этом он уделял немало внимания технической подготовке экипажей. Механики-водители под его руководством научились выполнять в полевых условиях работы, которые, казалось бы, посильны только заводской бригаде специалистов. В наших подразделениях служили механики в звании техников-лейтенантов, некоторые из них до войны были студентами Высшего технического училища имени

Баумана. Они стали первыми помощниками Кавьярова, его «инженерным активом».

Знал Кавьяров свое дело, любил его и поставил в полку на должную высоту. Он добился того, что в части совершенно не стало случаев выхода из строя танков по техническим причинам. Были только боевые потери, но они на войне ведь неизбежны.

— Танки наши отличные, в бою надежные. Только надо любить их и содержать в порядке, товарищи танкисты... — Этими словами начинал свои беседы с личным составом инженер-капитан Кавьяров. Вроде бы обыкновенные слова, но произносил он их с таким вдохновением и убежденностью, что люди сразу же проникались желанием и послушать инженера, и поработать под его руководством.

Где-то в начале книги я заметил, что в течение многих лет армейской службы мне всегда везло на политработников. Здесь хочу добавить, что мне всегда везло еще и на зампотехов.

О нашем полковом партполитаппарате. Он хотя и небольшой, всего несколько человек, но — сила. Представлю наших политработников в единой боевой «обойме»: замполит майор А. И. Козлов [1], парторг майор Д. А. Клименко, агитатор полка майор П. Д. Федоренко, комсорг лейтенант В. Бурмистров.

Александр Иванович Козлов пришел в полк из политуправления фронта, где работал инструктором. Пришел с солидным багажом идейно-теоретической подготовки, но небольшим опытом практической работы. Все, что имел, щедро отдавал людям. Сам же накапливал опыт, стремясь наверстать то, что не часто приходилось делать раньше. Деловой контакт у нас с замполитом сложился, по-моему, с первой встречи, а в дальнейшем все больше укреплялся. Очень пришлось мне по душе умение Александра Ивановича «вписывать» мероприятия партполитработы в жизнь и боевую деятельность воинского коллектива — да так, что это становилось всегда необходимостью, потребностью. Замполит никогда не просил меня выделить время, обеспечить сбор людей. Все он определял и делал сам, делал разумно и как-то естественно, просто. На партсобраниях, проводившихся накоротке у боевых машин, на политинформациях и беседах не было видно скучающих лиц, люди активно откликались на призывное слово, загорались энергией. Воины-

---

[1] Впоследствии вместо А. И. Козлова, переведенного на другую должность, был назначен майор Виктор Порфирьевич Судак.

коммунисты подавали пример в выполнении боевых приказов, стремились быть впереди, на линии огня. Личный состав всегда был хорошо информирован о текущих событиях на фронте и в тылу страны.

Надежным и сильным работником являлся наш парторг майор Д. Клименко. Спокойный, рассудительный, он умел в разговоре с бойцом затронуть то, что того волновало, что требовало душевного внимания со стороны доброго человека, находившегося рядом с ним.

В подразделениях парторга встречали радушно, говорили с ним откровенно. Бывало, танкисты ему и письма свои читают, и фотокарточки жен да невест показывают. И сам он этак по-человечески просто поделится новостями из родного Донбасса. А в ходе житейской беседы, глядишь, и возникают вопросы службы и всего того, ради чего человек на войне. Собственно, так, в повседневном общении с людьми, обеспечивалось партийное влияние на их дела.

Правдиво и призывно звучало в подразделениях слово агитатора полка майора П. Д. Федоренко. Танкисты его выступлений ждали, слушали с интересом.

У самого младшего из политработников комсорга Владимира Бурмистрова был иной стиль работы. Этот молодой, жизнерадостный, боевой хлопец всегда пылал, как факел. Встретить его на КП или где-то в тыловых службах было делом маловероятным. Он жил в ротах передовой линии, действовал в экипажах. Не агитировал словами, а именно действовал. Танкист по военной профессии, он мог в любое время занять в танке место командира экипажа, механика-водителя, наводчика. В подразделениях его считали кровным своим братом, уважали за смелость и боевое мастерство, любили за открытый, искренний характер. Экипаж, в котором по каким-то причинам оказывалось не занятым боевое место, спешил «заполучить» Бурмистров.

Как-то мы вместе с замполитом А. И. Козловым завели с нашим комсоргом разговор о его методах и формах работы.

— Упускаются почему-то некоторые важные вопросы, — сетовал Александр Иванович. — Боевые листки во второй роте давно не выпускались, а комсорг этого не замечает. Агитаторы в пятой роте не имеют газет, бесед не проводят, а комсоргу до этого вроде и дела нет...

Я тоже счел нужным высказать претензии, но получилось у меня все как-то не в той тональности.

— Ты, Володя, воевать воюй... — говорю ему. — Но комсомольскую работу с личным составом не запускай.

Бурмистров слушал нас, своих начальников, внимательно, по посматривал исподлобья.

— Есть, понятно, — сказал он наконец.

— Что и как вам понятно? — не унимался Александр Иванович.

Это подлило масла в огонь. Владимир стрельнул своими черными глазами поочередно в меня и в замполита.

— Все я понял, товарищ гвардии майор, — проговорил негромко, но запальчиво. — Думаю все-таки, что если я немного опоздал с боевым листком, но зато подбил в это время «тигра», то не так уж провинился.

Вот нам и крыть нечем.

В другой раз, в период небольшой передышки между боями, помню, замполиту потребовалась помощь комсорга, а его долго не могли найти.

— Лейтенанта Бурмистрова срочно к замполиту! — пронеслось по подразделениям.

Видим, идет наш Володя со стороны площадки техобслуживания. Руки не успел как следует отмыть от масла и копоти, на щеке красовалась масляная отметина. Выясняется: зашел на площадку техобслуживания танков побеседовать с ребятами, а там сложную неисправность устраняли, ну и проработал с ними полдня.

— О беседе, небось, забыл? — нахмурился замполит.

— Почему же? Провел в ходе работы.

Вот некоторые штрихи к портретам моих ближайших помощников. Работать с ними было не скажу, что легко, работать всегда трудно, но — интересно и хорошо.

О командирах подразделений речь в основном пойдет в динамике боевых действий — их лучше показывать в атаке, в бою. Например, командир танковой роты гвардии капитан С. Андриевский. Его подразделение было первым по номеру и первым по успехам. Танки КВ-122 под командованием лихого Степана Андриевского могли протаранить вражескую оборону разительным ударом, что и делалось не однажды. Боевые задачи я ставил ротному в самых сложных вариантах, зная, что этот офицер по профессиональной подготовке и тактическому мышлению на одну-две ступени выше своей должности, что он в самой сложной обстановке боя найдет и примет целесообразное решение. Подумывал я, между прочим, и о том, что пора бы его назначить с повышением. Примерно такую же характеристику вкратце можно было бы дать и командиру роты гвардии капитану Михаилу Пономареву: отважный в бою, грамотный в военном деле, авторитетный в воинском коллективе. Командир

роты гвардии капитан Яким Тищенко — степенный и вроде бы нелегок, как говорится, на подъем, осанкой отдаленно схож с тяжелым танком. Очень надежен в боевых делах, что, как известно, ценится в офицерском кругу высоко. Не помню случая, чтобы его рота в чем-то спасовала. Темпераментом, некоторой горячностью (в лучшем смысле этого слова) отличался командир роты гвардии капитан Мамед Членов. В отношениях с сослуживцами был, правда, резковат. Не раз приходилось охлаждать его пыл: вы бы, дескать, полегче на поворотах, Мамед Бекирович... Но за хлесткую фразу, слетевшую с языка, сослуживцы на него не обижались, все уважали в нем боевого командира, опытного и удачливого фронтовика.

Тяжелые танки в бою — это не только ударная сила, это, кроме того, подвижные огневые средства, способные решающим образом влиять на сложившуюся обстановку. Наши ротные командиры умело и грамотно использовали мощную отечественную технику, смело и решительно действовали на поле боя и одержали в боях немало побед.

«РУССКИЕ ПРУССКИХ ВСЕГДА БИВАЛИ!»

Когда мы, завершив наступательную операцию, захватывали и расширяли плацдарм, гитлеровцы, конечно, понимали, что рано или поздно с этого пятачка начнется стремительное наступление, и старались всеми силами ликвидировать такой плацдарм. Подобные попытки предприняли они и на сероцком плацдарме, но наши войска закрепились там прочно и, отразив яростные атаки врага, выполнили поставленную задачу.

В течение двух недель стрелковые части вели на занятых рубежах очаговые бои, которые то разгорались, то утихали, а мы, танкисты, в их боевых порядках цементировали оборону. Нашей главной задачей была готовность к отражению танков противника, если они попытаются прорваться. А таких попыток следовало ожидать.

Все наши танки были окопаны, замаскированы. Каждый экипаж оборудовал запасную позицию. Командиры пристреляли рубежи, изучали ориентиры. Готовность к бою поддерживалась днем и ночью.

К середине ноября положение на нашем участке фронта стабилизировалось: по распоряжению свыше 62-й гвардейский танковый полк сосредоточился в центре плацдарма на второй позиции обороны, составляя танковый резерв. Вновь

окопались. Подготовились к выдвижению для занятия рубежей на трех указанных нам направлениях.

Время шло, а боевых приказов на подготовку к наступлению не поступало.

Все понимали, что это чем-то обусловлено. Нашим гвардейцам-танкистам очень хотелось наравне с другими участвовать в окончательном разгроме ненавистного врага. О том, что это время приближается, свидетельствовали ежедневные сводки Совинформбюро, экстренные сообщения «В последний час».

Майоры Козлов, Клименко, Федоренко, лейтенант Бурмистров подолгу занимались в этот период отработкой документов, до которых не всегда руки доходили в динамике боевых действий.

О человеке в боевых условиях хотя и кратко-скупо, но все же наиболее впечатляюще рассказывают строки политдонесений. Тут на тактическом фоне обозначаются не только взятые или удержанные рубежи, но и называются по фамилиям, по именам люди, решавшие боевые задачи,— солдаты, командиры и политработники. Политдонесение, кроме того, передает в какой-то мере атмосферу события, настрой воинского коллектива. Язык по-военному краток, но вместе с тем и образный, хотя, как мне известно, над текстами этих документов трудились отнюдь не литераторы, а люди, которым сподручнее было владеть автоматом да гранатой, личным примером увлекать бойцов в атаке.

Иные события, о которых сообщают политдонесения, доводилось наблюдать, переживать.

Вот, скажем, такая строка: «Морально-политическое состояние личного состава полка высокое». Работая над очередным политдонесением, заместитель командира полка по политчасти майор Козлов и парторг гвардии майор Клименко всякий раз вписывали эту фразу. Когда я как-то заметил, что она у них частенько повторяется, Александр Иванович решительно возражал.

— Это ведь не просто фраза, — говорил он запальчиво. — В ней смысл, важнейший показатель готовности части выполнять любую задачу.

— Без нее политдонесение не звучит, — присоединился к замполиту и парторг.

Они стали вдвоем наседать на меня и, в общем-то, убедили.

Действительно, за строкой политдонесения, может быть и привычной, примелькавшейся своей формулировкой, не только результат, но и та большая работа с людьми, кото-

рую непрерывно ведут в подразделениях замполиты, парторги, агитаторы.

Вот побывал в роте гвардии капитана Членова агитатор полка гвардии майор Федоренко, вел разговор с танкистами об освободительной миссии советских войск, нашего корпуса, наступающих ныне по зарубежным территориям. Своевременно прозвучали слова агитатора. Воинам, в чьих сердцах кипела священная ненависть к врагу, следовало напомнить, что народам, трудящимся людям других стран, в том числе и Германии, мы несем на броне своих боевых машин мир и свободу. Разговор в роте получился довольно острым. Павлу Дмитриевичу Федоренко пришлось отвечать на вопросы, реплики, свидетельствовавшие о возбужденном, запальчивом состоянии некоторых солдат. Его спокойный тон, разумные суждения помогли бойцам уяснить важные истины. Не лишней, между прочим, была потом беседа в индивидуальном порядке и с самим ротным командиром гвардии капитаном М. Членовым. Мамед Бекирович со своим горячим и напористым характером тоже был склонен иногда действовать «без оглядки». Агитатор не только пришел да побеседовал, он провел в роте работу, возымевшую действенность.

Или, скажем, парторг гвардии майор Клименко советовался с командирами подразделений о расстановке коммунистов в боевом строю. Сообща были приняты меры, обеспечивавшие должное партийное влияние на все стороны боевой деятельности танкистов. Вроде и не очень заметное дело, и в плане партполитработы отдельным пунктом не обозначено, а какое же нужное и важное. Парторг наш Даниил Акимович Клименко вообще работал с людьми без громких призывов и пустых фраз. К любому вопросу подходил поделовому, находил верный тон в беседе и с командиром, и с рядовым.

Поздним вечером в землянке, в минуты затишья на заправке машин, а порой и на ходу, когда вместо стола танковая броня,— рождались они, строки фронтовых политдонесений.

В последних числах ноября не только наш полк, но и весь 8-й гвардейский танковый корпус были выведены в резерв фронта. Сосредоточились мы в районе Венгрув, Сточек, Лохув. В ближайшем фронтовом тылу проводили занятия по боевой и политической подготовке, по сколачиванию подразделений, принявших пополнение личным сос-

тавом. Получили новые танки, только прибывшие прямо с завода. Заместитель командира полка майор П. Мордашев нашел участок местности, на котором мы провели боевые стрельбы экипажей, рот. Удалось даже провести полковое тактико-строевое учение. Все это послужило хорошей подготовкой к предстоящим боям.

Излишних разговоров не велось, но уже было известно, что идет подготовка к наступательной операции в Восточной Пруссии. Нам предстоит в ней участвовать.

По данным наземной разведки и аэрофотосъемки, глубина обороны противника достигала здесь полусотни километров.

На переднем крае — сплошные минные поля и проволочные заграждения в несколько рядов, противотанковые рвы. Траншеи полного профиля вырыты в три линии на расстоянии 200—400 метров одна от другой. Через 20 километров вглубь располагался второй оборонительный рубеж, а еще через 20 — третий. На подступах к населенным пунктам — множество дотов и дзотов, на развилках дорог — узлы сопротивления. Гитлеровцы работали сутками, продолжая совершенствовать свою оборону.

Начиная с 1 января 1945 года командиры частей корпуса и офицеры штабов развернули большую работу по изучению системы обороны противника, маршрутов выдвижения танков, переправ, районов огневых позиций для артиллерии. Согласовывались вопросы взаимодействия с командирами стрелковых, артиллерийских и авиационных частей. Мне в этом плане особенно пришлось потрудиться, подыскивая удобные и проходимые маршруты для своих тяжелых танков. Понадобилось усилить некоторые мосты, подремонтировать участки дорог. Помогли в этом наши корпусные саперы.

В дни подготовки к прорыву столь сильной обороны противника, к решительным и жестоким боям в наших подразделениях царило приподнятое настроение. В разговорах танкистов то и дело слышалось популярное суворовское «Русские прусских всегда бивали!». Повторяли эти слова и мы, офицеры, когда нас собрали в штабе корпуса для проведения военной игры на картах. Все были уверены, что и ныне на немецкой земле потомки тех битых нашими предками пруссаков в обличье фашистов будут тоже биты.

К этому времени произошли некоторые изменения не только в группировке войск, но и в составе высшего командования. Командующим 1-м Белорусским фронтом был назначен Маршал Советского Союза Г. К. Жуков, командую-

щим 2-м Белорусским фронтом — Маршал Советского Союза К. К. Рокоссовский.

В значительной части обновились кадры и у нас в корпусе. Гвардии полковник П. В. Пискарев стал заместителем командира корпуса, а его 58-ю гвардейскую танковую бригаду принял гвардии полковник А. А. Сомов. Командиром 60-й гвардейской танковой бригады был назначен гвардии полковник Н. В. Давыденко, командиром 6-го гвардейского мотоциклетного батальона — гвардии майор Ф. Кряхов. Все эти офицеры имели немалый боевой опыт и хорошо знали друг друга — что немаловажно во фронтовой обстановке.

Константин Константинович Рокоссовский, на мой взгляд, с особым чувством относился к нашему корпусу, не раз отличавшемуся в боевых операциях под его командованием. Приняв фронт, маршал вскоре побывал у нас. Он поинтересовался, как мы готовимся к предстоящим боям, побеседовал с танкистами, рассказал о победоносном наступлении советских войск на других фронтах.

Во время беседы кто-то из солдат произнес довольно-таки громко те же ставшие крылатыми слова: «Русские прусских всегда бивали!» Константин Константинович услышал, добродушно рассмеялся.

— Верно. Русские прусских всегда бивали — история военного искусства может подтвердить, — заметил он. И обратился ко всем: — А какое еще одно из мудрых изречений Суворова следовало бы сейчас помнить?

Произошла заминка.

Маршал К. К. Рокоссовский подсказал:

— Каждый воин должен знать свой маневр.

Оживленно откликнулись танкисты на эти слова. Да, накануне наступательной операции поучительно и напутственно звучали суворовские слова. А к нам, танкистам, они относятся самым непосредственным образом: уж кому-кому, а танковому экипажу на поле боя особенно важно знать свой маневр.

Беседа К. К. Рокоссовского с воинами напомнила мне и предыдущие встречи с ним — на разных этапах боевого пути их было немало. И случались они в различной обстановке, чаще, когда вызывали к командующему генерала А. Ф. Попова, а я, как начопер, при сем присутствовал, записывая и нанося указания на карту. Если некоторых военачальников побаивались и по возможности уклонялись от встреч с ними, то к маршалу К. К. Рокоссовскому стремились попасть. Ни на кого он не повышал голоса, что бы

ни случилось, внимательно относился к младшим по званию и охотно прислушивался к тому, что те говорили, может быть, и не совсем внятно. Бывает же: проскользнет у человека фраза, а в ней — неточно выражен смысл. В таких случаях Константин Константинович вежливо обращался к товарищу, будь то большой начальник или невысокого ранга офицер: «Что вы хотели сказать?» или «Повторите, пожалуйста». Он был прост, внимателен и добр в отношениях с людьми в той же самой суровой обстановке войны, на которую иные начальники ссылались, допуская подчас срывы и грубость.

В обстановке подготовки к новым операциям встретили мы наступивший сорок пятый. Все были убеждены, что это последний год войны. Доблестные советские войска прошли уже с боями пол-Европы и вот-вот должны были ворваться в центр Германии, в логово фашистского зверя; американо-английские и французские теснили гитлеровцев из Франции и Бельгии. Как теперь широко известно, неудачное наступление союзников в Арденнах привело к необходимости сокращения сроков подготовки наступательных операций советских войск — такое решение принял И. В. Сталин, откликнувшись на письмо У. Черчилля.

Офицеры штаба корпуса и мы, командиры частей, имели довольно четкое представление о соотношении сил на фронтах, о развитии событий на основных направлениях. Начальник штаба корпуса генерал В. В. Кошелев говорил, бывало, что старший офицер должен знать свои боевые задачи и одновременно держать в поле зрения события более широкого плана. Он часто собирал нас, проводил оперативные информации, товарищеские беседы. Это были увлекательные занятия по изучению складывающегося военно-политического положения, обсуждению боевого опыта войск.

Мы понимали, что вермахт, несмотря на огромные потери в предыдущих сражениях, все еще обладал большой боевой мощью. Позже стало известно, что гитлеровская Германия имела в январе 1945 года почти 300 дивизий, в том числе 334 танковых, 16 моторизованных, 30 бригад. Под ружьем держалось 7,9 миллиона человек. На советско-германском фронте со стороны противника боевые действия вели 10 полевых и 4 танковые армии, 3 воздушных флота — всего 169 дивизий.

Советские Вооруженные Силы, прочно удерживавшие инициативу на всех фронтах, имели 51 общевойсковую, 6

танковых и 10 воздушных армий. Неуклонно росла их оснащенность, в чем сказывались героические усилия тружеников советского тыла. По сравнению даже с летом 1944 года значительно увеличилось количество танков, самолетов, орудий, минометов, в том числе реактивных. При сокращении общей протяженности советско-германского фронта это намного повышало ударную мощь наших соединений.

Перед началом очередной наступательной операции в частях корпуса прошли партийные и комсомольские собрания, обсудившие задачи коммунистов и комсомольцев в предстоящих боях. Требование выдвигалось одно — быть впереди, вести за собой всех воинов. А коммунистов в корпусе к этому времени насчитывалось около трех с половиной тысяч, объединенных в 219 первичных и ротных партийных организаций.

Но вот подготовка наступательной операции завершена.

Последовал приказ: выдвинуться в исходные районы, изготовиться к наступлению.

12 января 1945 года части корпуса совершили марш и сосредоточились в лесу в районе Лешепул, Комарово. Успешному и скрытно проведенному маршу во многом способствовала погода — низкая облачность и туманная пелена. С пултусского плацдарма мы должны были вводиться в прорыв в полосе наступления 2-й ударной армии.

Утро 14 января выдалось еще более туманным и промозглым. Загрохотала артиллерия, блеснули молнии «катюш». Шквал огня и стали бушевал в обороне противника полтора часа, простираясь на большую глубину.

А в небе — тишина: ни бомбардировщиков, ни штурмовиков. Ненастная погода не позволяла их поднять. Тем не менее наступательная операция советских войск в Восточной Пруссии началась в назначенный день и час.

Планировалось, что 8-й гвардейский танковый корпус в первый же день будет введен в прорыв для действий в глубине обороны противника. Но так почему-то не получилось. Позже, правда, мы узнали, что в первый день оборона противника не была прорвана на всю тактическую глубину.

В ожидании приказа наш полк долго, собственно весь день, стоял в колоннах перед рекой Нарев. Непредвиденная задержка нервировала.

— Стоим да стоим... — проговорил ворчливо один из офицеров. — Вот налетят сейчас «юнкерсы», как зайдут вдоль колонны...

Начштаба майор Клипов одернул его:

— Излишние разговорчики! А во-вторых, немецкая авиация в такую погоду тоже не летает.

Сам же Федор Михайлович поглядывал в небо с плохо скрытой тревогой. Мне лишь осталось заметить, что надо усилить наблюдение за воздухом.

К вечеру мы все же переправились через Нарев. Ночь тихо простояли в выжидательном районе — ни костра развести, ни покурить по-человечески.

Мне вспомнилось вчерашнее партийное собрание в танковой роте, где парторгом был механик-водитель танка ИС старший техник-лейтенант В. Ижик. Я присутствовал на этом собрании. И тогда, и сейчас я с теплотой думал о коммунистах, бойцах передовой линии, которые по-деловому обсуждали и решали вопросы партийной работы на фронте, в боевой обстановке. В повестке дня стоял вопрос об увеличении ресурса эксплуатации боевых машин, о продлении жизни танка.

— Если танк будет служить, например, полтора срока, — говорил, выступая с докладом, старший техник-лейтенант В. Ижик, — то его экипаж сможет уничтожить в боях в полтора раза больше техники и живой силы врага.

Выступавшие на собрании коммунисты горячо поддержали парторга. Лучшие механики-водители обязались увеличить сроки службы танка вдвое. Возможность этого они уже доказали на прежнем своем опыте.

...На рассвете последовала команда: «Вперед».

62-й гвардейский танковый вместе с другими частями корпуса выдвинулся из выжидательного района, и вскоре мы вошли в прорыв. Входили «со скрежетом». Полоса пока что была неширокой, и гитлеровцы обстреливали маршруты движения, предпринимали на флангах контратаки.

Немецко-фашистское командование, по-видимому, еще не теряло надежд на то, что прорыв удастся закрыть. Имелись разведданные о переброске на этот участок свежих частей и соединений, снятых с западного фронта. Прибывшие пехотные и танковые дивизии гитлеровцы с ходу бросали в контратаки.

В полосе прорыва нам и приходилось вести бои. На оперативный простор выйти пока не удавалось. В первый день части корпуса продвинулись всего на 7—8 километров, захватив до десятка населенных пунктов. Было уничтожено и подбито свыше 20 вражеских танков, много артиллерии, другой техники, живой силы противника.

Второй день наступательной операции также протекал в упорных боях. Нам приходилось «прогрызать» глубоко эше-

лонированную оборону немцев, сокрушать их узлы сопротивления. Продвинулись вперед на 12—15 километров.

— И все-таки не по-танковому воюем, — сказал со вздохом майор Клинов, когда выдалась минута передохнуть да поесть.

Нам с ним принесли два солдатских котелка — в самих котелках борщ, в перевернутых крышках каша. Мы присели там же на НП, принялись за еду.

— Не по-танковому... — повторил с досадой Клинов.

— Имеешь в виду слишком медленное продвижение вперед? — спросил я, хотя прекрасно знал, о чем он толкует.

Клинов махнул рукой:

— Пятнадцать кзмз за день! Это ж на пузе можно столько проползти.

Да, действительно, мы уже привыкли к более стремительным темпам наступления.

Радист младший сержант Е. Азанчевский доложил, что меня вызывает начальник штаба корпуса генерал-майор Кошелев. Я сел к рации. Василий Васильевич сразу спросил о настроении танкистов.

— Настроение, как всегда, боевое, — ответил я, понимая, что разговор-то не об этом.

— Двадцать первый приказал вам выдвинуться ближе к голове, — продолжал он, — и быть все время в готовности к отражению возможных ударов, особенно слева.

Не было названо ни рубежа, ни сил, угрожающих контрударом: начальник штаба проявлял должную осторожность в разговоре по радио.

В конце спросил:

— Как поняли? Прием.

Я подтвердил, что приказание Двадцать первого, то есть командира корпуса, уяснил полностью и приступаю к его выполнению.

Задача состояла в том, чтобы отразить возможный контрудар частей танковой дивизии противника. О том, что дивизия эта выдвигается из глубины вражеской обороны, по нашим разведданным было известно.

Такая же задача — выдвинуться к рубежу предполагаемого контрудара — была поставлена командиру полка самоходных установок подполковнику В. Чепилю.

С наступлением вечера активность боевых действий на нашем участке заметно снизилась. Уже темнело, когда танковые колонны полка подошли к намеченному рубежу. Бой здесь тоже затихал, лишь изредка слышались короткие серии артиллерийской стрельбы да гул танковых двигателей.

Ночь как будто бы обещала быть сравнительно тихой.

Вызвав начальника тыла майора Фролова, я напомнил ему:

— Думайте, как организовать заправку танков и как покормить экипажи.

А тут как раз подъехал на своем броневичке подполковник Чепиль. Я вышел из танка. Поздоровались, закурили.

На одной дороге, прикрываясь редкими кустами, стояли наши танки, на другой, идущей параллельно, — его самоходки. Два таких полка на узком участке фронта — силища. И, может быть, одновременно нам пришла обоим в голову одна и та же мысль.

— Стоим перед большой деревней, а ужинать, заправлять технику, пополнять боеприпасы собираемся в поле... — сказал Чепиль с досадой.

— Обидно, — откликнулся я. — Уж лучше бы поднажать напоследок, взять деревню, тогда и поужинать, заправиться.

— Так, может, Женя, ударим двумя полками?

— Охватом с фланга? Я не против, Вася.

Это не было каким-то самовольством, как оба мы уяснили. Инициатива при выполнении приказа.

— Вперед, танкисты!

— Даешь, самоходчики!

Вот так два командира проявили боевую инициативу, что, как выяснилось впоследствии, способствовало выполнению важной задачи.

В нескольких словах согласовали план действий — обстановка казалась нам настолько ясной, что долгих разговоров не требовалось. Вызвали командиров подразделений, поставили задачи. Командиру 1-й танковой роты капитану С. Андриевскому я приказал выдвинуться по перелескам, охватить фланг противника левее деревни и нанести по нему внезапный удар. Командирам 2, 3 и 5-й рот поставил задачу атаковать с фронта, 4-ю роту оставил в резерве.

А дальше события развивались стремительно. Роты танков ИС на большой скорости прорвались в расположение противника, открыли огонь из пушек и пулеметов. Столь же напористо действовали самоходчики. В темноте ночи загремел, запылал с новой силой бой. Как мы с Чепилем и предполагали, немцы, почувствовав опасность фланговых ударов и охватов, быстро оттянули свои силы назад, оставив нам и деревню, и свои подготовленные позиции.

Захватив населенный пункт, мы организовали заправку машин, пополнение боеприпасов, питание людей. Результаты

ночного боя радовали всех. Только и разговоров было, как мы «турнули фрицев».

— Это по-танковому! — приговаривал теперь Клинов.

К занятым нами позициям подтянулись вскоре стрелковые части. И тут выяснилось обстоятельство, вызвавшее у старших начальников приятное изумление. Боевой порыв наших гвардейцев, тактически грамотные и решительные действия танковых и самоходно-артиллерийских подразделений позволили с ходу выполнить задачу, которая ставилась только на завтрашний день, и не одним нам, а всем частям и соединениям, действовавшим на этом направлении. Она заключалась в том, чтобы утром 16 января после мощной артиллерийской подготовки стремительной атакой прорвать оборону противника на промежуточном рубеже. Но мы ее, оказывается, сломали ночью силами двух полков, а с утра переключились на выполнение дальнейшей боевой задачи.

К исходу 16 января, третьего дня наступательной операции, в результате активных действий войск, в том числе и нашего гвардейского корпуса, в обороне противника образовался, если говорить языком операторов, «чистый прорыв». Были созданы условия для развития успеха в глубине вражеской обороны. И командование приняло к этому должные меры. С рассветом 17 января в оперативную глубину противника, не встречая сопротивления, вошли части 5-й гвардейской танковой армии. Мы несколько потеснились, пропуская ее колонны. Наши машины с приглушенными двигателями стояли на опушке леса, а танковая армия двумя нескончаемыми колоннами вливалась в прорыв. На каждом танке, самоходке были закреплены по две-три металлические бочки с горючим. Обладали братья-танкисты запасом хода и боевым потенциалом! На наших глазах врывалась на территорию врага одна из советских танковых армад — могучая, боеспособная. Мы присоединились к ней, как только маломальски освободились лесные дороги.

Уже на ходу я связался по радио с комкором.

— Я «Сокол». Докладываю: сосед вошел в прорыв. Выхожу за ним. Прошу «добро».

Генерал-лейтенант А. Ф. Попов передал:

— «Сокол», вас понял. Решение и действия одобряю.

Танковые потоки, извиваясь на холмах и впадинах местности, устремлялись на северо-запад по прусской земле. Над нами проносились в том же направлении эскадрильи краснозвездных «илов». Солнечная, ясная погода позволяла нашей авиации действовать активно.

Сердце фронтовика наполнялось гордостью при виде этой

мощной волны наступления советских войск. Мне вспомнились драматические события первых месяцев войны, когда выпали на нашу долю такие испытания, которые могли выдержать только мы — советские люди, советские солдаты. С волнением думалось и о том, какими же неисчерпаемыми, неисчислимыми силами обладает Советская страна, сумевшая выстоять под ударами фашистских полчищ, повернуть судьбу войны и вот теперь громить врага на всех фронтах, на его собственной земле. В сознании звучат дорогие фронтовикам слова, ставшие для нас пламенным призывом и боевым приказом, слова, начертанные на алых знаменах: «За нашу Советскую Родину!»

Части корпуса наступали двумя колоннами. Мощные наши танки с десантами на броне, взаимодействуя с самоходными орудиями, шли вперед в высоком темпе. Дезорганизованный противник хотя и оказывал сопротивление, но не мог устоять, тем более задержать такую танковую лавину. Наши стальные крепости появлялись там, где гитлеровцы их не ожидали, и крушили все огнем и гусеницами. Применялась и такая, оправдавшая себя тактика действий: танковое подразделение шло некоторое время параллельно дороге, скрытно продвигаясь по просекам и полянам, обгоняло гитлеровскую колонну, запирало ее на дороге с двух сторон и учиняло ей полный разгром.

Да и немцы были уже не те, что раньше. Спесь «покорителей Европы», «представителей высшей расы» бесследно исчезла с их физиономий. Обезумевшие от страха перед грозой наших танков, в плен сдавались группы немецких солдат и офицеров.

Фольксштурмовцы, пожилые солдаты или шестнадцатилетние юнцы, не спешили умирать за «великую Германию». Завидев наши танки, сразу же поднимали руки, бормоча:

— Гитлер капут!

Когда-то все они орали «хайль Гитлер!».

Наши гвардейцы стремительно продвигались вперед. Части правой колонны — танки бригады полковника Сомова, артиллеристы-самоходчики подполковника Чепиля, мотострелки и минометчики полковника Пивнева обходным маневром с юго-запада ворвались в городок Цеханув и завершили разгром на его окраинах частей 7-й танковой дивизии гитлеровцев. Успеху способствовало то, что противник был захвачен врасплох. После атаки танковые подразделения майора В. Лизункова, капитанов Н. Кардашева и Н. Балашова вышли на железнодорожную станцию и захватили

там прибывший эшелон с немецкими танками. Два десятка новых, еще не бывших в боях машин оказались в руках наших танкистов. Было взято также четыре исправных «фердинанда».

Гвардейская 58-я танковая бригада действовала, как всегда, с высокой боевой активностью. Боем управлял ее новый, недавно назначенный командир полковник А. А. Сомов.

Наступление продолжалось. Применялись энергичные, внезапные маневры. В ночь на 18 января танковые и механизированные соединения 2-го Белорусского фронта предприняли маневр на широком оперативном просторе с целью окружения Млавского укрепленного района, прикрывавшего подступы к Восточной Пруссии с юга. У гитлеровского командования, как позже выяснилось, был свой план: втянуть наши наступающие войска в затяжные бои и попытаться расчленить их надвое. Расчет врага не осуществился — наши танкисты упредили его, не дали сосредоточить в районе Млавы достаточное количество сил.

Двусторонним обходным маневром соединения 5-й гвардейской танковой армии окружили Млавский укрепленный район. Наш корпус, прикрывая 5-ю гвардейскую танковую слева, сорвал удар подходящих резервов противника. В этих боях особенно отличился коммунист старший лейтенант А. Алимов. Двигаясь в головном танке, он обеспечил своевременную и надежную разведку. За ним вслед шли колонны батальона и всей бригады. Танк Алимова раздавил гусеницами два вражеских орудия, уничтожил огнем «пантеру», десятки гитлеровцев, попавшихся на его пути.

19 января корпус тремя колоннами вышел к границе Восточной Пруссии и первым из войск 2-го Белорусского фронта пересек ее. Командующий фронтом Маршал Советского Союза К. К. Рокоссовский прислал гвардейцам поздравительную телеграмму в связи с этим боевым успехом. Политотдельцы выпустили листовку-молнию. «Мы вышли на границу Германии. Вперед, гвардейцы! Не давайте врагу передышки!» — говорилось в ней. Листовка передавалась из рук в руки.

И днем и ночью танки двигались по заснеженным дорогам мимо островерхих домиков, крытых черепицей, на ходу вели огонь по отступающим гитлеровцам. Они вели за собой пехоту и артиллерию, за ними двигались части и подразделения.

Топорщились каменными руинами аккуратные немецкие деревни, горели фольварки.

Именно отсюда, из Восточной Пруссии, так же как из Польши, Чехословакии, других покоренных гитлеровцами европейских стран, ринулись на нас дивизии фашистских захватчиков. Именно она, Восточная Пруссия, всегда была гнездом оголтелого немецкого империализма...

Такие мысли обуревали не одного меня. Я видел, с каким порывом стремились вперед мои боевые товарищи, как они, презирая опасность и саму смерть, бросались на врага.

Мелькали желтые указатели: «Лаутенбург», «Дойч-Айлау», «Остероде»...

Эти и другие населенные пункты предстояло брать с боями, порой скоротечными, но очень жестокими.

Мощным узлом сопротивления гитлеровцев оказался городок Либштадт. Здесь оборонялась довольно крупная группировка войск противника.

Наступая в составе корпуса, наш полк со своими тяжелыми танками, оснащенными 122-миллиметровыми орудиями, играл авангардную роль. Именно нам предписывалось разрушать важные узлы вражеской обороны. Задачей подразделений и экипажей тяжелых танков было пробивать бреши в системе обороны противника, а затем стремительно продвигаться вперед, не давая возможности гитлеровцам закрепиться на выгодном рубеже, сбивая их заслоны и засады.

Может быть, уместно вспомнить не только о самих событиях, происходивших в острой динамике наступления завершающего периода войны, но кратко рассказать и об опыте организации боевых действий, представляющем интерес и теперь.

Танковой атаке обычно предшествовали короткая артподготовка или артналет. Длительного огневого воздействия тут не требовалось. Построение боевого порядка танковых сил учитывало особенности обороны противника. Атаку начинали развернутые в боевую линию Т-34, а за ними, на флангах и стыках подразделений, частей шли тяжелые танки. В глубине боевого порядка двигалась самоходная артиллерия. Такое построение, как мы убедились, обеспечивало надежное взаимодействие частей и подразделений, эффективное воздействие на противника. Проще говоря, эту лавину не могло сдержать ничто. В момент прорыва обороны противника тяжелые танки своим мощным огнем содействовали продвижению тридцатьчетверок, вели борьбу с фашистской артиллерией, отражали контратаки врага. Наши экипажи «брали на себя» также контратакующие группы гитлеров-

цев, состоящие из подразделений танков, самоходных орудий и автоматчиков, которые, вообще-то, иногда представляли серьезную опасность. Если прорвавшуюся в глубину боевых порядков такую группу не остановить, не уничтожить, она способна нанести наступающим большой урон. При постановке очередной задачи я предупредил командиров подразделений о необходимости более энергичного маневра. Танк ведь не орудие, а боевая машина. Экипаж не должен ограничиваться ведением огня с выгодной позиции — надо полнее использовать танк в движении.

Прорыв вражеских позиций в районе Либштадта, в силу того что противник поспешно перешел к обороне, был организован по той же схеме. Артиллерия провела короткий, но мощный огневой налет по вражеским укреплениям и огневым средствам. Надо заметить, что наши артиллеристы, располагая точными разведданными и обладая высоким огневым мастерством, умели положить в цель каждый снаряд. И на этот раз после их работы оборона противника была достаточно подавлена и взломана. После артналета, не упуская ни минуты, наши экипажи совместно с подразделениями 60-й танковой бригады устремились по оврагам и перелескам, обходя Либштадт с западной окраины. Я принял решение оседлать две важные дороги, отрезать противнику пути отхода. И это в дальнейшем оправдало себя. В завязавшемся бою гитлеровцам с первых минут были нанесены значительные потери огнем наших 122-миллиметровых орудий. Тем не менее они сопротивлялись упорно, на отдельных участках стягивали свои танки и самоходные орудия, пытаясь остановить наше продвижение. Роты тяжелых танков гвардии капитана М. Пономарева и гвардии капитана Я. Тищенко сосредоточили свои усилия на фашистских опорных пунктах — разрушали их метким огнем, уничтожали покидавших укрытия гитлеровцев. Попытку врага организовать контратаку они пресекли в самом начале, уничтожив при этом два фашистских танка.

Другие танковые подразделения в это время нащупывали слабые места в обороне противника, проникали все глубже в город. Вслед за ними ворвались на окраины, а потом и в центр стрелковые части.

Одна из рот у меня, как правило, была в резерве. При определенном повороте обстановки я всегда мог нарастить усилие, воздействовать на противника там, где это требовалось особенно остро. Во время прорыва вражеской обороны в районе Либштадта в моем резерве была танковая рота гвардии капитана С. Андриевского.

В этом бою мы взаимодействовали с «младшими братьями» — танкистами бригады гвардии полковника Туренкова. Наши командирские машины по обыкновению шли недалеко друг от друга. Мы держали связь не только по радио. При необходимости можно было, высунувшись из люка, и жестами объясниться.

На направлении атаки тридцатьчетверок появились немецкие «тигры», представлявшие серьезную опасность.

— «Сокол», «Сокол»! Твои не видят «тигров»! — с досадой крикнул по радио Туренков. — Твои не помогают нам!..

Оба мы находились по грудь над люками своих танков. Мне было видно, как комбриг Туренков взмахивает руками — эх, как нужна ему сейчас поддержка тяжелых танков!

Я вызвал командира резервной роты гвардии капитана Андриевского и, когда тот подбежал, спрыгнул на землю. Лучше всего в тот острый момент было поставить задачу прямо на местности, не обращаясь к карте. При шуме двигателей приходилось кричать.

— Угол леса и рядом высотку видишь, Андриевский?

— Вижу, товарищ полковник.

— Занимай тот рубеж и от него — в атаку.

— Понял.

— Там на восточных скатах «тигры» выдвигаются. По ним и ударь, как надо.

— Понял, есть!

Ротный бросился к своему танку. На бегу вкруговую махал рукой экипажам: «Заводи!»

Резервная рота выдвинулась наперерез «тиграм», нанесла по ним удар и не дала им атаковать наших «младших братьев».

Слышу в наушниках голос комбрига Туренкова:

— Спасибо, «Сокол», спасибо.

Отвлекаясь несколько от динамики того боя под Либштадтом, скажу, что я и сейчас, на учениях, советую командирам: имейте всегда резерв, чтобы было чем повлиять на обстановку, если потребуется. Причем командиру резерва надо лично ставить задачу на местности. И сразу же его действия должны быть активными. А то ведь как порой случается? По радио даются указания повысить скорость, выйти на рубеж к такому-то времени. «Ускоряю выход»,—заверяет тот, кого очень ждут. Проходит время, а выдвигающихся сил не видно. И когда уже момент воздействия на «противника» окончательно упущен, они... появляются где-то на окраине полигонного поля.

Группировка вражеских войск в Либштадте была разгромлена, и это оказало свое влияние на ход дальнейших событий.

Под натиском наших частей противник отходил в северо-западном направлении. На некоторых рубежах, главным образом на флангах, гитлеровцы оставляли заслоны в виде подвижных засад по два-три танка или самоходных орудия. Засады усиливались группами автоматчиков, которые вели ближнюю разведку, сообщали своему командованию данные о движении наших войск.

62-й гвардейский танковый полк во взаимодействии с 60-й гвардейской танковой бригадой преследовал противника. Утром, еще затемно, 2 февраля мы вышли на рубеж 1300 метров северо-западнее Штоллена. Обнаружив наши танки, немцы открыли огонь из засад. Одна из боевых машин ИС-1 загорелась. Встретив сильный артиллерийский и пулеметный огонь, не могли продвигаться вперед и наши мотострелки. Пехота залегла. Танки, чтобы не отрываться от нее, остановились и открыли огонь с места.

Обстановка неясная. Требовалось быстро организовать ближнюю разведку. Я связался по радио с командиром роты тяжелых танков капитаном Тищенко и поставил ему такую задачу. Решил он ее не только оперативно, но и творчески. Малоразговорчивый, с виду несколько флегматичный, Яким Тищенко был на самом деле весьма инициативным офицером. Я лишь одной фразой подсказал ему — «Привлеки соседей», и он, восприняв совет, принял толковое решение. Вместе с командиром стрелкового батальона, с которым взаимодействовал, капитан Тищенко нарядил для ближней разведки три разведгруппы. Через 30—40 минут они уже вернулись с достоверными сведениями о силах и месторасположении вражеских заслонов. Тяжелые танки открыли по целям огонь прямой наводкой. По лощине выдвинулось вперед несколько танков. Их огонь с ближней дистанции был еще более эффективным.

К 8.00 полк вышел на рубеж 800 метров севернее Штоллена. Гитлеровцы отступили за водный рубеж, закрепившись по западным берегам рек Дгевенц и Пассарге.

В течение ночи на 5 февраля и весь последующий день наш полк совместно с 59-й гвардейской танковой бригадой, преодолевая сопротивление противника, вел бои. Мы оседлали шоссейную дорогу, идущую от Алькена на юго-запад, в тот же день ворвались в Алькен и внезапной атакой овладели городом.

Были перерезаны две важные для противника шоссейные

дороги. Под утро гитлеровцы попытались выбить наши танки из Алькена. Выдвижение сил противника со стороны леса было своевременно обнаружено. Как только майор Клинов доложил мне об этом, я тотчас же выехал в 3-ю роту и на месте принял решение — поставил задачу командиру роты капитану Пономареву нанести по противнику удар с расчетом отбросить его за реку Пассарге. Ротный быстрым маневром расставил свои КВ на выгодных позициях. Экипажи обрушили на фашистские боевые порядки шквальный огонь.

Немцы начали отходить. Севернее Либштадта на отдельных рубежах они, как и прежде, оставляли подвижные засады — по два-три танка или самоходных орудия с подразделениями автоматчиков.

Двигавшиеся впереди танковые подразделения нашего полка и 60-й гвардейской танковой бригады уничтожали вражеские заслоны. И на этих рубежах задержаться врагу не удалось.

На подступах к городу Любава противник ввел в бой подтянутые сюда свежие части своей 131-й пехотной дивизии. Автоматчики батальона гвардии майора К. Рыбальченко при поддержке танков атаковали гитлеровцев во фланг. Огневой налет минометчиков майора А. Матвеева и капитана Н. Барабулина довершил дело. Передовые отряды наших головных бригад ворвались в Любаву. Действия их были весьма характерными для этого этапа нашего наступления. Передовой отряд — это, собственно, танковая бригада, усиленная артиллерийским или минометным полком, тяжелым танковым или самоходно-артиллерийским полком, инженерными подразделениями. Иногда бригады выделяли свои передовые отряды — усиленные батальоны. Двигаясь далеко впереди главных сил, передовые отряды завязывали бои, врывались в населенные пункты, взламывали линии вражеской обороны, а чаще всего сокрушали немецкие гарнизоны и заслоны внезапной атакой с неожиданного направления. Далеко не всегда вводились в бой главные силы, командиры сохраняли их для решения более сложных задач.

Под Либштадтом, так сказать уже на финише войны, мне довелось участвовать в бою в составе танкового экипажа, и эта ночная стычка едва не закончилась для меня трагически.

Несколько фашистских частей, объединившись в мобильную, боеспособную группу, попытались вырваться из окружения и продвигались с короткими очаговыми боями. В этих боях пришлось участвовать некоторым подразделениям на-

шего полка. На КП поступали отрывочные и противоречивые донесения. Обстановка была неясной. Я решил выехать в подразделения, которые завязали бои, и на месте разобраться.

— Может быть, сейчас не стоит, товарищ командир, — мягко возразил начальник штаба майор Клинов. — Уточним обстановку, тогда и поедете. Да и дело к ночи-то...

— Нет, ждать нельзя, — сказал я. — Ты, Федор Михайлович, уточняй тут обстановку, а я поеду к танкистам.

Около КП стоял в полной готовности мой командирский танк 520. На броне — десант автоматчиков во главе с командиром взвода. Возразил было против этого. К чему, мол, десант, не в атаку ведь идем. Но взводный убедил меня, что десант необходим. Заодно он хотел доставить боевым товарищам патроны и гранаты. Пришлось согласиться. Привычно вскочил через люк в танк. Вместе со мной — заместитель начальника штаба полка капитан М. Сотников. Зарокотал двигатель мощного ИС. Я указал механику-водителю старшине Желнину направление. Он и сам хорошо ориентировался. Пошли.

До позиции наших передовых подразделений было километра два. Несколько в стороне от маршрута, метрах в восьмистах располагался НП артиллеристов.

Идем по дороге. Справа и слева мелькают стволы деревьев, тянутся заснеженные кюветы. У немцев все дороги в порядке, хоть и война.

Меня не покидало какое-то тревожное предчувствие. Как там ни считайте, ни говорите, а у фронтовиков предчувствие что барометр души.

И вот оно... Полоснула темноту пулеметная очередь. Танк остановился. Лейтенант, возглавлявший десант, был ранен. Наверное, не тяжело, потому что удержался на броне, закричал в темноту:

— Что у вас, так-перетак, глаз нет? Куда стреляете по своим?

Второй очередью лейтенанта срезало как тростинку. Другие десантники моментально попрыгали на землю, залегли.

Капитан Сотников, занимавший в танке место наводчика, крикнул:

— Да это же немцы!

Он дал несколько очередей из пулемета туда, откуда стреляли фашисты.

Да, это был противник, невесть откуда взявшийся в расположении наших войск. Как потом выяснилось, довольно крупные силы гитлеровцев попытались и здесь вырваться

из окружения. В вечерних сумерках они ринулись броском, проскальзывая мимо наших боевых порядков. Одиночный танк с десантом на броне, видимо, показался им серьезной помехой, и они решили разделаться с ним. Вслед за пулеметным огнем по десанту надо было ожидать фаустпатрона. Судьбу решили секунды.

— Разворот на сто восемьдесят, — скомандовал я механику-водителю.

— Левее давай, левее! — скорректировал Сотников.

А когда двое командуют, третьему трудно исполнять. Видать, задергали мы нашего Гришу Желнина, и он, разворачиваясь, попал гусеницей в глубокий кювет дороги. Танк застрял — ни вперед, ни назад. Надо бы ударить по противнику из пушки, но ствол невозможно развернуть в нужном направлении — мешает придорожное дерево.

Ведем огонь только в полсектора. Гитлеровцы осаждают нас, бьют по танку болванками. Броню ИС эти снаряды не пробивают, но при каждом попадании стальным громом отдает в ушах и впечатление такое, будто на мгновение гаснет свет — темнеет в глазах. Но вот один снаряд, видимо фаустпатрона, попал в правый топливный бак, горючее из него было, к счастью, уже выработано, и пожара не случилось.

Сотников то ведет огонь, то передает по радио: «Сокол» попал в засаду, «Сокол» попал в засаду. Прошу помощи!»

Метался парень, как в западне, считая, очевидно, себя первым виновником всего, что произошло. Случай и впрямь дикий: это ж надо — дать противнику подстеречь командирский танк, собственно, позади боевых порядков своего полка!

— Будем эвакуироваться, товарищи, через десантный люк,— решаю я, понимая, что отсидеться в танке не удастся.

По всей видимости, немцы решили непременно добить танк.

Первым протиснулся в небольшой проем в днище машины Желнин. Потом они вдвоем — Желнин снаружи, Сотников изнутри — «десантировали» меня. Надо бы мне предварительно снять полушубок, да впопыхах забыл. Когда все трое вылезли, Сотников даже хихикнул:

— И как это мы вас протащили в такой шубе, товарищ гвардии полковник?

Я тоже усмехнулся по этому поводу.

Ситуация, однако, была не из веселых.

Сориентировались, приготовили оружие. Сотников кроме пистолета имел за поясом две гранаты. До ориентира, ко-

торый мы заметили раньше, метров триста. Туда добежать, а там уж рядом НП артиллеристов. По дороге бежать нельзя — ночь светлая, и мы можем оказаться слишком доступной мишенью для вражеских пулеметчиков. Придется по кювету, маскируясь деревьями и кустарником. Глубокий снег, тяжело по нему передвигаться, но ничего другого не придумать. Десанту еще труднее: нужно нести погибшего командира.

Сотников поторапливал:

— Пошли, товарищ командир. Немцы бьют и бьют по танку. Пока не подожгут, не успокоятся.

Я снял полушубок, за ремень засунул планшет, взял пистолет. По команде бросились вперед. Проваливаясь в снег, бежали по кювету. Пули свистели над нами и где-то рядом, щелкали в стволы деревьев. Мы падали в снег, отстреливались. Нелегко дались те несколько сот метров — по снегу, под огнем противника. Пока достигли НП артиллеристов, казалось, выдохлись окончательно.

Переданный капитаном Сотниковым по радио наш SOS услышали, начальник штаба полка Клинов немедля отдал нужные распоряжения. И вскоре недалеко от нас прошли, разворачиваясь в боевой порядок, две танковые роты, впереди — наша полковая рота автоматчиков. Произошел короткий огневой бой. Гитлеровцам преградили путь к дальнейшему продвижению и обратили их в бегство.

Танк мой остался «живым». На нем были вмятины, как шрамы на теле ветерана, повреждено электрооборудование, но он не загорелся, несмотря на все старания немецких фаустников.

В ночном «кроссе» под пулями я здорово-таки поморозил руки — и ползал, и стрелял без перчаток. Врач полка майор Р. Хазанов и санинструктор сержант А. Привалов оттирали мне руки спиртом. Наверное, переусердствовали оба, кое-где содрав кожу, и боль ощущалась нестерпимая. Чтобы отвлечься и не стонать, я старался думать о чем-нибудь другом. А мысли роились все вокруг того же ночного происшествия. Вот нелепо можно было погибнуть, до чего же нелепо! В танковом бою, лицом к лицу с противником, погибнуть — одно дело. А тут — ведь могли подстрелить, как куропатку... Но когда пытался найти ошибку, приведшую к тому происшествию, вроде бы и не находил. Всплыл в памяти случай, когда в донецкой степи вот по такой же нелепой случайности погиб начальник штаба корпуса полковник С. П. Мальцев. Война...

Фронтовой народ воспринимает превратности военной судьбы с пониманием и при каких-то жестоких испытаниях, выпавших на чью-то долю, больше склонен к шуткам, чем к философским рассуждениям.

О моих злоключениях в ночной схватке полковые остряки даже сложили веселые куплеты. Как-то вечером, когда собрались боевые товарищи вместе передохнуть, их исполнили наши запевалы под аккомпанемент офицеров Валентина Сапача (гитара) и Володи Тереса (аккордеон). В куплетах главное место занимал не бой в ночи, а то, как я протискивался в десантный люк в полушубке и как потом у меня в сутолоке эту «шубу сперли». Все смеялись. И я тоже.

Смех танкистов-фронтовиков, здоровый и неуемный, свидетельствовал о том, что этим боевым, жизнерадостным ребятам все нипочем.

Был, однако, повод и серьезно порассуждать о месте старшего начальника в боевой обстановке, будь он командиром, политработником или офицером штаба.

Взять, к примеру, того же командира полка. Ясно, что он должен руководить действиями подразделений с КП или НП — видеть всю сложную и динамичную картину боя, чувствовать его пульс. Но подчас явно возникает необходимость самому побывать там, где обстановка сложилась наиболее остро, и если командир полка выдвигается на передний край, в подразделение, то и это вполне оправданно. Вмешательство старшего, более опытного офицера, его совет подчиненному, принятое на месте решение, наконец, его личный пример могут оказать существенное влияние на ход событий, помочь танкистам в трудной ситуации выиграть бой.

Объективно оценивая случай, описанный выше, глядя на него с нынешней позиции, я бы сказал, что мое решение немедленно выехать на место было поспешным и не совсем продуманным. Полагалось бы хоть какую-то разведку обстановки сделать, воспользоваться данными располагавшихся неподалеку артиллеристов, нарядить для прикрытия второй танк и т. п. Правда, я выдвигался в свои передовые подразделения, ехал, по существу, в своем тылу и совсем случайно напоролся на группу выходивших из окружения гитлеровцев. Но сколько на войне подобных неожиданностей! Сплошь и рядом.

Командир, конечно, как все, человек со своим характером, возможно очень темпераментным, и все-таки он не должен поддаваться чувству порыва, обязан действовать рас-

четливо и целесообразно, помнить, что вместе с ним рискуют, идут в огонь подчиненные, боевые товарищи.

В наступлении по германской земле главные силы наших войск двигались колоннами.

Всё новые названия появлялись на желтых щитах указателей: Розенталь, Фраденау, Вилленберг... Многие из городков были объяты пожарами. Нам невольно приходили на память страшные пожары Сталинграда, Орла, Курска...

Во время кратковременной стоянки в одном из домов деревни Тильвальде наши гвардейцы обнаружили много искусно выполненных снимков. На них были изображены разрушения и пожары Киева, Ростова, Одессы. В немецкую семью они были присланы когда-то с далекого восточного фронта. С профессиональным репортерским мастерством, словно смакуя ужасы войны и страдания людей, их сделал в наших городах эсэсовский офицер. Наверняка он же и участвовал в разрушении наших городов, в уничтожении мирного населения. Теперь его дома не оказалось. Нам сказали: убит в сорок четвертом.

Вот и пришла война в дома самих немцев, война, которую зажгли на земле гитлеровцы.

Ворота имений, хозяйских дворов, фольварков раскрывались, как тюремные брамы. По дорогам наступления наших танковых подразделений шли нам навстречу толпы освобожденных из фашистского рабства советских людей — юноши, девушки, совсем дети, нередко попадались поляки и чехи, французы и югославы, представители других народов, порабощенных гитлеровской Германией.

21 января корпус был выведен из оперативного подчинения 2-й ударной армии и получил приказ действовать в полосе 48-й армии и выполнять с ней новую задачу.

Танковые армия и корпуса, а за ними соединения общевойсковой армии выходили к Балтийскому морю, окружая, отсекая крупную восточно-прусскую группировку вражеских войск. Ее предстояло, сжимая кольцо окружения, уничтожить.

К БАЛТИКЕ

За неделю безостановочного наступления части корпуса прошли с боями более 200 километров. Были уничтожены и захвачены сотни вражеских танков и самоходных установок,

множество автомашин и орудий, броневиков, повозок. Большое количество солдат и офицеров было взято в плен. Строжайшие приказы гитлеровского командования об удержании оборонительных рубежей и борьбе до последней капли крови выполнялись уже не так рьяно, как прежде. Немецкие солдаты начали понимать бесперспективность сопротивления и сдавались в плен.

И тем не менее в дни, когда наша подкова окружения немецких войск у берегов Балтики сжималась, бои принимали ожесточенный характер. Концентрируя силы на отдельных участках, гитлеровцы бросались в контратаки.

Любой ценой пытался противник удержать город и железнодорожный узел Дойч-Айлау. На подступах к ним немцы соорудили полосу сплошной обороны, которую заняли части отходящих войск и созданные по тотальной мобилизации резервные формирования. Части корпуса повели атаку с двух направлений. С юго-востока наступал наш полк. Во взаимодействии с танкистами 58-й гвардейской танковой бригады мы преодолели сопротивление противника в полосе его «неприступной» обороны и ворвались в город.

Взятие Дойч-Айлау и населенного пункта Заальфельд имело немалое значение в ходе Восточно-Прусской наступательной операции. 23 января в Москве был произведен салют в честь войск, отличившихся в боях за Дойч-Айлау и Заальфельд. В приказе Верховного Главнокомандующего была объявлена благодарность и нашим гвардейцам-танкистам.

В ходе операции по окружению вражеской группировки на побережье Балтики танковые корпуса и армия форсированными бросками выдвигались в глубь обороны противника, резали коммуникации, вбивали клинья, брали в клещи его соединения. Эти образные выражения военной лексики, между прочим, отражают действия чуть ли не с фотографической точностью. Когда окружение завершилось и гитлеровцы оказались в котле, общевойсковым соединениям надлежало держать вражескую группировку накрепко, завершить ее разгром.

А 8-й гвардейский танковый корпус перенацелили на гданьское направление. Осуществлялась еще одна операция по окружению немецко-фашистских войск — теперь в Померании. Вначале темпы нашего продвижения были невысокими — по 10—15 километров в день. Вновь приходилось выбивать противника из каждого населенного пункта. А любую деревню в Померании легко было превратить в крепость, что гитлеровцы и делали. Крепкие каменные дома и

хозяйственные постройки они использовали как оборонительные сооружения. Укроется, например, в кирпичном сарае взвод автоматчиков, да с пулеметами, с фаустпатронами, и выбить его оттуда не просто.

«Не нравилась» нам, танкистам, и сама местность: множество узких каналов, проведенных в разных направлениях, — попадешь одной гусеницей в такой ров, машина на борт может завалиться.

Наш 62-й гвардейский тяжелый танковый полк взаимодействовал с 59-й гвардейской танковой бригадой полковника Туренкова.

Мой танк и тридцатьчетверка Туренкова располагались и двигались обычно поблизости.

Продвигались, как уже было замечено, довольно медленно. Комкор через каждые два-три часа присылал ко мне в полк офицера связи для уточнения обстановки. Майор Н. Женавчук доберется ко мне, развернет карту и говорит:

— Генерал приказал всю обстановку, огневые точки противника и особенно положение каждой роты полка зарисовать, отметить время и расписаться.

— Понял. Будет сделано, — отвечаю, работая карандашами на карте. Спрашиваю: — А еще что, Коленька?

— А еще... — говорит сквозь смех Женавчук. — Еще генерал интересовался: продвинулся ли Ивановский с «младшими братьями» хотя бы на сто метров или на прежнем месте топчется?

К разговору подключается и Туренков:

— Передай начальству: стремительно продвинулся на целых двести метров.

Офицер связи улыбается, поглядывая на свою карту. А мы с Туренковым вместе думаем, как бы действительно повысить темп наступления в данных условиях. И поскольку настроение неважное, продолжаем в шутливом тоне:

— Надо будет впредь становиться нам командирскими танками так, чтобы Коля Женавчук не вплотную подъезжал, а где-то на подходе оставлял «виллис», сюда же чтобы пешочком...

— А где и ползком.

— Чтобы выиграть время.

— Понятно. Глядишь, еще сотню метров одолеем...

Между населенными пунктами нашим танкистам приходилось действовать в низинной, заболоченной местности, для громадных ИС особенно труднодоступной. Фашисты минировали дороги с присущей им изощренностью, и нашим

саперам надо было на каждом шагу проявлять высочайшую бдительность. Повсеместно возвышались на пути танков баррикады из толстых бревен и камней. Приняло гитлеровское командование и такую меру: в пехотные части и подразделения было передано множество фаустпатронов, инструктора спешно учили обращению с этим оружием всех солдат. И фаустники впоследствии причинили нашим танкистам немало неприятностей — пускали свои бронебойные снаряды из-за каждого угла.

Два дня жестоких боев и две ночи тяжелой работы — так можно охарактеризовать сравнительно небольшой период нашего наступления. Днем танковые подразделения огнем и маневром сокрушали оборону противника, овладевали населенными пунктами-крепостями, а ночью саперы разбирали заграждения, разминировали дороги.

Наступая в северном направлении, наш полк несколько задержался перед сильно укрепленными опорными пунктами противника.

— Не лучше ли обойти их, товарищ командир? — предложил майор Клинов.

Я прислушался к дельному совету начальника штаба. В своем решении предусмотрел быстрое продвижение подразделений в предбоевых порядках в обход опорных пунктов. Таким образом, мы вклинились в оборону противника и ворвались в город Гнев уже с запада, что для гитлеровцев было неожиданностью. Уличный бой в городе длился несколько часов. 19 февраля мы овладели им. Название города ассоциировалось с русским словом определенного смысла, и оно было у всех на языке: «Гнев! Гнев!..»

20 февраля командир корпуса приказал полку в дальнейшем наступать на Староград. Первые же бои на этом участке свидетельствовали о том, что гитлеровцы, получив подкрепление, решили здесь любой ценой остановить наше продвижение. Они и дрались упорно, и вооружены были крепко. В контратаки на наши боевые порядки шли «тигры» и «пантеры» при огневой поддержке «фердинандов» и многоствольных минометов. Давненько нас не беспокоила вражеская авиация, а тут «юнкерсы» и «фокке-вульфы» набросились с неба, как стервятники.

Несколько дней шли бои. Против нас фашисты бросили около 80 танков. Видимо, сняли их с других участков и сосредоточили здесь.

Наступило 23 февраля — годовщина Красной Армии. Мы отмечали праздник по-фронтовому — новыми победами в боях. В подразделениях читали приказ Верховного Глав-

нокомандующего. Состоялись митинги, короткие и деловые, на которых коммунисты говорили только о том, как крепче бить врага. Их слова подтверждались делами. За пять дней боев на подступах к Гданьску части корпуса подбили и уничтожили 25 танков, 160 орудий, 200 пулеметов противника, истребили не одну тысячу фашистских солдат и офицеров.

На гданьском направлении нашим танкистам пришлось наступать в боевых порядках пехоты.

На КП стрелкового полка меня встретил командир части, пожилой подполковник, с седыми висками и хитроватым прищуром глаз. Стали уяснять задачу предстоящего боя.

— Мне, знаете ли, раньше никогда не приходилось взаимодействовать с танками, — заметил подполковник и добавил, кивнув на мою стоявшую невдалеке 520-ю: — Да еще с такими большими, как ваши.

Его заявление немало меня удивило.

— Как так? Всю войну ведь прошли...

Он пожал плечами:

— Да вот так... Все время по-пехотному топали, в одиночку.

Так я и не понял: или натолкнулся на редчайший в своем роде случай, когда стрелковый полк не знал танковой поддержки, или хитроумный «старикан», глядя на 26-летнего полковника, попытался его разыграть.

А взаимодействие в ходе дальнейшего наступления у нас с ним получилось отличное. Двигаясь в боевых порядках стрелковых подразделений, наши тяжелые танки огнем своих мощных орудий подавляли огневые точки, разрушали оборонительные сооружения противника. Командиры-пехотинцы то и дело обращались к танкистам, вызывая огонь по тем или иным целям. Танковый таран надежно прокладывал путь пехоте.

К вечеру 5 марта танкисты вместе с автоматчиками овладели населенным пунктом Домбровкен, что в пяти километрах от Старограда. Ночью гитлеровцы наверняка рассчитывали на передышку. Зная их приверженность к «распорядку» даже на войне, мы несколько снизили активность, чтобы этим усыпить бдительность противника, а глубокой ночью вновь перешли в атаку. Продолжали бой всю ночь и к утру приблизились к южной окраине города. Наш полк, усиленный мотострелковым батальоном капитана Мендковича, взаимодействовал с танковой бригадой полковника Туренкова.

Батальон майора М. Валуйского, участвовавший в ночном бою, ворвался в город первым. На броне тяжелых машин находились автоматчики. Одновременно с юго-востока вошла в город колонна танков капитана Балашова, и тоже с десантом. Подразделения, вклинившись в кварталы, как бы раскололи городской массив. Завязались уличные бои. Это произошло настолько неожиданно, что немцы в том районе даже не прекратили работу на предприятиях, электростанции. А гитлеровские артиллеристы приняли наши танки за свои. Они упустили время, а когда спохватились, было уже поздно: тяжелые машины давили их орудия и прислугу гусеницами.

И все же полностью овладеть Староградом и очистить его от противника нам не удалось. Фашисты засели в домах, на чердаках, и выбивать их оттуда было трудно. Уличные бои, полыхавшие в городе, носили очаговый характер, их успех зависел от инициативы и умения командиров, управлявших действиями взводов и экипажей. И они, лейтенанты и старшины, решали свои задачи умело, грамотно. Танк, приближаясь к дому, орудийными выстрелами уничтожал, подавлял огневые точки. Десантники, спешившись, бросались в проломы стен, добивали немцев автоматным огнем и гранатами. Фашисты сопротивлялись яростно. Особенно досаждали нам фаустники, пускавшие бронебойные снаряды из окон подвалов, с чердаков.

Бой в городе длился почти весь день — тяжелый бой, с потерями. Он был трудноуправляемым и угрожал опять затянуться на ночь. Но вот часам к семнадцати наступил вдруг перелом. И на поле боя, и на командирском НП сразу же ощутился обозначившийся наш перевес. А наиболее способствовали тому действия танкового батальона под командованием майора А. Рыбальченко. Танкисты с десантом автоматчиков на броне обошли город и ворвались в него с севера.

Гитлеровцы группами и подразделениями начали отходить, и немало их гибло под огнем наших танков и мотострелков. Вскоре Староград, важный, сильно укрепленный узел обороны на пути к Гданьску, был очищен от врага.

Боевые товарищи поздравляли друг друга. Мне говорили: «С победой тебя, Евгений Филиппович! И с днем рождения! Надо же было так рассчитать с появлением на свет — именно 7 марта!»

7 марта в честь взятия Старограда войскам салютовала Москва.

До Балтийского моря оставалось 40 километров. Расстояние, казалось бы, небольшое, но пройти его даже на танках было не просто и по времени не скоро. Сплошную оборону немцы здесь создать уже не могли, но на отдельных участках оказывали сильнейшее сопротивление. Бои вспыхивали вблизи населенных пунктов. Нападения противника приходилось отражать и нашим колоннам на марше. Командиры подразделений и даже экипажей в столь сложной обстановке проявляли самостоятельность. На КП полка то и дело поступали донесения об инициативных действиях командиров взводов и экипажей.

С гордостью за офицера-коммуниста подписывал я представление к награде на гвардии лейтенанта Гусейна Ахметова. И одновременно — с чувством большой горечи, потому что к боевому ордену он представлялся посмертно.

Парторг роты, командир тяжелого танка лейтенант Г. Ахметов сражался с мастерством и мужеством. На него равнялись другие экипажи. Танк был подожжен, а сам Ахметов контужен. Лейтенант покинул танк, но не поле боя. Он возглавил другой экипаж. Под его командованием воины метким огнем уничтожили четыре фашистских орудия. Затем танк ворвался в немецкую колонну, гусеницами раздавил около 30 повозок и несколько десятков гитлеровских солдат. В этом скоротечном бою отважный командир и парторг был убит — вражеский снаряд разорвался над башней танка, когда Ахметов через открытый люк вел наблюдение за полем боя.

Поскольку под Данцигом линии фронта, как таковой, не существовало, требовалась особая бдительность в местах расположения командных пунктов, тыловых подразделений с их колоннами и обозами. Группы гитлеровцев, подчас довольно многочисленные, хорошо вооруженные, бродили по лесам и населенным пунктам, пытаясь прорваться на запад.

КП полка расположился в каменном сарае близ хутора. Шла обычная боевая работа. Вдруг мне докладывают:

— Движется отряд немцев. Направляется сюда.

Я выскочил из сарая, чтобы отдать необходимые распоряжения и руководить боем, если он завяжется. Неподалеку стоял мой танк. Здесь же, около КП, находились шоферы, ординарцы, человек двенадцать охраны. Ну, еще связисты... Еще офицеры КП — у кого автомат, у кого пистолет. Сил явно маловато.

Быстро отдал распоряжения, выдвинул танк, расставил людей. Пробивавшуюся в нашем направлении группу гит-

леровцев встретили дружным огнем. Те залегли. Перестрелка то стихала, то вспыхивала.

В разгар боя по дороге правее дома вышла из леса толпа беженцев.

— Не стреляйте! Мы поляки! — закричали они.

Им невдомек было, что огонь-то мы вели по гитлеровским автоматчикам.

Бродячую группу фашистов отсекли и рассеяли.

А польские беженцы... Что ж с ними делать? Собрали, присели побеседовать. Они жаловались на тяготы и ужасы войны: вот уже несколько дней, пока здесь гремит и полыхает, люди укрываются в лесу, голодают. Среди поляков, когда мы присмотрелись, было немало и немцев.

Кто-то из наших солдат, слушая эти речи, с неприязнью воскликнул:

— А каково нашим людям было?! У нас в России война четыре года все рушила и всех убивала. Четыре года!

На беженцев были устремлены хмурые взгляды.

Отозвав в сторонку агитатора полка майора Федоренко, я сказал ему:

— Давай садись тут с ними и воспитывай — тех и других.

Сам пошел на КП, где ждали командирские дела. А как только выдалась минута, собрал политработников, поделился мыслями о том, что вот сейчас, когда выходим с боями на территорию Германии, надо усилить работу с личным составом, убедительно, доходчиво говорить солдату об освободительной миссии Советских Вооруженных Сил.

20 марта Военный совет 2-го Белорусского фронта принял обращение к личному составу частей и подразделений. В нем говорилось:

«Успешно выполнив свои задачи по разгрому немцев в Восточной Пруссии, войска фронта ведут бои в Померании. Умелым обходным маневром окружена крупная группировка немецких войск в районе Данцига (Гданьск) и Гдыни.

Все туже сжимается кольцо окружения.

Доблестные воины 2-го Белорусского фронта!

Мы обязаны быстрее добить немецкие войска, окруженные в районе Данцига и Гдыни. Это крупные города и важные военные порты на Балтийском побережье. Овладеть этими городами и ликвидировать в них группировку вражеских войск — это значит ускорить победу над ненавистным врагом.

Вперед на Данциг и Гдыню, боевые друзья!»

Коротко и ясно. Всего несколько абзацев, простые, доходчивые слова. Такие обращения Военного совета в ходе наступательных операций шли к солдатским сердцам напрямую.

...Наступление велось крупными силами. Войска накатывались на побережье Балтики широкой, мощной лавиной. Артиллерийская канонада не умолкала ни днем, ни ночью.

Достаточно было взглянуть на оперативную карту, чтобы понять, в каком глубоком котле оказалась группировка немецко-фашистских войск. Видели это конечно же и гитлеровские вояки. И, сознавая всю безвыходность своего положения, принимали крайние меры.

В разведотдел штаба корпуса были доставлены несколько пленных немцев. Меня тогда как раз вызвали в штаб, и, завершив дела, я заглянул к бывшим сослуживцам, разведчикам, присутствовал при допросе пленных.

— В городе сильная паника, — рассказывал фельдфебель. — Несколько суток нас беспрерывно бомбили русские самолеты и обстреливали русские орудия. Всюду много убитых и раненых. В последние дни наше командование стало посылать на оборонительные позиции гражданское население. Людей хватают на улицах, вылавливают в домах и бомбоубежищах, насильно вручают оружие и бросают в бой.

Другой пленный был как раз из таких «тотальных» — вчерашний сапожник. Он говорил:

— Раньше я ни разу в жизни не стрелял. А здесь мне дали винтовку и две гранаты. Немецкие солдаты обречены на смерть. Многие собираются бежать. Но за ними строго следят офицеры, эсэсовцы и полевая жандармерия. Я сам видел трех наших солдат, повешенных эсэсовцами. На трупах были большие плакаты с надписью «дезертир»...

Гитлеровцы соорудили вокруг Гданьска несколько оборонительных рубежей, на танкоопасных направлениях сосредоточили большое количество артиллерии, а фаустников понасажали где только возможно — даже в канализационных колодцах. Внешнее кольцо обороны врага усиливалось еще и каналом.

Но ничто не могло сдержать наступательного порыва войск 2-го Белорусского фронта. Танковые и стрелковые части стремительно форсировали несколько водных рубежей на своем пути, в том числе и канал. Всей силой огня и боевой техники наступавшие обрушились на фашистскую оборону и 24 марта прорвали ее сразу в нескольких местах.

Бои завязались на ближайших подступах к Гданьску, собственно уже на его окраинах.

25 марта Совинформбюро передало:

«На гданьском (данцигском) направлении наши войска, преодолевая сопротивление противника, овладели пригородом Гданьска — Олива и заняли населенные пункты Боргфельд, Ковали, Клайн, Виттомин. За 24 марта наши войска взяли в этом районе в плен более десяти тысяч немецких солдат и офицеров».

В этой же сводке Совинформбюро сообщалось о боевых успехах танкистов под командованием гвардии майора В. Потапова.

Данциг горел. Облака дыма вздымались над городом, как тучи жуткой грозы.

Держались погожие весенние дни, и большую поддержку наступавшим наземным войскам оказывала авиация. Днем над Данцигом крутили свои огненные карусели штурмовики, ночью наносили удары бомбардировщики.

27 марта передовые части вступили на окраину города и выбили гитлеровцев из нескольких кварталов. Бои шли за каждую улицу и каждый дом. Мотострелки гвардии майора Н. Кряхова в уличном бою уничтожили более сотни гитлеровцев, подавили, забросав гранатами, несколько огневых точек. В пригороде Зманус отличились танкисты взвода гвардии лейтенанта К. Шабанова. Командир взвода скрытно провел боевые машины и на большой скорости ворвался в расположение противника. Огнем и гусеницами танкисты уничтожили два орудия, несколько крупнокалиберных пулеметов, истребили 70 фашистских солдат. На пути движения танка младшего лейтенанта Г. Корякова гитлеровцы воздвигли баррикаду. Экипаж ловко обошел ее и повел боевую машину к скверу, где маскировался в засаде вражеский танк. Коряков приказал механику-водителю свернуть в переулок и выйти к засаде с фланга. Гитлеровские танкисты сманеврировать не успели — снаряд угодил в борт их машины.

В уличных боях успешно действовали штурмовые группы, которые были созданы в предвидении упорного сопротивления противника в городе. Группы в составе двух-трех танков и самоходных пушек, взвода автоматчиков и взвода саперов проникали в глубину обороны и рвали ее изнутри.

Корабли Балтфлота вели огонь по военным объектам города и порта с моря. Их удары способствовали продвижению вперед пехотинцев и танкистов.

В корпусной газете было напечатано стихотворение поэта Михаила Матусовского:

Штурмуя форты, наводя переправы,
Каналы форсируя вброд,
Вперед, под знаменами воинской славы,
На Данциг, на Гдыню — вперед!

28 марта уже в утренние часы обозначился явный перевес в действиях наступающих. Сопротивление гитлеровцев было наконец сломлено.

Танкисты, самоходчики, пехотинцы занимали улицы и площади одну за другой, продвигались к центру города. Когда наступающие вышли к каналу, пересекающему Гданьск, и стали его форсировать, гитлеровцы окончательно потеряли волю к сопротивлению. Они сдавались в плен большими группами.

За мужество и боевую инициативу, проявленные в ходе Восточно-Прусской операции, многие воины нашего корпуса были награждены орденами. Я удостоился ордена Суворова III степени. Военный человек с большим уважением, с любовью относится к правительственным наградам, и можно понять, какие чувства вызвало у меня награждение этим славным полководческим орденом.

...Взятие большого города и порта представляет собой множество событий и эпизодов. На оперативной карте все это выражается стрелами ударов, переплетением линий коммуникаций и рубежей, пестрой сетью условных знаков. Приказы, донесения, сводки характеризуют действия войск, их успехи и недостатки. Говорят сами за себя и цифры. Но бывают иные свидетельства. И мы, военные, привыкшие иметь дело с картой и сводкой, с каким-то неожиданным интересом листали, читали дневник лейтенанта В. Максимова. Точнее, это был не дневник, а какие-то наметки корреспонденции для корпусной газеты «В решающий бой!».

В торопливых, но искренних строках проступали облик советского воина, его устремления в тех условиях, которые по нынешней терминологии квалифицировались бы как экстремальные.

С заметками лейтенанта мне привелось встретиться еще раз, через много лет, когда знакомился с созданной ветеранами рукописной книгой «Боевая история части». Опять я задумался над ними. Здесь привожу лишь несколько записей лейтенанта-фронтовика.

«28 марта. Уже второй день штурмуем Данциг. Сегодня застрял наш танк, засосала талая земля. Лишенные

маневра, попали под обстрел. Но, несмотря на огонь противника, танк быстро вытащили. Ранен радист, остальные целы.

Сегодня наши дела идут неплохо, хотя немцы оказывают сильное сопротивление. У противника много минометов, часто бьет его тяжелая артиллерия береговой обороны. Медленно продвигаемся по узким улицам. Наши танки уже в центре Данцига.

Никак не привыкну к единому: то Данциг, то Гданьск.

29 марта. Прошли через весь город, но и нам достается — немцы ведут огонь с выгодных, скрытых позиций, с чердаков, из подвалов.

Форсировали второй канал. Немцы по-прежнему упорно сопротивляются. Они бьют танковыми орудиями (надо отдать должное — бьют метко), пытаются остановить наши танки фаустпатронами. Сейчас выковыриваем фаустников из подвалов. Помогает пехота. И когда вытаскивают какого-нибудь фаустника на солнышко, он сразу превращается в червя ползучего.

Весь наш день в наступлении. Это день огня и грохота, неимоверных маневров. Дым от пожаров разъедает глаза, першит в горле. Все мы грязные, черные, как трубочисты. Танки покрыты толстым слоем пепла. Продвигаемся вперед сквозь дым и пламя. Жара, как в доменной печи. Кажется, и танки, и мы сами вот-вот расплавимся.

30 марта. Все еще штурмуем Данциг (или Гданьск). Как бы он ни назывался, его надо брать.

Моя машина вышла из строя (кажется, попадание в моторное отделение). Пересел на другую. Экипаж здесь тоже боевой, понимает меня с полуслова.

Навстречу нам ведут колонну пленных немцев. Понурили головы «завоеватели»! Тянутся откуда-то и куда-то жители города с тощими узелками и тоже с опущенными головами. Это бредет мимо нас побежденная Германия.

Сегодня мы вышли на восточную окраину города. Здесь немцы еще «крестили» нас болванками. Но теперь уж им ничто не поможет, они прижаты к морю».

...Писал эти строки, положив блокнот на броню танковой башни, 22-летний Володя Максимов, по возрасту еще парнишка, но уже командир подразделения, бывалый фронтовик, награжденный к тому времени четырьмя орденами.

Война его глазами — это правда и непосредственность. Тысячи и тысячи таких, как он, юных командиров вели наших солдат в бой, на подвиг и на смерть — во имя победы.

...К вечеру 30 марта на улицах Гданьска стих грохот боя. Дымились гаснущие пожарища. Саперы разминировали улицы и переулки. На телеграфных столбах трудились наши связисты. Немцы, толпами возвращавшиеся в город, с любопытством, хотя и с опаской, поглядывали на победителей, наводивших в их городе порядок.

Воинам нашей 58-й гвардейской танковой бригады и после взятия Гданьска пришлось еще несколько суток вести бои с разгромленными группами гитлеровцев в районе «Мертвой Вислы».

Войска 2-го Белорусского фронта завершили разгром крупной группировки немецко-фашистских войск, лишили гитлеровское командование первоклассной военно-морской базы на Балтийском море.

Над Гданьском был поднят национальный флаг Польши. А это далеко не простой ритуал. Свершилась не только военная победа, свершилось и восстановление законной власти, попранной некогда фашистскими захватчиками. Свободу простым людям, суверенные права странам, идеи справедливого социального строя народам — вот что несли в Европу наступавшие советские войска.

В ПОВЕРЖЕННОМ БЕРЛИНЕ

Наступивший апрель сорок пятого вещал о близкой победе. Весенней грозой гремела артиллерийская канонада, бурливыми потоками двигались наступавшие войска, радость и надежды навевали в души фронтовиков теплые ветры.

8-й гвардейский танковый корпус временно был выведен в резерв фронта и сосредоточился в районе Ковалл, Лезлау, Иенкау.

Для нашего полка передышка оказалась весьма кстати: в строю осталось всего девять исправных танков, остальные требовали ремонта. Инженер-капитан Кавьяров «мобилизовал» на ремонтные работы всех, кто мало-мальски владел инструментом. Под его руководством и при его энергии дело пошло успешно. За короткое время в строй вошли четыре машины. К началу активных действий 13 ИС были в полной боевой готовности.

Корпусу было приказано совершить марш в район Штеттина. Части двигались за наступавшими войсками 2-го Белорусского фронта. Довелось и нам, танкистам, своим ходом пройти по автостраде. Приятно, конечно, когда тя-

желая машина идет без болтанки, но как-то непривычно. Случались и задержки, хоть и прямая автострада, как стрела. Ходовая часть танков была уже порядком изношена. Глядишь, то у одного, то у другого танка шлепнется гусеница на бетон — движение всей колонны приостанавливается. Заменить поврежденные траки на автостраде несложно и недолго — работают люди на ровной, чистой поверхности, как в цеху. Таких случаев на марше было немало.

Части корпуса, переправившись через Одер, сосредоточились в районе Хольцендорф, Деделов, Пренцлау, составив резерв командующего 2-м Белорусским фронтом.

Наш полк вошел, как и было указано, в сам город Пренцлау. Картина открылась нам неприглядная: большие разрушения, на улицах много трупов лошадей, воздух тяжелый — апрель ведь на дворе. Я попросил разрешения сосредоточиться в четырех километрах западнее, в небольшой деревне Гюстов. Мне дали «добро», и я со своим штабом и всеми подразделениями полка разместился там.

Берлинская операция, одна из последних наступательных операций советских войск, к этому времени уже завершалась.

Наш корпус, находясь в резерве, был в готовности к боевым действиям, но задачи все еще не получал. Мне с другими командирами частей приходилось в это время навещать КП общевойсковой армии, чтобы быть ежедневно в курсе оперативной обстановки.

2 мая 1945 года был взят Берлин.

Мы находились в своем районе, в 70 километрах севернее Берлина. Радовались огромному боевому успеху советских войск, взявших штурмом фашистское логово, водрузивших над рейхстагом Знамя Победы. И жалели, что мы не там, хотя понимали: все осуществляется по планам высшего командования.

Прошло еще несколько дней. 8 мая пошли разговоры о том, что войне уже конец, а официальных сообщений никаких нет. И это озадачивало, тем более что от нас требовалось ни в коей мере не снижать боевую готовность. Все наши радиоприемники были настроены на главную волну. Никаких сообщений до вечера.

С наступлением ночи я лично проверил караулы, патрульную службу. Убедившись, что во всем поддерживается воинский порядок и высокая боеготовность, ушел отдыхать. Только лег — сразу же уснул. Усталому всегда кажется, что он вот только сомкнул ресницы, а его уже будят. Проснул-

ся я и мгновенно вскочил от беспорядочной стрельбы, поднявшейся среди ночи.

Напротив моего домика — штаб полка. И, как всегда, на своем месте майор Клинов.

— Федор, в чем дело, что за пальба? — спросил я его, распахнув дверь.

А он смеется.

— Это не бой, товарищ командир... — говорит устало, но радостно. — Это салют в честь победы.

— Было сообщение по радио?

— Было.

— А что передали?

— Война окончена. Фашистская Германия поставлена на колени. Безоговорочная капитуляция...

Мы обнялись на радостях. А потом вдвоем стали принимать меры, чтобы умерить стихийное салютование. На улицу высыпало множество полуодетых людей — кто без гимнастерки, кто без сапог, — и все палили в воздух из автоматов и пистолетов. Подумалось: вот как хочется военному человеку в конце войны поскорее выпустить весь боезапас, теперь вроде бы уже и ненужный. Тем не менее я постарался унять ребят — кого по-хорошему, кого построже. Шальная стрельба чревата всякими неожиданностями.

Но что это? Начштаба майор Клинов, этот воплотитель порядка и дисциплины, тоже не в силах сдержать чувств — выхватив пистолет, разрядил в воздух почти всю обойму. И смотрит потом виновато. Я ничего ему не сказал. К чему тут слова?

Вскоре мы узнали, что в тот самый день, когда мы, пребывая в готовности, ждали сообщений, свершилось знаменательное событие: в пригороде Берлина — Карлсхорсте был подписан акт о безоговорочной капитуляции германских вооруженных сил.

В оживленных, восторженных разговорах танкистов слышалась многократно повторяемая фраза: «Фашистская Германия поставлена на колени». Это были слова из приказа Верховного Главнокомандующего.

Я попросил у генерал-лейтенанта А. Ф. Попова разрешения съездить с группой офицеров в Берлин.

— Поезжайте... — ответил Алексей Федорович. — Оставьте за себя заместителя и поезжайте. Не надолго. Чтобы к обеду вернуться.

Сказал как-то со значением, напомнив, что надо оставить в полку заместителя, хотя это само собою подразу-

мевалось. В его словах и в тоне, каким они были произнесены, чувствовалась забота о поддержании в части боеготовности.

На следующий день утром я объявил полковое построение. В кратком обращении к личному составу подчеркнул: войне конец, но воинская служба должна идти как положено.

В глубине строя послышалось:

— Будет порядок в танковых войсках!

И хотя восклицание в строю — неприятная для командирского слуха вольность, я не обратил на это внимания, больше придал значения его смыслу. Кто-то из танкистов, видимо, от имени товарищей заверил: «Будет порядок!» И это важнее всего.

В те дни, в первые часы ликования, когда люди ничего не воспринимали, кроме слова «победа», командирам стоило немалых усилий поддерживать в частях должный воинский порядок. Подчас приходилось прибегать и к строгим мерам, но, скажу откровенно, зла на них, на нарушителей, не было. Как не понять нам, командирам, таким же фронтовикам, чувства и поступки солдат? Шел солдат долгими военными дорогами, шел из боя в бой, видел столько горя и крови, в любой день мог погибнуть, и вот явился вдруг изумительный день мирной тишины, когда в него, солдата, перестали стрелять из автоматов и пулеметов, бить из орудий, когда у него отныне жизнь в собственных руках. Жить на свете, жить! Он еще не мог понять всего этого, не знал, как распорядиться таким счастьем.

По долгу службы я отдавал команды и распоряжения, призывал к порядку и наказывал, а к ребятам моим был расположен всем сердцем. Каждого хотелось обнять, как боевого друга, и пожелать одного — счастья тебе, храбрый солдат!

...Для поездки в Берлин снарядили «виллис» и полуторку, в группу включили 15 лучших офицеров, в том числе всех командиров танковых рот.

Быстро мчались по шоссе. Не заметили, как въехали в Берлин и уже двигались по Пренцлауэрштрассе.

«Как же, оказывается, просто! — подумалось. — Сели в машины и за час приехали. А шли сюда с кровавыми боями долгих четыре года...»

Видать, не к одному мне такая мысль пришла.

— Раньше и не догадывались, что до Берлина такая прямая дорога, — с грустноватой улыбкой сказал майор Федоренко.

— Да не на таких машинах... — вздохнул наш водитель, пожилой старшина. — Все на танках.

Невдалеке от центра города нас остановили. Полуторку дальше не пускали, можно было ехать только на «виллисе». Что было делать? Подсадил я к себе еще нескольких офицеров, и мы продолжили путь, а остальным разрешил пройтись по городу пешком, назначив время и место сбора — в 13.00 в скверике на Инвалиденштрассе, недалеко от Бранденбургских ворот.

В городе еще дымились развалины, на улицах и площадях громоздилась битая военная техника. Но уже наводился силами комендантской службы какой-то порядок. Трудились, разбирая заторы па проезжей части улиц, немецкие граждане. Всюду наши патрули и регулировщики. Вились дымки русских полевых кухонь, к ним примыкали длинные хвосты очередей немцев, преимущественно стариков и детворы. Вперемешку с немецкой звучала русская речь. Там и здесь подавали невучие голоса вятские и саратовские гармошки.

Вблизи рейхстага торчало на лужайке много столбов, не сразу догадаться, что это такое. Выяснилось: бывший парк, голые стволы деревьев, у которых ветви начисто срезаны осколками снарядов и мин.

Над рейхстагом развевалось алое полотнище. Вот оно, Знамя Победы!

Побродили по разрушенному городу. Этаких восторженных чувств и мыслей, что вот-де лежит у наших ног поверженный Берлин, не было. Скорее, досада и жалость наполняли душу. Во имя чего разрушено и уничтожено на земле столько ценного, прекрасного, в том числе столичный город Берлин? И еще больше крепла ненависть к фашизму, к его оголтелой клике, которая ввергла страны и народы в губительную войну.

К 13 часам мы вернулись к назначенному месту на Инвалиденштрассе. Все собрались, а двух ротных командиров нет. Надо было ждать — не уезжать же без них. А чтобы не терять времени попусту, решено было перекусить, собственно пообедать сухим пайком. Достали консервы, сало, хлеб. Налили по маленькой стопке из припасенной кем-то фляжки. Тост единственный, краткий и необъятный: «За Победу!»

Подошли и остановились в нескольких шагах немецкие ребятишки. Надо заметить, что берлинские дети с первых минут мирной тишины не проявляли никакой боязни пе-

ред русскими людьми, —видать, сразу почувствовали добрую натуру нашего солдата.

— В таких поездках хозяйственникам не худо бы хоть конфеток иметь... — сказал один из офицеров, безуспешно обшаривая карманы.

— Да к чему им те конфеты? — возразил другой. — Видите, как у них глазенки горят с голоду.

Подозвали мы их, употребив первую подвернувшуюся фразу по-немецки: «Коммен зи битте». Они усмехнулись, обращение показалось им, наверное, слишком церемонным. Надо было ведь проще окликнуть: «Ком!» Подошли ребята и не заставили себя упрашивать: ломтики колбасы и сала с хлебом, не жуя, проглатывали.

Время идет, а ротных командиров все нет.

— Заблудились, наверное, — сказал кто-то.

Могло и такое случиться. И трудно было что-то предпринять в помощь товарищам. Искать двух офицеров в огромном разрушенном городе — дело безнадежное. И все-таки я отправился на поиски — не сидеть же сложа руки.

Медленно ехали на «виллисе», посматривая по сторонам. Обогнули несколько кварталов и конечно же наших не нашли. В районе Бранденбургских ворот на одном из оживленных перекрестков регулировала движение девушка-солдат. Стройная, красивая, с отработанными до изящества жестами. Пропустила машины в одном направлении, затем в другом... Вдруг резким взмахом флажка остановила наш «виллис». Заметив меня, обратилась запросто и даже несколько свысока, воскликнув певуче:

— Вы, что ль, полковник Ивановский?

Я с удивлением отозвался:

— Да. А что?

— Заберите двух своих капитанов, — показала она флажком в сторону.

Я посмотрел в указанном направлении и увидел сидящих на поваленном электростолбе офицеров. Сгорбились, понурились, как обиженные сироты. Раньше они нас не видели, а мы их. Они действительно заблудились. Попросили регулировщицу остановить «виллис» с опознавательным знаком «подкова» и номером 520, что она и сделала.

— Вот спасибо тебе, красавица! — благодарили ее офицеры. — А то так и проехали бы мимо.

Она улыбнулась и повелительно взмахнула своими флажками: давайте, мол, катите своей дорогой.

Наши машины мчались по той же магистрали на Пренцлау. Насмотрелись мы в Берлине всякого. Думы роились в голове. Хотелось поскорее в свою часть.

День 9 мая в войсках прошел как праздник. Победу отмечали в частях и подразделениях, в районах сосредоточения, в населенных пунктах и на временных стоянках. Гремели включенные на полную мощность радиоприемники — передавались речи, поздравления, музыка. Заливались гармони, серебристо напевали аккордеоны. Многоголосое эхо разносило над землей грохот салютов — в честь Советских Вооруженных Сил, в честь советского народа, обеспечившего самоотверженным трудом в тылу успехи на фронте, в честь вдохновителя и организатора великой победы — Коммунистической партии.

Заслуженная победа, добытая трудом, потом и кровью.

Наши гвардейцы-танкисты могли с достоинством и гордостью оглянуться на пройденный путь. 2-й танковый, впоследствии 8-й гвардейский Краснознаменный танковый корпус принимал участие в операциях и боях на важнейших направлениях: Сталинградская битва, Курская дуга, форсирование Днепра, освобождение Польши, Висло-Одерская, Восточно-Прусская, Померанская операции... В сражениях с немецко-фашистскими захватчиками части корпуса уничтожили 2120 танков, 2000 орудий, 3000 пулеметов, 5000 автомашин противника, истребили десятки тысяч гитлеровцев.

Боевой путь корпуса овеян славой побед. Гвардейские знамена его частей увенчаны 22 орденами.

За мужество, стойкость, отвагу, проявленные в боях, 23 воина корпуса удостоены звания Героя Советского Союза. Свыше 10 тысяч офицеров, сержантов и солдат корпуса награждены орденами и медалями, в том числе 37 человек — орденом Ленина, 500 — орденом Красного Знамени, 3500—орденом Отечественной войны обеих степеней. Немало храбрых воинов погибло на полях сражений, а на их место еще больше вставало в строй новых бойцов.

ГОДЫ, КАК СКОРЫЕ ПОЕЗДА

К событиям минувшим способны вернуть память и фотоснимки. Есть у меня в числе других фотокарточка, где я с молодыми офицерами, вчерашними выпускниками учи-

лищ. Те юноши в лейтенантских погонах давно выросли, могу сказать, кто из них ныне полковник, а кто генерал.

Успехи, свершения, рост молодых командиров и политработников всегда занимали в моей работе, в моей душе большое место. Любил и люблю «повозиться» с офицерской молодежью, видя в ней и настоящее и будущее родной армии. На войне ведут подразделения в бой, решают огневые и тактические задачи в первую очередь все-таки они, лейтенанты, в мирное время и боевая подготовка, и боеготовность войск тоже держатся на лейтенантских крепких плечах. Как строго, бывало, ни обходишься с ними в боевой обстановке, как жестко ни требуешь от них уставного порядка в повседневной службе, а все равно успехам почти каждого лейтенанта радуешься.

Если уж прорываются в разговор нотки личного, сокровенного,— пожалуй, признаюсь, что в свое время очень огорчался, когда мои собственные сыновья, вначале старший, а потом и младший, не избрали жизненной профессией службу в армии.

Но речь не о сыновьях. Раздумья мои об офицерской молодежи, о лейтенантах, которых по праву командира и воспитателя считаю моими армейскими сыновьями. На фронте приходилось терять их в боях, и не было большей для меня печали, когда хоронили в братских могилах юных, отважных лейтенантов. На фронте случались праздники, когда вручали боевые ордена, и не было для меня большей радости, как прикрепить на линялую гимнастерку мальчишки лейтенанта орден Красного Знамени, Отечественной войны или медаль «За отвагу».

Разве не вспомнишь, не увидишь, как живую, такую, например, картину боевых действий на немецкой земле в сорок пятом?..

Однажды молодые командиры (а я вместе с ними), не шибко старательно изучавшие немецкий язык в школе, спутали на карте названия Ризенбург и Розенберг. Ставилась задача стремительной атакой взять один город, а мы, рванув вперед, овладели другим, далеко оторвались от наших бригад, вторглись в полосу наступления соседней армии и, захватив город, подарили ей этот успех. Сообразив наконец, что к чему, повернули в свою полосу и ждали, конечно, нагоняя. Но маршал К. К. Рокоссовский, говорят, добродушно посмеялся над этой «путаницей» и, поскольку мы выполнили более сложную задачу, чем нам ставилась, похвалил нас.

Вести о достижениях, о служебном росте бывшего лейтенанта, а ныне командира части или соединения, по-хорошему волнуют и опять-таки наводят на воспоминания. Порой даже несколько изумляет: как быстро! Кажется, был он лейтенантом совсем в недавно минувшем таком-то году, а теперь вот майор или даже полковник. Иногда мы не замечаем, что у такого молодого командира уже виски засеребрились...

Оно только кажется недавним — все, что осталось за плечами. А на самом деле и событий, и лет прошло немало.

Годы проносятся, как скорые поезда. И нет им счету. Никто из нас, воинов и тружеников, не привык считать годы — потому что некогда. Все твои заботы и помыслы о том, чтобы лучше выполнить приказ, учебно-боевую задачу, чтобы подчиненный по службе личный состав части, соединения, округа хорошо владел оружием, техникой и находился в высокой боевой готовности. Обучение и воспитание подчиненных — командирский хлеб насущный, забота о боеготовности — первая заповедь.

Своей устремленностью в будущее мы и сами ускоряем бегущие годы. Потому что так воспитаны. Иначе не можем.

Вперед и вперед, время! Главное, о чем все мы заботимся, это чтобы всегда был крепким и боеспособным армейский строй, чтобы на должной высоте были командные и политические кадры.

За многие годы армейской службы я не могу вспомнить, чтобы в строю оказались небоеспособные солдаты, а на командных должностях — лейтенантских или генеральских — недостойные люди. Во всяком случае, лично мне не доводилось встречать ничего подобного. Противоречия, борьба мнений и даже конфликты — это бывало. Как и во всякой области деятельности человеческой.

Чем-то единым, характерным перекликаются три эпизода послевоенного ратного труда. Мне хочется взглянуть на них глазами участника крупных войсковых учений разных времен.

В 1955 году я принимал участие в маневрах Белорусского военного округа в роли командира танковой дивизии — это была и штатная моя должность. На всех этапах отработали мы хорошо, а когда подошли к Неману, готовясь его форсировать, высокому начальству что-то не понравилось.

«Охрипшая» от помех в эфире рация передала:

— Генералу Ивановскому прибыть на НП руководства.

И опять мне довелось встретиться с Маршалом Советского Союза Г. К. Жуковым.

— Ваша дивизия готовится к форсированию водного рубежа. Вот уж сколько на берегу топчется...— Он взглянул на часы. — А нельзя ли было поступить иначе? Ускорить дело?

— Так точно, — ответил я. — Можно было форсировать реку с ходу на участке соседа, где уже захвачен плацдарм.

— Вот именно! — воскликнул Г. К. Жуков и посмотрел на меня так же умно-колюче, как десяток лет назад, когда корпус потерял немало танков на минных полях сероцкого плацдарма.

— Почему же не воспользовались?

Ответить на этот вопрос было нелегко: не хотелось расписываться в собственной безынициативности и неловко было ссылаться на категорические указания непосредственного моего начальника. Времени на размышления — под взглядом Г. К. Жукова — тоже не было.

— Товарищ Маршал Советского Союза... — заговорил я и чуть-чуть запнулся, но тут же продолжал: — План учений предусматривает форсирование водного рубежа с выполнением всех подготовительных операций в полном объеме.

Он вскинул голову:

— А как лучше?

— Лучше и вернее — воспользоваться плацдармом соседа применительно к боевым условиям.

— А в данном случае?

— По плану учения. Отработать все элементы.

Он весомо положил руку на стол с расстеленной на нем картой.

— Ладно. Действуйте, генерал, по плану, — сказал маршал и, обращаясь к генералам штаба руководства, кивнул в мою сторону: — А то, чего доброго, и меня обвинит в нарушении плана.

Послышался сдержанный смешок.

Я поспешил к переправе. Вскоре меня догнал газик с белым флажком на капоте.

— Маршал интересуется, будете ли вы применять при форсировании маскировочные дымы? — спросил, открыв дверцу кабины, полковник.

— Нет, — ответил я. — Направление ветра невыгодное для нас.

Каково же было мое недоумение, когда, приближаясь

к берегу, я увидел плотную дымовую завесу, стелившуюся туманом над рекой, мешавшую выходу подразделений к реке и совершенно не мешавшую противнику вести огонь по ним. Оказывается, начальник штаба, действуя по строго разработанному плану учений, дал команду на применение перед форсированием маскировочных дымов.

«Что ж поделаешь... — усмехнулся я про себя. — В атмосфере академической плановости приверженность к учебной разработке начштаба дивизии объяснима».

Мы ждали, что на разборе учений нас отчитают за этот этап, но все обошлось благополучно, нас не ругали, а даже упомянули в числе передовых — жаловаться вроде не на что, однако кошки на душе поскребывали...

А думы к этим событиям потом возвращались не раз, и в сознании бился птицей-подранком вопрос: почему это мы боимся подчас взять на себя инициативу, ответственность, отойти от шаблона, если такая необходимость диктуется обстановкой?

Несколько позже об условностях, сковывающих инициативу командиров, заговорили в армейских кругах во весь голос, появились многие печатные выступления на эту тему. В практику командирской работы были внесены нужные коррективы, и дело обучения и воспитания от этого выиграло, поднялось на ступень выше.

В 1970 году на войсковых учениях «Двина» я командовал фронтом «южных», которые вели в основном оборонительные действия. «Северные» наступали.

На завершающем этапе учений разыгрывался встречный бой. На широком поле вступили в противоборство танки и боевые машины пехоты. Инициативно, тактически грамотно управляли подразделениями командиры, выполнялись сложные маневры на местности, применялись обходы, охваты и фланговые удары. Бой распадался на очаги. На огромном пространстве двигалось и ревело множество боевых машин — ну прямо-таки повторение Прохоровского сражения в современном варианте.

И когда все силы «северных» уже действовали, я решил ввести в бой из резерва еще одну танковую дивизию, ту самую, которую минувшей ночью подняли по тревоге и передали в мое распоряжение. Вместе с офицерами штаба и командиром дивизии мы разработали вариант ввода, который нам казался наиболее эффективным.

По сигналу колонна, сосредоточенная в лесу, начала выдвигаться к полю боя. Танки шли на большой скорости. За ними двигались юркие боевые машины пехоты,

С вышки наблюдения танковую колонну сразу заметили. Послышались слова одобрения и вместе с тем недоумения:

— Хорошо идут... Летят!

— Но куда?

— Н-да... Кажется, «не в ту степь».

«Ага, думаю, непонятно? Хорошо! «Противник» тоже не поймет».

И уже прозвучало по телефону прямой связи этак язвительно-осуждающе:

— Где и как он будет развертываться, ваш выдвигаемый таким аллюром резерв?

Но все было продумано и рассчитано. Вместо традиционного развертывания «веером» был предусмотрен несколько иной маневр. По радиокоманде танки, мчавшиеся в колонне, чуть замедлили ход и повернули «все вдруг» влево. За ними такой же маневр произвели БМП. Колонны таким образом сразу же превратились в боевую линию. И получилась внезапная, сильная контратака во фланг «северных». Противостоять этому удару в реальных боевых условиях вряд ли было бы возможно.

Четко сработали и поддерживавшие танкистов летчики: сверхзвуковые истребители-бомбардировщики появились над местом контратаки секунда в секунду.

Встречный бой и контратака вызвали восторженные слова на вышке руководства, среди людей с немалым боевым опытом, с солидными познаниями в военном искусстве.

В 1981 году мне пришлось командовать силами наступавшей стороны на учениях «Запад-81», получивших и широкую известность, и высокую оценку нашего руководства. Как сообщала пресса тех дней, в учениях участвовало около ста тысяч человек, применялись все виды современной боевой техники. Это был серьезный экзамен ратному мастерству защитников Отчизны, отчет наших воинов перед Коммунистической партией и народом о выполнении задач, поставленных съездами КПСС, по дальнейшему укреплению оборонного потенциала Советской страны, боевого могущества ее Вооруженных Сил.

Прорыв наступавшими обороны «противника» массированным боевым порядком представлял собой таранный удар огромной силы и вместе с тем тонко отстроенное взаимодействие мотострелковых, танковых, авиационных подразделений. Отлично решали поставленную задачу современной сложности воины гвардейской мотострелковой дивизии.

Ратный труд никогда не был легким, но ныне, в условиях применения современных средств вооруженной борьбы, он стал намного сложнее. И от командира, и от рядового он требует высочайшего напряжения силы, воли, мысли.

Накануне наступления я побывал в мотострелковом батальоне, которым командовал тогда гвардии капитан В. Иващенко, беседовал с солдатами и офицерами. Задержался почему-то взгляд на худощавом светловолосом солдате. Расспросил его, откуда он и кто. Он негромко так, но без смущения рассказал: рядовой Костевич, механик-водитель БМП, белорус, родом из Копыля, дома мать, отец, две сестренки. Все обыкновенно в молодой биографии, просто и хорошо. Не было ничего внушительного в облике этого солдата, которому завтра идти в атаку, и как-то сам по себе возник вопрос:

— Ну а если танк, за которым будешь идти, допустим, подобьют. Как тогда?

Тем же своим не особо выразительным голосом он ответил:

— Продолжать наступление.

И это, как оказалось, не было заученной фразой. В атаке, в едином мощном порыве танкисты и мотострелки на своих боевых машинах, в том числе и рядовой Костевич, неудержимо шли вперед, действовали умело, настойчиво и мужественно.

Кто-то из присутствовавших генералов братских стран, пораженный увиденным, заметил по-русски:

— В этих машинах настоящие рыцари брони и огня. Молодцы!

Я согласно кивнул.

Перед глазами возникла худощавая, мальчишечья фигурка вчерашнего собеседника. А что, разве не рыцарь? Таковы они и есть наши ребята, солдаты восьмидесятых. Вон как идут вперед — ничто их не остановит.

Мчатся годы, как скорые поезда, и календарь, будто расписание, отсчитывает их.

Пути-дороги привели меня однажды в гарнизон, где служат танкисты младших поколений — уже не сыновья, а внуки фронтовиков, где на посту № 1 охраняется торжественно подтянутыми часовыми гвардейское Знамя.

Отдавая по-уставному честь этому Знамени, я вспомнил имена многих боевых товарищей.

Не только мы, фронтовики, помним героев. Их знают и нынешние молодые воины. На полигоне, в огневом городке идет соревнование за почетные вымпелы имени Героев Советского Союза Петра Вернигоры и Александра Яковенко, навечно зачисленных в списки личного состава подразделений. Лучшим из лучших предоставляется право выполнять огневые задачи за героев. Будто они и сегодня в строю. Да так оно и есть. Своими патриотическими боевыми делами они в строю.

В том же гарнизоне я встретил пожилого уже человека, старшину в отставке, работника одного из местных учреждений. Нам было о чем поговорить и что вспомнить. Мы сфотографировались на память. То был фронтовой механик-водитель моего 520-го командирского танка — Григорий Тимофеевич Желнин.

Да, промчались они быстро — сороковые, пятидесятые... Нынче с еще большей скоростью (космический век!) мчатся восьмидесятые. И по-прежнему не задумываешься о дне текущем, занят только делом, и, как всегда, не считаешь, сколько там осталось, намечаешь да прикидываешь, как бы побольше успеть.

Лишь иногда что-то ярким впечатлением, будто далекой вспышкой, вернет мысли к минувшему. Или кто-то напомнит словом, фразой о простом, житейском... Чаще всего Раиса Федоровна. Прозвучат вдруг над ухом слова, которые не раз от нее слышал, отправляясь на службу: «Тому, кто пришел с жалобой, с просьбой, обязательно надо помочь. Человек идет к тебе не потому, что ему захотелось повидаться с большим начальником, а потому, что у него наболело». Говорила она об этом не то чтобы наставительно, а так, напоминающе. Я и сам всегда настраивался на участливое внимание при встречах с посетителями, а вот слова жены привносили еще что-то. Сколько помню, всегда она торопила меня на работу пораньше — хотя я и сам никогда не опаздывал. И лейтенантом, помнится, и полковником, и генералом. А теперь вот командующего тоже торопит.

— Пора уже, пора! — напоминает, поглядывая на часы. И, заметив мой молчаливый вопрос во взгляде, поясняет: — Нехорошо будет, если командующий придет хоть и вовремя, но после других.

И я отправляюсь пешком на службу с порядочным упреждением по времени. Часто в эти минуты закружатся,

этак тихо и совсем ненавязчиво, думы о человеке, который шел с тобой рядом все эти годы трудными армейскими дорогами, пережил с тобой вместе все тяготы и невзгоды, не удостаиваясь за равную долю участия во всем этом ни повышений, ни орденов.

Молодым офицерам, которым посвящена эта главка моих воспоминаний, я уже не как начальник, а как старший товарищ по службе, по военной профессии сердечно посоветовал бы находить боевых подруг один раз и на всю жизнь.

ВМЕСТО ЭПИЛОГА

Почти пятьдесят лет состою я на службе в Советских Вооруженных Силах. За это время прошел немало ратных дорог, был свидетелем и участником основных, этапных событий нашего военного строительства. Московский военный округ, Белорусский, Дальневосточный, Группа советских войск в Германии и вновь Белорусский — всюду хватало работы, да такой, которая, как бы ни налегала на плечи, всегда вдохновляла своей жизненной необходимостью. Товарищи, трудившиеся рядом, тоже отдавали делу все силы, не жалели ни времени, ни себя. С любым из них, как метко утверждается фронтовой пословицей, можно идти в разведку. Взаимное доверие всегда было полным, устремления и помыслы—единодушными, хотя ни одно служебное совещание, ни одна встреча не обходились без обоюдоострого разговора — зато выработанное коллективными усилиями решение отвечало требованиям.

В своих записках, приближающихся к завершению, мне хочется сказать слово об ордена Ленина Московском военном округе, где я начал службу лейтенантом и войсками которого впоследствии мне выпала честь командовать, о других округах, Группе войск, о сослуживцах, товарищах.

Московский военный округ — один из старейших в стране, рожденный революцией. Декрет о его создании 4 мая 1918 г. подписал В. И. Ленин. МВО — сердце наших Вооруженных Сил, четкое биение которого слышно на ближних и дальних рубежах. МВО — участник героически стойкой обороны и героически стремительного наступления под Москвой. МВО — кузница военных кадров, центр, лаборатория военно-научной мысли. МВО — инициатор многих патриотических починов, получивших широкое распространение в войсках.

Будучи с 1965 года первым заместителем командующего, а с 1968 года в течение четырех лет командующим войсками ордена Ленина Московского военного округа, я часто посещал окружной музей — с зарубежными гостями, старшими начальниками, молодыми офицерами, прибывавшими к нам служить. С уважением к людям ратного подвига и с преклонением перед их мужеством входил я в залы, рассматривал экспонаты. Сам я приложил немало усилий для создания этого музея, принимал меры, чтобы расширить экспозиции, найти новые свидетельства о боевой истории МВО.

Продолжительное время мне, первому заместителю командующего войсками МВО, приходилось исполнять обязанности командующего. И потому, когда меня официально утвердили в этой должности, особо заметного перехода вроде бы и не почувствовалось. Продолжалась работа, вопросы и проблемы решались так же оперативно, деловой контакт с сослуживцами был давно налажен. Может быть, это последнее — крепкий деловой контакт с людьми, атмосфера взаимной требовательности и взаимной поддержки — наиболее способствовало определенным успехам в работе.

Военный совет у нас был очень работоспособен и активен. Каждый из членов Военного совета на своем направлении проявлял максимум инициативы и, с доброй шуткой говоря, командующему спокойного житья не давал, что я ценил превыше всего.

Всегда считал необходимым и полезным прислушаться к мнению члена Военного совета — начальника политуправления округа генерал-полковника К. С. Грушевого. Не только прислушаться, но и поучиться. У Константина Степановича за плечами был огромный опыт партийной, хозяйственной, оборонной работы. В предвоенные годы он был вторым секретарем Днепропетровского обкома партии, на войне — членом Военного совета армий и фронтов, работал министром автомобильной промышленности на Украине, потом вновь трудился в руководящих армейских органах. Человек высоких партийных принципов, сильного характера, организаторского таланта, К. С. Грушевой оказывал благотворное влияние на все участки нашей работы.

Первым и надежным моим помощником в делах службы, ратного труда проявлял себя начальник штаба округа генерал-лейтенант М. И. Головнин. Знаток военного дела, умелый организатор и строгий блюститель уставных требований. В большой своей бритой голове держал он множество вопросов и нередко «опережал» мои распоряжения —

в лучшем смысле этого слова. Скажешь, бывало, ему, что хорошо бы предусмотреть такое-то мероприятие, а оно у него уже спланировано.

С чувством высокой ответственности, добросовестно трудились заместители командующего войсками округа генерал-лейтенант В. К. Дятленко, генерал-полковник А. Т. Голубев, генерал-лейтенант Н. А. Неелов, генерал-лейтенант танковых войск И. К. Яковлев.

С большой теплотой вспоминаю многих офицеров и генералов управления МВО, с которыми пришлось работать в те годы. Если бы стал называть фамилии, перечислил бы, наверное, всех по списку.

Деловитость, принципиальность, взыскательность, доброжелательность стали характерными чертами стиля работы в Военном совете, в штабе и управлениях столичного округа. Естественно, этот стиль переносился и в части, утверждался в воинских коллективах. Проявлялись порывы, но не было рывков, принимались срочные и даже экстренные решения, но не допускалось нервотрепки. Хотя где-где, а уж в МВО задачи подчас возникали весьма сложные, может быть даже не совсем, что ли, типичные для войск.

Территориально округ расположен в центре РСФСР. Дружеские и деловые связи сложились у командования с партийными и советскими органами областей, где дислоцировались наши войска. В наших гарнизонах нередко бывали, лично занимаясь различными организационными вопросами, первый секретарь Московского обкома КПСС В. И. Конотоп, первый секретарь Смоленского обкома И. Е. Клименко, первый секретарь Тульского обкома И. Х. Юнак, первый секретарь Рязанского обкома Н. С. Приезжев и другие. Постоянное внимание уделяет округу член Политбюро ЦК КПСС, первый секретарь Московского городского комитета партии Виктор Васильевич Гришин.

Есть, говорят, школа министров, есть, наверное, и школа командующих — и то и другое, разумеется, в образном, символическом толковании. Первую должность командующего я исполнял в Московском военном округе, и эти годы были для меня большой школой руководства и работы с людьми.

Неповторим, ни с чем не сравним, скажем, Краснознаменный Дальневосточный военный округ, в котором мне довелось служить. Тоже свои революционные и боевые традиции, а просторы и масштабы такие, что, кажется, у любого солдата и офицера там даже какой-то особенный размах службы — богатырский. Мне тоже там хорошо рабо-

талось, хотя трудностей хватало. Задачи ставились серьезные и объемные — приходилось часто трудиться с предельным напряжением. На службу, однако, не жаловались. Сожалели лишь о том, что в сутках всего 24 часа. Шутили: на востоке, дескать, день начинается раньше — могла б тут природа выделить и побольше времени... Годы, версты Дальнего Востока остались в памяти и в сердце навсегда.

Передним краем социалистического содружества стран называют Группу советских войск в Германии, которой я имел честь командовать более восьми лет. Впечатление такое, что пронеслись они чрезвычайно быстро, эти годы. Видно, потому, что не было там периодов затишья и ожиданий — служба шла широким, бодрым шагом днем и ночью, шла беспрерывно. Много приходилось помогать в работе немецким товарищам, которые с интересом, с охотой воспринимают наш опыт во всех областях деятельности. В ГСВГ, на земле молодой еще Германской Демократической Республики, каждый наш воин чувствует себя еще и полпредом Советского государства. Воскресенья и праздничные дни значились красными числами в календаре, отпуска предоставлялись, но все это — лишь относительно. Отключиться от службы полностью на переднем крае никто не может — ни главком, ни взводный, ни солдат.

Все мне знакомо, все дорого в Краснознаменном Белорусском военном округе, где проходили и фронтовые дороги, и послевоенные, и вот нынешние. Границы республики совпадают с границами округа, сердца здешних тружеников бьются в унисон с солдатскими.

Колокола Хатыни певуче-печальным звоном напоминают, что на белорусской земле в годы войны за нашу победу отдал свою жизнь каждый четвертый. Штыки кургана Славы свидетельствуют, что на белорусской земле развивалась и набирала силу крупнейшая стратегическая наступательная операция советских войск под кодовым названием «Багратион». И одно, крайне трагическое событие, и другое, возвышенно-героическое, — оба они, как и множество других событий того лихолетья, приближали нашу победу в Великой Отечественной войне.

День Победы... Люди приближали его, как могли,— яростными атаками на фронтах и дерзкими налетами на фашистские гарнизоны в партизанских зонах, многосуточными трудовыми вахтами в тылу и стойкой подпольной борьбой на захваченных врагом территориях. Вклад полководца, руководившего операцией, подвиг солдата, бросавшегося в рукопашную, самоотверженность крестьянки,

укрывшей партизан и погибшей под пулями карателей, наверное, одинаково значимы и величественны во всенародной борьбе против фашизма. Советский человек не жалел в этой борьбе сил, крови, жизни.

Белорусская земля... По ней прокатились все войны, в которых наша страна защищала свою честь и свободу, прокатились грозным огненным валом туда и обратно. Каждая пядь белорусской земли — это в прошлом рубеж или плацдарм, цитадель или котел.

А нынешнюю Белоруссию называют самой динамичной республикой — имеется в виду ее стремительное развитие в индустрии, земледелии, культуре, науке. Динамика и впрямь изумительная, если вспомнить, что не так уж и давно именовалась эта земля краем лесов да болот, который и я сам, уроженец этих мест, еще видел. А сегодня? Известные всему миру труженики полей тракторы «Беларусь», не менее знаменитые богатыри БелАЗы, белорусская нефть в стальных артериях трубопровода «Дружба», белорусские лазеры в институтах, клиниках, на заводах, белорусские ЭВМ с умнейшим электронным мозгом. Белорусская бульба тоже не менее знаменита — благодарят за нее и ленинградцы, и азербайджанцы, и северяне. Не диво, не чудо вся эта динамика роста. Складывается она из многих повседневных дел наших тружеников. Люди, замечательные люди возвеличивают своим трудом доброе имя республики.

В одной из поездок выпала возможность заглянуть на часок в родные края, где давно-давно не бывал, кажется с самого детства.

Село Черея, Чашниковского района, Витебской области. Старая рубленая хата, та самая. Здесь я родился и вот завернул сюда, чтобы поклониться отчему дому, постоять у порога, с которого когда-то сделал первые шаги.

О чем думалось?

Далеким-далеким эхом звучали голоса отца и матери, здешних селян. Наяву слышалась спокойная, деловая речь нынешних жителей села, в том числе и младшего поколения Ивановских, моих племянников, раздавался шум автомашин и механизмов, обычный такой в современной деревенской жизни. Раздумья мои... Не сказать, чтобы они вились роем только у отчего дома, где я теперь стоял. Больше мыслей было о том, как родная Беларусь вышла из таких вот хат, преодолела за годы Советской власти огромный путь, стала высокоразвитой и богатой.

Хорошо служится в Белоруссии воинам младшего поколения. Радушие и гостеприимство в каждой белорусской хате, когда мимо проходят маршруты тактических учений, внимание и забота партийных и советских органов республики в вопросах боевой учебы, культуры и быта.

Вспоминая о войне, о разных временах, о близких и далеких полях ратного труда, мысленно оглядывая рубежи, дороги и форпосты, думаю о людях в погонах, о мощи современной армии, в которой все твои силы, все чувства и вся жизнь.

Высокое предназначение нашей армии — охранять свободу, труд, счастье народа — оправдано боевым прошлым, гарантировано нынешним и будущим.

В пору, когда я был главнокомандующим Группой советских войск в Германии, мне немало довелось поездить по обновленной немецкой земле, повидать хорошего и примечательного, созданного руками трудолюбивого немецкого народа.

Однажды на встрече с немецкими рабочими мне был задан вопрос: «Где вы закончили войну?»

— А тут, неподалеку... — указал я в раскрытое окно, поскольку встреча проходила на предприятии близ Пренцлау.

— Тогда вы, возможно, и не думали, что сегодня придется с нами беседовать почти на этом самом месте, — заметил, улыбаясь, пожилой инженер.

Конечно же и в мыслях подобного не было у полковника Ивановского...

Возвращаясь после встречи с немецкими рабочими к себе, в штаб Группы войск, проезжая по той же автостраде, по которой когда-то шли танки гвардейцев, я размышлял об изумительных переменах, о величайших достижениях, начавшихся здесь с весны сорок пятого.

Вот она, по левую и по правую сторону автострады, земля новой Германии.

На заводе, где час назад проходило собрание, мне подарили на память о встрече иллюстрированную книгу Карла Хайнца Бёле «Прекрасен облик наших будней». Я листаю ее, вижу яркие, выразительные, будто говорящие с тобой снимки. Взгляд выхватывает из крупношрифтового текста абзац:

«1945 год... Они вернулись с войны, вылезли из подвалов... выжидали, колебались, с трудом нащупывали дорогу

среди духовных и материальных развалин... Солдаты и офицеры Советской Армии, освободители немецкого народа, с боями дошедшие до Берлина, стали действовать по поручению своей Коммунистической партии как друзья, плечом к плечу с немецкими антифашистами, плечом к плечу с немецкими коммунистами. Нужно было проложить новый путь. Требование времени гласило: создавайте порядок, стройте лучший мир, начинайте!»

Мне хорошо помнятся те дни, когда мы, освободители, помогали немцам «начинать». Многие тогда с сомнением относились к советам советских воинов, к словам тех, кто во времена фашизма подвергался преследованиям. Прошло время, произошли большие события, прежде чем люди убедились: да, надо идти по новому пути.

Не только в Германии, но и в других европейских странах — в Польше, Венгрии, Чехословакии, Болгарии, Румынии, Югославии — с приходом Советской Армии начались большие перемены в жизни народов.

Советские воины, отстоявшие независимость Родины, сокрушившие гитлеровскую военную машину, разгромившие фашизм, принесли многим народам свободу и открыли путь к преобразованию Европы. В этом один из важнейших итогов Великой Отечественной войны.

Теперь это немцы понимают. И говорят при встречах с нашими товарищами, и в своих книгах пишут.

Какой поворот в сознании, в психологии людей, народов!

Мне, прошедшему с боями по немецкой земле и теперь наблюдавшему ее расцвет, это особенно заметно и понятно.

Впрочем, какой же я наблюдатель? Я прямой участник преобразований на немецкой земле, в немецком обществе — как и все те, кто нес в разное время службу в Группе советских войск в Германии. Вот и на предприятии, где сегодня выступал... Немецкие товарищи по-деловому советовались со мной относительно своих ближайших производственно-хозяйственных планов.

...Машина тем временем приближалась к Берлину. У контрольно-пропускного пункта вытянулись, отдавая честь, офицер и два солдата в форме Национальной народной армии ГДР. Отличная строевая выправка! Насколько мне известно, и боевая выучка у них на должном уровне. По-современному сильны все братские армии стран Варшавского Договора, достойно выполняющие свой интернациональный долг. И всему этому предшествовал

ратный подвиг советских воинов, принесших весной сорок пятого мир и свободу народу этой и других земель.

Мирное небо голубеет сегодня над планетой. Мирные годы проходят в нашей жизни один лучше и богаче другого.

Мир, труд — высшее человеческое счастье. Мы дорожим им, этим счастьем. Но его нужно и беречь. И надежным его стражем являются Советские Вооруженные Силы — самые доблестные и самые миролюбивые на земле.

СОДЕРЖАНИЕ

Евгений Филиппович Ивановский

АТАКУ НАЧИНАЛИ ТАНКИСТЫ

Редактор *В. А. Откидач*
Художественный редактор *В. В. Васильев*
Технический редактор *Т. Г. Пименова*
Корректор *Т. И. Козырева*

ИБ № 2273

Сдано в набор 18.10.83. Подписано в печать 6.01.84.
Г-70207. Формат 84×108/32. Бумага тип. № 2. Гарнитура обыкн. новая.
Печать высокая. Печ. л. 8. Усл. печ. л. 13,44. + вкл. — 9/32 печ. л.,
0,53 усл. печ. л. Усл. кр.-отт. 13,97. Уч.-изд. л. 15,91. Изд. № 3/8875.
Тираж 100 000 экз. Зак. 427. Цена 1 р. 30 к.

Воениздат,
103160, Москва, К-160.
1-я типография Воениздата,
103006, Москва, К-6, проезд Скворцова-Степанова, дом 3

УВАЖАЕМЫЕ ЧИТАТЕЛИ!

Ваши отзывы на книги серии «Военные мемуары» просим направлять по адресу: 103160, Москва, К-160, Военное издательство.